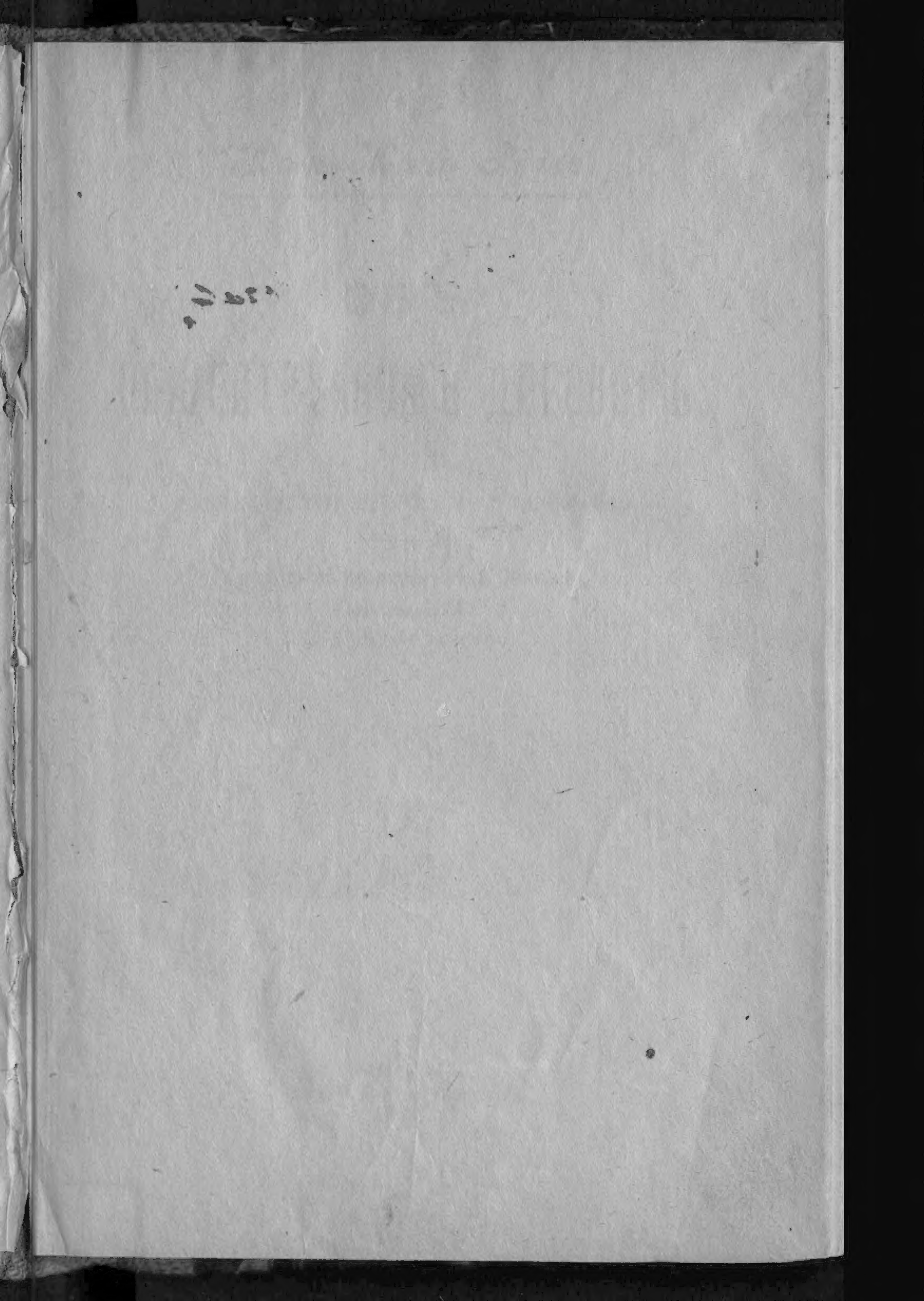
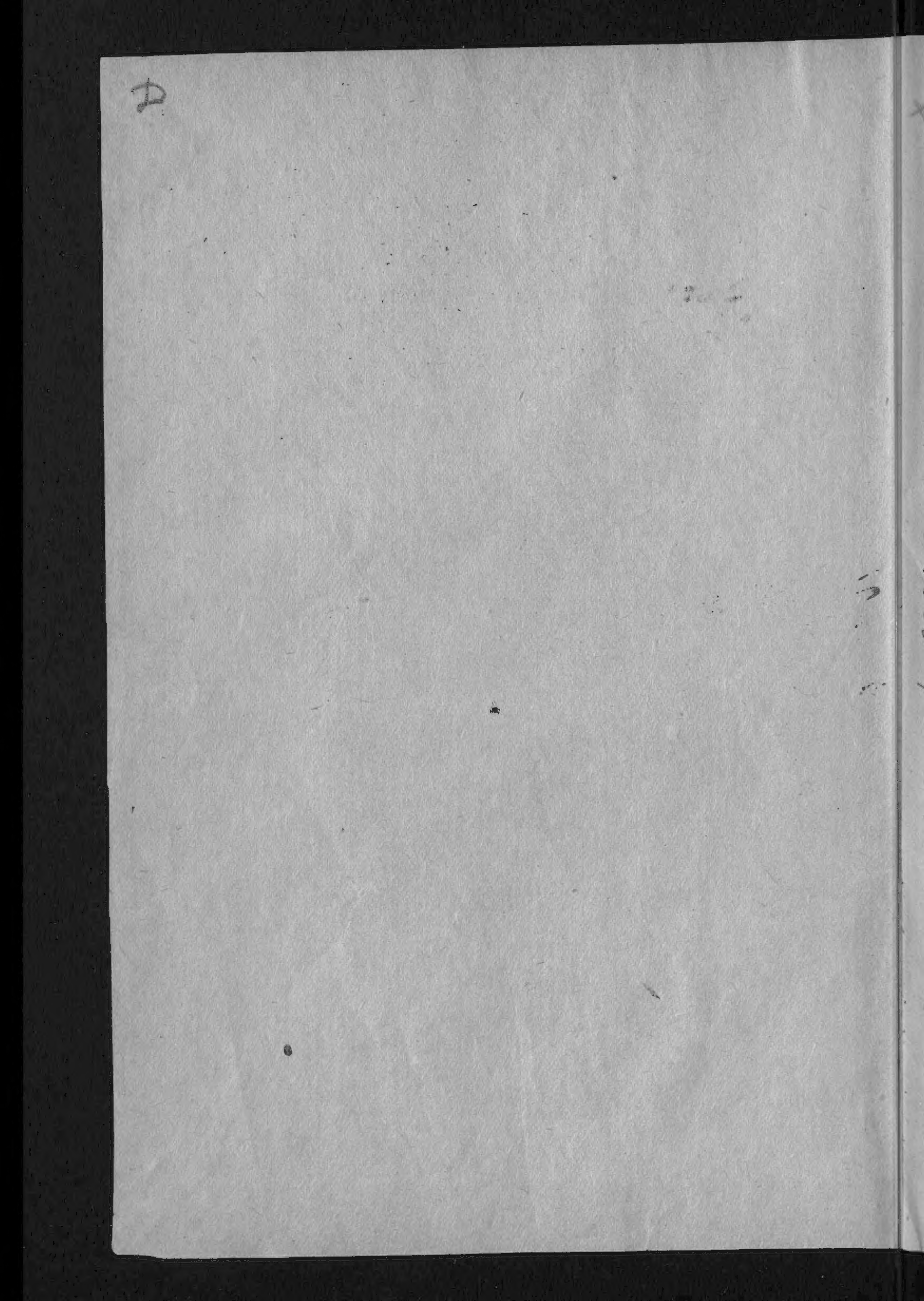

1
P. 89

D

Жанъ Жакъ Руссо.

ОБЪ ОБЩЕСТВЕННОМЪ ДОГОВОРѢ

ИЗДАНІЕ СНАБЖЕНО ПРИМѢЧАНІЯМИ И БИБЛІОГРАФІЕЙ.

Переводъ съ французскаго Л. Неманова
подъ редакціей
Д. Е. Жуковскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Д. Е. Жуковскаго
1907.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б, Подъяч.,39.

Знаменитое сочиненіе Руссо, предлагаемое здѣсь въ переводѣ, было напечатано впервые въ 1762 году на французскомъ языкѣ въ Амстердамѣ книгопродавцемъ Реемъ. Первые экземпляры, отправленные во Францію, были конфискованы полиціей и возвращены въ Амстердамъ, но впослѣдствіи Договоръ продавался во Франціи безпрепятственно. Въ Женевѣ, родномъ городѣ Руссо, онъ былъ запрещенъ.

Настоящій переводъ Общественнаго договора сдѣланъ съ новѣйшаго французскаго изданія Жоржа Болавона и снабженъ его примѣчаніями. (J.—J. Rousseau. Du contrat social, nouvelle édition avec une introduction et des notes explicatives par Georges Beaulavon, ancien Élève de l'École normale Superieure, professeur de philosophie au lycée de Caen, Paris. Société nouvelle de librairie et d'édition 1903). Въ основу своего изданія Болавонъ беретъ лучшій текстъ Contrat social, изданія Дрейфуса-Бризака. (E. Dreyfus-Brisac. Le contrat social, édition comprenant avec le texte définitif, les versions primitives de l'ouvrage, collationées sur les Manuscrits autographes de Genève et de Neufchâtel, une introduction et des notes. Paris. Alcan. 1896). Большое и талантливое введеніе Болавона мы опускаемъ какъ по соображеніямъ издательскаго, такъ и редакціоннаго характера. Примѣчанія, выносимыя на конецъ страницы

и обозначенныя звѣздочками, принадлежатъ самому Руссо, примѣчанія же Болавона отнесены на конецъ каждой главы и обозначены цифрами.

Пользуюсь случаемъ выразить благодарность профессору Н. И. Карѣеву, просмотрѣвшему корректуру первыхъ шести листовъ и сдѣлавшему мнѣ нѣкоторыя цѣнныя указанія, а также И. М. Балдакову совѣты и указанія котораго доставили возможность пополнить библіографическія данныя.

Д. Жуковскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Объ общественномъ договорѣ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

КНИГА ВТОРАЯ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Жанъ Жакъ Руссо.

ОБЪ ОБЩЕСТВЕННОМЪ ДОГОВОРѢ

или

ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА ГОСУДАРСТВЕННАГО ПРАВА.

Объ общественномъ договорѣ

или

основныя начала государственнаго права.

Foederis aequas Dicamus leges †).
(Virg. Aeneid. lib. XI, v. 321).

Предварительное замѣчаніе.

Этотъ небольшой трактатъ извлеченъ изъ болѣе обширнаго сочиненія, которое я нѣкогда предпринялъ, не разсчитавъ своихъ силъ, и которое давно уже оставилъ. Изъ различныхъ отрывковъ, которые можно было извлечь изъ того, что было уже сдѣлано, предлагаемый отрывокъ—самый значительный и, какъ мнѣ казалось, наименѣе недостойный того, чтобы быть опубликованнымъ. Остальное уже болѣе не существуетъ.

---

†) Мы разскажемъ о справедливыхъ законахъ, основанныхъ на договорѣ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Я хочу изслѣдовать, можетъ ли существовать въ гражданскомъ строѣ,—если брать людей такими, каковы они суть, а законы такими, какими они могутъ быть [1],—какой нибудь принципъ законнаго и устойчиваго управленія [2]. Въ этомъ изслѣдованіи моей основной задачей будетъ стремленіе соединить то, что дозволяетъ право, съ тѣмъ, чего требуетъ выгода, дабы польза и справедливость не оказались раздѣленными.

Я приступлю прямо къ изложенію предмета, не доказывая предварительно его важности. Меня могутъ спросить: Развѣ я государь или законодатель, что пишу о политикѣ? На это я отвѣчаю: Нѣтъ, я не государь и не законодатель, и именно поэтому-то я и пишу о политикѣ [3]. Если бы я былъ тѣмъ или другимъ, я не сталъ бы терять времени для того, чтобы сказать, что нужно дѣлать: я бы дѣлалъ или молчалъ.

Для меня, рожденнаго гражданиномъ свободнаго государства [4] и члена сувереннаго народа, достаточно самого права голоса въ общественныхъ дѣлахъ, какъ бы ни было слабо вліяніе, которое мой голосъ можетъ оказать на ихъ теченіе, чтобы наложить на меня обязанность вникать въ эти дѣла; и всякій разъ, когда я размышляю о правительствахъ, я счастливъ, что

въ своихъ изысканіяхъ нахожу все большее основаніе любить образъ правленія своей страны [5].

---

[1] Эти слова не даютъ совершенно точнаго представленія о предметѣ изслѣдованія. Подъ *„гражданскимъ строемъ“* Руссо разумѣетъ общую организацію общества, а не отношенія частныхъ лицъ между собою, что составляетъ теперь предметъ нашего „гражданскаго права“. Руссо стремится изучить принципы, на которыхъ зиждется всякое общество; а это скорѣе можетъ относиться къ тому, что мы называемъ теперь „публичнымъ правомъ“.

[2] Эта чрезвычайно важная формула хорошо оттѣняетъ цѣль, преслѣдуемую Руссо, и ясно отличаетъ „Общественный договоръ“ отъ „Духа Законовъ“ Монтескье. Послѣдній стремился выяснить философію реально-существующихъ законовъ и „положительнаго права существующихъ правительствъ“, какъ это отмѣчаетъ самъ Руссо въ „Эмилѣ“ (кн. V). Онъ долженъ былъ поэтому взять законы *таковыми, какъ они существуютъ*, и изслѣдовать, какимъ образомъ могутъ къ нимъ приспособиться люди. Напротивъ, Руссо стремится выяснить „принципы политическаго права“ въ общей и абстрактной формѣ, изслѣдуя, каковыми законы могутъ быть, а, слѣдовательно, и должны быть для того, чтобы они согласовались съ природой человѣка и съ условіями всякаго общества. Поэтому Руссо выводитъ общіе принципы раціональнаго политическаго устройства изъ изученія человѣка, какъ онъ есть, онъ опирается на мораль и логику, а не на исторію, или юриспруденцію „... Я изслѣдую право и разумъ, а не занимаюсь разборомъ фактовъ“ (I кн. V гл.).

[3] Ср. Декартъ, „Разсужденіе о методѣ“, 2-я часть. „... Я ни въ какомъ случаѣ не могу одобрить тѣ спутанные и безпокойные умы, которые, не будучи призваны къ управленію общественными дѣлами *ни по своему рожденію, ни по своему богатству*, пытаются все-таки произвести хотя бы идейно какую нибудь новую реформу“. Декартъ, человѣкъ 17-го столѣтія, не осмѣливался примѣнять правилъ своего метода къ изученію религіозныхъ и политическихъ вопросовъ: философы 18-го столѣтія, напротивъ, поставили себѣ цѣлью изслѣдовать и тѣ, и другіе „глазами разума“. Въ этомъ заключается сущность трудовъ Монтескье, Вольтера и Руссо.

*

[4] Т. е. Женевской республики.

[5] Точно также и Монтескье въ предисловіи къ „Духу Законовъ“ говоритъ: „Я благодарю небо за то, что я родился въ томъ образѣ правленія, въ которомъ я живу (французская монархія), и за то, что оно захотѣло, чтобы я повиновался тѣмъ, кого оно заставило меня полюбить“. Какъ у Монтескье, такъ и у Руссо эти слова вызваны, безъ сомнѣнія, благоразуміемъ и имѣютъ цѣлью ослабить вѣроятность преслѣдованій. Тѣмъ не менѣе,какъ у одного, такъ и у другого они выражаютъ также и искреннія чувства и естественныя тенденціи: Монтескье либералъ, но искренній монархистъ; Руссо же, несмотря на то, что неоднократно критиковалъ женевскую конституцію, любилъ называть себя „республиканцемъ“ по рожденію и симпатіямъ. См. его письмо къ книгопродавцу Рею, послѣ опубликованія „Договора“ отъ 29 мая 1762 г.

ГЛАВА I.

Предметъ первой книги.

Человѣкъ рожденъ свободнымъ, а между тѣмъ—онъ вездѣ въ оковахъ. Иной считаетъ себя повелителемъ другихъ, что не мѣшаетъ ему быть рабомъ въ большей еще степени. Какъ произошла эта перемѣна? Не знаю. Что можетъ сдѣлать эту перемѣну законной? Думаю, что могу разрѣшить этотъ вопросъ.

Если бы я принялъ во вниманіе только силу и послѣдствія, изъ нея проистекающія, я бы сказалъ: „Пока народъ, принужденный повиноваться, повинуется, онъ поступаетъ хорошо; но, какъ только, имѣя возможность сбросить съ себя ярмо, народъ сбрасываетъ его, онъ поступаетъ еще лучше: такъ какъ народъ, возвращая себѣ свою свободу по тому же праву, по какому она была у него отнята, былъ въ правѣ вернуть себѣ

ее—или же не было никакого основанія отнимать ее у него“. Но общественный строй есть священное право, служащее основаніемъ для всѣхъ другихъ правъ. Однако, право это не дано природой; оно, слѣдовательно, основано на соглашеніяхъ. Вопросъ только въ томъ, каковы эти соглашенія. Но, прежде чѣмъ перейти къ ихъ разсмотрѣнію, я долженъ обосновать то, что я здѣсь высказалъ [1].

---

[1] Сжатость этой главы дѣлаетъ содержаніе ея очень темнымъ. Вотъ къ чему сводится, по моему мнѣнію, сущность идей автора: —„Человѣкъ, естественно свободный, въ дѣйствительности связанъ теперь тысячью связей, имѣющихъ принудительный характеръ: это вѣрно и по отношенію къ богатому, и по отношенію къ бѣдному; по отношенію къ монарху, и по отношенію къ подданному. Я не собираюсь объяснять, путемъ какой серіи историческихъ измѣненій общество мало-по-малу дошло до своего теперешняго состоянія: это вопросъ факта, который я разрѣшить не могу. Я намѣренъ только изслѣдовать, на основаніи какихъ принциповъ можетъ быть оправдано существованіе соціальнаго строя, въ которомъ люди не пользуются своей естественной свободой. Приводятся обычно два главныхъ основанія: 1) сила, 2) естественный авторитетъ отдѣльныхъ лицъ надъ остальными людьми. Я постараюсь доказать, что оба эти объясненія не имѣютъ никакого смысла и что единственный законный принципъ, связывающій людей, заключается въ соглашеніи.“—Это резюме главъ II, III, IV и V, гдѣ всѣ эти идеи будутъ развиты и обсуждены.

ГЛАВА II.

О первоначальныхъ обществахъ.

Древнѣйшее изъ всѣхъ обществъ и единственно естественное [1]—это семья: но и въ семьѣ дѣти остаются привязанными къ отцу только до тѣхъ поръ,

пока они нуждаются въ немъ для самосохраненія. Какъ только исчезаетъ эта необходимость, естественныя узы рушатся. Дѣти, свободныя отъ обязанности повиновенія отцу, и отецъ, свободный отъ обязанности заботиться о дѣтяхъ, становятся равно независимыми. Если же они и продолжаютъ жить въ единеніи, то это происходитъ уже добровольно, а не естественно, и цѣлостность самой семьи поддерживается только путемъ соглашенія.

Эта общая свобода есть слѣдствіе человѣческой природы [2]. Ея первый законъ—забота о самосохраненіи, ея первыя заботы—тѣ, которыя человѣкъ обязанъ имѣть по отношенію къ самому себѣ; и, какъ только человѣкъ достигаетъ разумнаго возраста, онъ становится своимъ собственнымъ господиномъ, будучи единственнымъ судьей тѣхъ средствъ, которыя пригодны для его самосохраненія.

Семья есть, такимъ образомъ, если угодно, первый образецъ политическихъ обществъ [3]: начальникъ походитъ на отца, а народъ на дѣтей, и всѣ, рожденные равными и свободными, отчуждаютъ свою свободу только для своей личной пользы. Разница заключается лишь въ томъ, что въ семьѣ любовь отца къ дѣтямъ вознаграждаетъ его за заботы о нихъ, въ государствѣ же удовольствіе быть повелителемъ замѣняетъ любовь, которой не чувствуютъ властелины къ подчиненнымъ имъ народамъ [4].

Гроцій [5] отрицаетъ, что всякая человѣческая власть установлена въ пользу управляемыхъ; въ качествѣ примѣра онъ приводитъ рабство [6]. Наиболѣе постоянной манерой разсужденія у Гроція является обоснованіе права на фактѣ *). Можно было бы примѣнять

*) „Ученыя изслѣдованія о публичномъ правѣ часто суть не болѣе, какъ исторія древнихъ злоупотребленій; и вовсе некстати

методъ болѣе послѣдовательный, но нельзя найти метода, болѣе благопріятнаго для тирановъ.

Такимъ образомъ, по Гроцію, сомнительно, кто кому принадлежитъ: человѣческій ли родъ сотнѣ людей или эта сотня людей человѣческому роду; и кажется, что во всей своей книгѣ Гроцій склоняется къ первому мнѣнію; таково также мнѣніе Гоббеса [7]. Итакъ, человѣчество оказывается раздѣленнымъ на стада скота, имѣющія каждое своего хозяина, который охраняетъ свое стадо, чтобы сожрать его.

А такъ какъ пастухъ принадлежитъ къ высшей породѣ, чѣмъ его стадо, то и пастыри людей, ихъ повелители, тоже принадлежатъ къ болѣе высокой породѣ, чѣмъ народы, имъ подчиненные. Такъ разсуждалъ, по словамъ Филона [8], императоръ Калигула, выводя изъ этой аналогіи довольно правильно, что цари—боги, или что народы—скоты.

Разсужденіе Калигулы походитъ на разсужденіе Гоббеса и Гроція. Аристотель, задолго до нихъ, тоже сказалъ, что люди по природѣ вовсе не равны, но что одни рождаются для рабства, а другіе для господства [9].

Аристотель былъ правъ; но онъ принималъ слѣдствіе за причину. Всякій человѣкъ, рожденный въ рабствѣ, рождается для рабства,—нѣтъ, конечно, ничего болѣе вѣрнаго. Рабы теряютъ все въ своихъ оковахъ, вплоть до желанія освободиться отъ этихъ оковъ; они довольны своимъ рабствомъ точно такъ, какъ товарищи Улисса были довольны своимъ превращеніемъ въ скотовъ *). Итакъ, если есть рабы по природѣ,

---

то упорство, съ какимъ старались ихъ изучить" (Traité des intérêts de la France avec ses voisins, par M. le marquis d'Argenson). Таковы дѣйствительно изслѣдованія Гроція.

*) См. маленькій трактатъ Плутарха: „О томъ, какъ скоты пользуются разумомъ".

то это потому, что до этого были рабы вопреки природѣ. Сила создала первыхъ рабовъ, ихъ трусость увѣковѣчила ихъ [10].

Я ничего не сказалъ о царѣ Адамѣ, ни объ императорѣ Ноѣ, отцѣ трехъ великихъ монарховъ, которые раздѣлили между собой вселенную, какъ это сдѣлали и дѣти Сатурна, въ которыхъ думали узнать первыхъ. Я надѣюсь, что мнѣ будутъ благодарны за мою умѣренность; потому что, происходя по прямой линіи отъ одного изъ этихъ государей и, можетъ быть, даже отъ старшей линіи, кто знаетъ, не могъ бы ли бы я, повѣряя свои права, очутиться законнымъ государемъ человѣческаго рода? Какъ бы то ни было, нельзя не согласиться, что Адамъ былъ повелителемъ міра, какъ Робинзонъ былъ повелителемъ своего острова, пока онъ былъ на немъ единственнымъ обитателемъ; и одно было удобно въ этой имперіи, это то, что монархъ, увѣренный въ безопасности своего трона, не долженъ былъ бояться ни возмущеній, ни войнъ, ни конспираторовъ.

---

[1]) Въ этомъ абзацѣ „естественный“ означаетъ необходимый: это то, чему мы подвергаемся помимо нашего выбора и нашей воли, какъ необходимому послѣдствію естественнаго порядка вещей. Такъ, семья въ первое время своего возникновенія, есть единственное *естественное* общество потому, что члены ея связаны необходимостью, болѣе сильной, чѣмъ ихъ воля, и проявляющеюся въ формѣ *инстинкта*, необходимостью обезпечить продолженіе рода.

[2] Эта первобытная и общая свобода, то-есть, свобода, одинаково принадлежащая всѣмъ, не обоснована Руссо ни на какомъ метафизическомъ принципѣ, но на условіяхъ въ нѣкоторомъ родѣ психологическихъ, проистекающихъ изъ самой жизни: свобода есть слѣдствіе закона самосохраненія, который толкаетъ всѣ живыя существа поддерживать свое существованіе, стремиться

жить и безъ котораго сама жизнь исчезла бы. Семья въ той степени, въ какой она является естественной связью и только во время малолѣтства ребенка, а затѣмъ и свобода ребенка, ставшаго способнымъ самому удовлетворять свои нужды, проистекаютъ изъ того же закона самосохраненія: сначала это инстинкты и необходимыя дѣйствія; разумъ приходитъ лишь позднѣе для того, чтобы оправдать, управлять и ограничить эти необходимые инстинкты и дѣйствія.

³ За неимѣніемъ лучшаго, Руссо беретъ классическое и банальное сравненіе семьи и общества. Но прежде всего онъ поставилъ себѣ цѣлью установить, что и семья постольку, поскольку она выходитъ за рамки первоначальныхъ естественныхъ нуждъ, есть результатъ молчаливаго соглашенія. Поэтому сходство между обществомъ и семьей не сможетъ болѣе служить возраженіемъ на тезисъ Руссо о томъ, что всѣ соціальныя учрежденія покоятся на соглашеніи.

⁴ Отмѣтимъ здѣсь разъ навсегда тонъ язвительной ироніи, который часто встрѣчается въ „Договорѣ". Такъ какъ Руссо считалъ своимъ долгомъ сохранить въ этомъ произведеніи научный и спокойный стиль, то его чувствительность, которая въ другихъ произведеніяхъ проявлялась въ лирическихъ и ораторскихъ отступленіяхъ, здѣсь часто прорывается подъ отмѣченной формой ироніи.

⁵ Гроцій голландскій историкъ и юристъ долго жившій во Франціи при дворѣ Людовика XIII и опубликовавшій въ Парижѣ въ 1625 г. свое самое знаменитое произведеніе „о правѣ войны и мира" въ трехъ книгахъ на латинскомъ языкѣ. Трудъ этотъ часто упоминается въ „Договорѣ". Переведенная вскорѣ послѣ своего появленія на всѣ европейскіе языки, книга Гроція очень долго служила авторитетомъ во всѣхъ политическихъ спорахъ. Замѣчанія, о которыхъ говоритъ здѣсь Руссо, находятся въ 3 й книгѣ, въ которой Гроцій трактуетъ о законахъ войны и о правахъ, которыя она предоставляетъ или предполагаетъ.

⁶ Логическую связь, которой соединено обсужденіе тезиса Гроція съ предыдущимъ и послѣдующимъ изложеніемъ, сначала трудно замѣтить. Руссо доказываетъ, что семья не уничтожаетъ естественной свободы всѣхъ людей, такъ какъ вскорѣ послѣ своего возникновенія сама семья начинаетъ покоиться на соглашеніи. Точно также и рабство не можетъ, въ свою очередь, являться аргументомъ противъ этой свободы, такъ какъ мнимое право господина на своего раба сводится къ праву силы, праву,

которое Руссо разберетъ въ III-й гл., и такъ какъ рабство кромѣ того есть явленіе нелѣпое и безнравственное (гл. IV).

[7] Гоббесъ, который часто будетъ упоминаться въ „Договорѣ"—знаменитый англійскій философъ XVII вѣка (1598—1679). Въ своихъ книгахъ „О гражданинѣ" и „Левіаѳанъ" онъ еще до Руссо выяснилъ переходъ людей изъ естественнаго состоянія, въ которомъ всѣ инстинкты разнузданы (человѣкъ человѣку волкъ—homo homini lupus), въ состояніе общественное, въ которомъ каждый членъ государства признаетъ неприкосновенные права и законы, охраняющіе личность другихъ членовъ государства, въ такой же степени, какъ и собственную личность даннаго индивида (человѣкъ человѣку богъ — homo homini deus). Но Гоббесъ строитъ свою систему на *страхѣ* и на *силѣ* и въ концѣ концовъ приходитъ къ оправданію абсолютной власти правительствъ, что дало поводъ разсматривать его, какъ апологета деспотической власти Стюартовъ. Если, такимъ образомъ, можно установить многочисленныя аналогіи между Гоббесомъ и Руссо (см. въ особенности IV кн. 8 гл.), то духъ и заключенія обѣихъ доктринъ глубоко различны.

[8] Филонъ Александрійскій или Филонъ Іудей умеръ около 54 послѣ Р. Х.

[9] Aristot. Politic. lib. I, cop. I.

[10] Руссо выражаетъ здѣсь совершенно современную и очень важную идею, которая часто выдвигалась въ многочисленныхъ дебатахъ послѣдняго времени. Недостатки, которые свойственны извѣстнымъ существамъ, являются только результатомъ тѣхъ жизненныхъ условій, въ которыя данныя существа были поставлены. Поэтому недостатки эти вовсе не могутъ оправдать уменьшеніе правъ этихъ существъ.

ГЛАВА III.

О правѣ сильнѣйшаго.

Сильнѣйшій никогда не бываетъ достаточно силенъ, чтобы быть постоянно господиномъ, если только онъ не превращаетъ своей силы въ право, а повино-

венія въ долгъ. Отсюда и проистекаетъ право сильнѣйшаго [1]; право, какъ будто принятое въ ироническомъ смыслѣ, однако въ дѣйствительности возведенное въ принципъ [2]. Но развѣ намъ никогда не объяснятъ этого слова? Сила есть мощь физическая, и я не вижу, какую мораль можно вывести изъ ея примѣненія. Уступать силѣ является актомъ необходимости, но не воли; самое большее, такую уступку можно счесть актомъ благоразумія. Въ какомъ же смыслѣ можетъ уступка силѣ быть долгомъ?

Предположимъ на мгновеніе, что это мнимое право существуетъ. Я утверждаю, что изъ такого предположенія получается только необъяснимая галиматья; потому что, если сила создаетъ право, то слѣдствіе ставится на мѣсто причины: всякая сила, которая превосходитъ другую силу, наслѣдуетъ и право послѣдней. Если можно не повиноваться безнаказанно, значитъ, можно это сдѣлать на законномъ основаніи; и такъ какъ болѣе сильный всегда правъ, то все дѣло сводится къ тому, чтобы постараться быть болѣе сильнымъ [3]. Что же это за право, которое гибнетъ, какъ только прекращается сила? Если приходится повиноваться насильно, то нѣтъ необходимости повиноваться по долгу; и если кто нибудь не вынуждается болѣе къ повиновенію, то онъ не обязанъ болѣе повиноваться. Изъ этого видно, что слово *право* ничего не прибавляетъ къ силѣ; оно ровно ничего не означаетъ въ данномъ случаѣ [4].

Повинуйтесь властямъ. Если этимъ хотятъ сказать: уступайте силѣ, то правило это хорошее, но излишнее; я утверждаю, что оно никогда не будетъ нарушено. Всякая власть происходитъ отъ Бога; согласенъ; но и всякая болѣзнь тоже происходитъ отъ Бога; но развѣ

это значитъ, что нельзя позвать врача? Если разбойникъ нападаетъ на меня въ глухомъ лѣсу, я силой вынужденъ буду отдать ему свой кошелекъ; но если бы я могъ скрыть его отъ разбойника, то развѣ я былъ бы все таки обязанъ по совѣсти отдать ему этотъ кошелекъ? Ибо, въ концѣ концовъ, пистолетъ, который онъ держитъ, тоже власть.

Согласимся же, что сила не создаетъ права, и что человѣкъ обязанъ повиноваться только законнымъ властямъ. И мы вновь возвращаемся, такимъ образомъ, къ моему первому вопросу [5].

---

[1] Это почти резюме теоріи Гоббеса.

[2] Руссо хочетъ этимъ сказать, что, когда упоминаютъ о правѣ болѣе сильнаго, то всегда кажется, что говорятъ объ этомъ правѣ въ ироническомъ смыслѣ, такъ какъ оба термина взаимно противоположны. Въ этомъ смыслѣ говоритъ Лафонтенъ: Право сильнѣйшаго всегда наилучшее. И тѣмъ не менѣе, въ дѣйствительности, это мнимое право управляетъ отношеніями людей: поэтому „въ дѣйствительности это право возведено въ принципъ". Руссо доказываетъ, что право болѣе сильнаго нелѣпо и безнравственно.

[3] Развитіе краткаго и выразительнаго разсужденія, въ формѣ дилеммы, которое помѣщено выше, въ 1-й главѣ.

[4] Отсюда видно, что такое, по мнѣнію Руссо, *право*. Это власть чисто нравственная, которая проистекаетъ исключительно изъ разума и признается только послѣднимъ; она покоится на убѣжденіи, что данная вещь справедлива, и что поэтому мы обязаны не предпринимать ничего, чтобы препятствовать ей. Такимъ образомъ фактъ не можетъ ни создать, ни уничтожить права. Это абрисъ той теоріи, которую Кантъ воспроизведетъ въ своей морали. Фулье видѣлъ въ прогрессивной разработкѣ этой концепціи (права) главное дѣло французской цивилизаціи. Эту концепцію предполагаетъ и *Декларація* 1789 г., когда она провозглашаетъ неотъемлемыми и неотчуждаемыми права человѣка и гражданина.

[5] Въ самомъ дѣлѣ, въ концѣ концовъ приходится спросить

себя, что можетъ сдѣлать начальство или власть *законной.* Поэтому мы возвращаемся къ вопросу, поставленному уже въ первыхъ строкахъ первой главы: во имя какого принципа человѣческая свобода можетъ быть *законнымъ образомъ* ограничена или уничтожена?

ГЛАВА IV.

О рабствѣ.

Если ни одинъ человѣкъ не имѣетъ естественной власти надъ себѣ подобными, и если сила не создаетъ никакого права, то въ качествѣ основы всякой законной власти среди людей остаются соглашенія [1].

Если частный человѣкъ, говоритъ Гроцій, можетъ отчудить свою свободу и стать рабомъ какого нибудь господина, то почему цѣлый народъ не могъ бы отчудить своей свободы и стать подданнымъ какого нибудь короля? [2] Здѣсь много двусмысленныхъ словъ, которыя нуждаются въ объясненіи: но остановимся на словѣ *отчудить.* Отчудить значитъ отдать или продать. Человѣкъ же, дѣлающійся рабомъ другого, не отдаетъ себя; онъ продаетъ себя, по меньшей мѣрѣ, для обезпеченія своего существованія; но для чего сталъ бы продавать себя народъ? Король не только не доставляетъ средствъ къ существованію своимъ подданнымъ, а, напротивъ, самъ живетъ всецѣло на ихъ счетъ; а, какъ замѣчаетъ Рабле, королю не мало надо для жизни. Выходитъ, что подданные отдаютъ свою личность подъ условіемъ, что у нихъ отнимутъ и ихъ имущество? Я не понимаю, что же останется имъ самимъ.

Скажутъ, что деспотъ обезпечиваетъ своимъ подданнымъ гражданское спокойствіе; пусть такъ, но что выигрываютъ они, если войны, которыя навлекаетъ на нихъ его честолюбіе, если его ненасытная жадность, если притѣсненія—разоряютъ ихъ больше, чѣмъ могли бы это сдѣлать взаимныя несогласія между ними? Что выигрываютъ они, если и спокойствіе это есть одно изъ ихъ бѣдствій? Живутъ спокойно и въ тюрьмахъ; достаточно ли этого однако, чтобы чувствовать себя въ нихъ хорошо? Греки, запертые въ пещерѣ Циклопа, жили въ ней спокойно—въ ожиданіи, пока наступитъ ихъ очередь быть сожранными [3].

Говорить, что человѣкъ даромъ отдаетъ себя, это значитъ говорить нѣчто нелѣпое и непостижимое; такой актъ беззаконенъ и ничтоженъ по одному тому, что тотъ, кто его совершаетъ, не въ здравомъ умѣ. Говорить то же самое о цѣломъ народѣ, это значитъ предполагать, что народъ состоитъ изъ сумасшедшихъ: безуміе не есть однако источникъ права.

Если даже каждый и можетъ отчудить самого себя, то онъ не можетъ отчудить своихъ дѣтей; они рождаются людьми и свободными; ихъ свобода принадлежитъ имъ, и никто, кромѣ нихъ, не можетъ распоряжаться ею. Пока дѣти не достигли еще разумнаго возраста, отецъ можетъ отъ ихъ имени вступать въ соглашенія, направленныя къ ихъ сохраненію и къ благу, но онъ не можетъ отдавать ихъ безусловно и безвозвратно; такой даръ противенъ цѣлямъ природы [4] и превосходитъ права отца. Необходимо было бы, значитъ, для того, чтобы произвольное правительство [5] стало законнымъ, чтобы въ каждомъ поколѣніи народъ былъ воленъ принять или отвергнуть это правительство; но тогда оно не было бы уже произвольнымъ.

Отказаться отъ своей свободы—это значитъ отка-

заться отъ своего человѣческаго достоинства [6], отъ правъ человѣка, даже отъ его обязанностей. Нѣтъ такого вознагражденія, которое могло бы возмѣстить отказъ отъ всего. Такой отказъ несовмѣстимъ съ человѣческой природой; отнять всякую свободу у своей воли равносильно отнятію всякихъ нравственныхъ мотивовъ у своихъ поступковъ. Наконецъ, соглашеніе, въ которомъ, съ одной стороны выговорена абсолютная власть, а съ другой—безграничное повиновеніе, есть пустое и противорѣчивое соглашеніе. Не ясно ли, что ничѣмъ не обязываются по отношенію къ тому, отъ кого имѣютъ право требовать всего? И это единственное условіе безъ эквивалента, безъ возмѣщенія, не влечетъ ли за собой ничтожности акта? Въ самомъ дѣлѣ, какое право имѣлъ бы мой рабъ по отношенію ко мнѣ, разъ все, чѣмъ онъ владѣетъ, принадлежитъ мнѣ, и разъ его право есть въ то же время и мое право; а право, исходящее отъ меня и направленное противъ меня же, есть слово, не имѣющее никакого смысла.

Другимъ основаніемъ мнимаго права рабства Гроцій и другіе считаютъ войну [7]. Такъ какъ, по ихъ мнѣнію, побѣдитель имѣетъ право убить побѣжденнаго, послѣдній можетъ купить себѣ жизнь цѣною свободы; условіе тѣмъ болѣе законное, что оно выгодно для обоихъ.

Ясно, однако, что это мнимое право убивать побѣжденныхъ ни въ коемъ случаѣ не вытекаетъ изъ состоянія войны [8]. Уже по одному тому, что люди, живя въ своей первоначальной независимости, не имѣютъ между собой достаточно постоянныхъ сношеній, чтобы создать состояніе мира или состояніе войны, они не являются естественными врагами другъ друга. Войну создаетъ отношеніе вещей, а не людей;

и такъ какъ состоянiе войны не можетъ произойти изъ простыхъ личныхъ отношенiй, а только изъ отношенiй реальныхъ, то война частная, т. е. война человѣка съ человѣкомъ, не можетъ существовать ни въ состоянiи естественномъ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ постоянной собственности, ни въ состоянiи общественномъ, гдѣ все подчиняется власти законовъ.

Частныя побоища и поединки, стычки суть акты, не составляющiе никакого состоянiя; а что касается частныхъ войнъ, разрѣшенныхъ учрежденiями Людовика IX, короля французскаго, и прiостанавливаемыхъ институтомъ Божьяго мира, то онѣ составляли только злоупотребленiя феодальнаго правительства, самой нелѣпой изъ бывшихъ когда либо системъ правительства, противной одинаково и принципамъ естественнаго права, и всякому благоустроенному государственному строю.

Итакъ, война не есть отношенiе человѣка къ человѣку, но отношенiе государства къ государству, въ которомъ частныя лица становятся врагами только случайно, не какъ люди вовсе, и даже не какъ граждане *), а какъ солдаты; не какъ члены одного и

*) Римляне, которые знали и почитали право войны болѣе, чѣмъ какая либо нацiя въ мiрѣ, довели въ этомъ отношенiи щепетильность такъ далеко, что ни одному гражданину не позволялось поступать въ армiю волонтеромъ, если только онъ не поступалъ противъ опредѣленнаго врага и именно противъ такого-то врага. Когда легiонъ,—въ которомъ Катонъ сынъ дѣлалъ свой первый походъ подъ начальствомъ Попилiя, былъ расформированъ, Катонъ отецъ написалъ Попилiю, что, если послѣднему угодно, чтобы его сынъ продолжалъ служить подъ его начальствомъ, то тогда слѣдовало вновь привести его къ военной присягѣ, такъ какъ, разъ первая присяга уничтожена, то онъ не можетъ болѣе выступать съ оружiемъ въ рукахъ противъ врага. И тотъ же Ка-

того же отечества, а какъ его защитники. Наконецъ, каждое государство можетъ имѣть въ качествѣ враговъ только другія государства, а не людей, потому что между вещами различнаго рода нельзя установить никакого правильнаго соотношенія.

Этотъ принципъ находится въ соотвѣтствіи и съ правилами, установленными во всѣ времена, и съ постоянной практикой всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. При объявленіи войны имѣется въ виду предварить не столько власть, сколько подданныхъ. Иностранецъ, будь то король, частный человѣкъ, или народъ, который грабитъ, убиваетъ или беретъ въ плѣнъ подданныхъ безъ объявленія войны государю,—не врагъ, а разбойникъ. Даже въ самомъ разгарѣ войны справедливый государь овладѣваетъ, конечно, во вражеской странѣ всѣмъ, что принадлежитъ обществу; но онъ не трогаетъ личности и имущества частныхъ лицъ; онъ относится съ уваженіемъ къ правамъ, на которыхъ основаны его собственныя права. Такъ какъ цѣль войны—разрушить непріятельское государство, то противникъ имѣетъ право убивать защитниковъ государства, пока у нихъ имѣется въ рукахъ оружіе: но какъ только послѣдніе складываютъ его и сдаются въ плѣнъ, переставая такимъ образомъ быть врагами или орудіями врага, они становятся вновь просто людьми, и противникъ не имѣетъ болѣе права на ихъ жизнь. Иногда можно убить государство, не убивая ни одного изъ его членовъ; война же не предо-

тонъ написалъ своему сыну, чтобъ онъ не смѣлъ принимать участія въ сраженіи, пока не принесетъ требуемой новой присяги. Я знаю, что мнѣ могутъ указать на осаду Клузіума и другіе частные факты; но я указываю на законы и обычаи. Римляне рѣже другихъ нарушали свои законы, и у нихъ однихъ были такіе прекрасные законы.

ставляетъ никакого другого права, кромѣ тѣхъ, которыя необходимы для ея цѣли. Эти принципы не тѣ, что у Гроція; они не основаны на авторитетахъ поэтовъ [9], но они проистекаютъ изъ природы вещей и основаны на разумѣ.

Что касается права завоеванія, то оно не имѣетъ другого основанія, кромѣ права болѣе сильнаго. Если война не даетъ побѣдителю права избивать побѣжденныхъ, то это право, котораго у него нѣтъ, не можетъ служить основаніемъ для права обращать ихъ въ рабство. Право убивать врага существуетъ въ томъ только случаѣ, если невозможно превратить его въ раба; значитъ, право обращать врага въ раба не проистекаетъ изъ права убить его: было бы, такимъ образомъ, несправедливымъ обманомъ заставлять врага покупать цѣною свободы свою жизнь, на которую противникъ не имѣетъ права. Не ясно ли, что, основывая право жизни и смерти на правѣ рабства, а право рабства—на правѣ жизни и смерти, мы впадаемъ въ заколдованный кругъ [10]?

Предполагая даже, что это ужасное право все убивать существуетъ, я утверждаю, что военноплѣнный, превращенный въ раба, или покоренный народъ, не обязанъ ничѣмъ по отношенію къ своему господину и долженъ повиноваться ему только, поскольку онъ вынуждается къ этому. Отнимая у него цѣнность, равную его жизни, побѣдитель вовсе не помиловалъ его: вмѣсто того только, чтобы убить его безполезно, онъ убилъ его съ пользой для себя. Никакой иной власти, кромѣ власти силы, побѣдитель не пріобрѣлъ надъ плѣннымъ, состояніе войны продолжаетъ существовать между ними, какъ и раньше, и ихъ отношенія даже являются только слѣдствіемъ этого состоянія; а примѣненіе права войны не предполагаетъ существованія

мирнаго договора. Они заключили соглашеніе; пусть такъ [11], но это соглашеніе, вмѣсто того, чтобы уничтожить состояніе войны, предполагаетъ ея продолженіе.

Итакъ, съ какой точки зрѣнія ни разсматривать вещи, право рабства ничтожно, и не только потому, что оно беззаконно, но и потому, что оно нелѣпо и ничего не означаетъ. Слова *рабъ* и *право* противорѣчивы; они исключаютъ одно другое. Все равно, обращается ли одинъ человѣкъ къ другому или человѣкъ къ народу, всегда одинаково безумной была бы слѣдующая рѣчь: „Я заключаю съ тобой соглашеніе, вся тяжесть котораго ложится на тебя, а вся польза отъ котораго принадлежитъ мнѣ; это соглашеніе я буду соблюдать, доколѣ мнѣ это угодно, и ты его будешь соблюдать тоже, доколѣ мнѣ угодно“.

---

[1] Кажется, что мы подходимъ, наконецъ, къ рѣшенію поставленнаго вопроса, и что Руссо приступитъ къ анализу идеи соглашенія. Но предварительно онъ останавливается еще на разсмотрѣніи послѣдняго затрудненія. Въ самомъ дѣлѣ, остается еще одна возможная гипотеза: если власть законнымъ образомъ не проистекаетъ ни изъ природы, ни изъ силы, то она можетъ, въ такомъ случаѣ, явиться результатомъ добровольнаго и въ то же время полнаго преданія человѣкомъ самого себя въ руки другихъ людей. Это теорія Гроція, которую Руссо и подвергнетъ разбору.

[2] Необходимо твердо усвоить себѣ, что подобное добровольное отчужденіе не было бы соглашеніемъ, такъ какъ въ немъ отсутствовало бы взаимное обязательство обѣихъ сторонъ, разъ подданный отдалъ бы себя во власть короля безъ всякой гарантіи и безъ всякаго ограниченія. Руссо поэтому постарается доказать, что одно изъ двухъ: или подобный актъ, будучи лишеннымъ разумныхъ мотивовъ, нелѣпъ, и, слѣдовательно,

не можетъ создать права, или же онъ предполагаетъ взаимныя обязательства, по крайней мѣрѣ, сами собой разумѣющіяся, а это приводитъ насъ къ идеѣ соглашенія или договора.

[3] Руссо указываетъ здѣсь не на логическую невозможность, а на простую невѣроятность. Въ самомъ дѣлѣ люди могутъ добровольно отдать себя во власть какого нибудь господина въ надеждѣ своимъ подчиненіемъ добыть себѣ покой. Очень плохой разсчетъ, отвѣчаетъ Руссо, потому что ничто не гарантируетъ имъ этого самаго покоя. Гораздо благоразумнѣе поэтому сдѣлать его (покой) предметомъ соглашенія.

[4] Руссо можетъ говорить здѣсь о „цѣляхъ природы" потому, что рѣчь идетъ здѣсь о естественной власти. Родительская власть (см. выше, гл. II) законна лишь постольку, поскольку она примѣняется для осуществленія цѣлей природы, то есть для обезпеченія жизни ребенка и для того, чтобы сдѣлать его способнымъ стать, въ свою очередь, человѣкомъ свободнымъ. Поэтому всякій актъ воспитанія, который могъ бы уничтожить будущую свободу человѣка, былъ бы безнравственнымъ и дурнымъ, противнымъ не только справедливости, но также и природѣ. Мы думаемъ, что трудно найти болѣе твердое основаніе для того, чтобы провести различіе между правами отца и правами ребенка.

[5] То-есть такое правительство, въ рукахъ котораго граждане совершенно отказались бы отъ своихъ правъ безъ гарантіи и компенсаціи.

[6] Въ самомъ дѣлѣ, свобода, какъ это было доказано во II гл., есть слѣдствіе и необходимое условіе самой жизни. Отказаться отъ своей свободы—это значитъ отказаться отъ возможности примѣнять средства, наиболѣе пригодныя для самосохраненія.

[7] Это новое разсужденіе есть только приложеніе къ частному случаю предыдущихъ идей, такъ какъ „мнимое право рабства" состоитъ по необходимости изъ двухъ частей: 1) права со стороны побѣдителя требовать отъ побѣжденнаго полнаго отказа отъ своихъ правъ—а это есть только частный случай подвергнутаго въ предыдущей главѣ критикѣ права болѣе сильнаго; 2) со стороны побѣжденнаго - права выкупить свою жизнь полнымъ отказомъ отъ своей свободы, что входитъ въ разобранный Руссо въ общемъ случай добровольнаго отчужденія.

[8] Доказательство этого принципа, изложеніе котораго займетъ слѣдующіе три параграфа,—тонко и въ значительной степени темно; а между тѣмъ доказательство это относится къ очень дорогому для Руссо различію, которое Руссо неоднократно

излагалъ, между прочимъ, въ очень важномъ отрывкѣ невшательской рукописи, озаглавленномъ: „о томъ, что состоянiе войны происходитъ изъ состоянiя гражданскаго". Вотъ къ чему сводится это различiе. Не слѣдуетъ смѣшивать войну со всякаго рода другими, могущими возникнуть между людьми, вооруженными конфликтами. Въ самомъ дѣлѣ, какая бы то ни было борьба не предоставляетъ никакого спецiальнаго права; борятся двѣ силы,—вотъ и все; а, какъ мы уже видѣли, сила не можетъ создать права. Такимъ образомъ, для того, чтобы можно было ссылаться на мнимое право войны, необходимо обозначать этимъ словомъ (война) только извѣстнаго рода конфликты, а именно борьбу двухъ народовъ съ цѣлью измѣнить опредѣленное состоянiе вещей. Поэтому споръ ведется вовсе не между отдѣльными индивидами, какъ таковыми, и война не можетъ предоставить отдѣльнымъ личностямъ правъ ни на жизнь, ни на свободу побѣжденныхъ индивидовъ, по крайней мѣрѣ, съ того момента, какъ закончилось сраженiе, въ которомъ индивиды эти участвовали въ качествѣ защитниковъ своего государства. Больше того, война не можетъ дать такихъ правъ даже самому государству, взятому въ цѣломъ потому, что государство вело войну не съ отдѣльными индивидами, а съ государствомъ же, а индивиды были только орудiемъ его. И, наконецъ, такъ какъ объектомъ войны былъ матерiальный интересъ, стремленiе внести измѣненiе въ „реальныя", а не личныя „отношенiя" людей, то побѣдитель и не можетъ прiобрѣсть иныхъ правъ, кромѣ тѣхъ, которыя относятся къ спорному предмету: онъ можетъ принудить побѣжденныхъ заключить тотъ или иной торговый договоръ, согласиться на то или иное измѣненiе территорiи, но онъ не можетъ, не причиняя несправедливости, посягнуть на индивидуальныя права людей, права, которыхъ споръ совершенно не касался. Нельзя поэтому ссылаться на войну въ качествѣ оправданiя ограниченiй, причиненныхъ свободѣ людей. Этой тонкой и сложной аргументацiи дозволительно предпочесть гораздо болѣе простое и болѣе сильное разсужденiе, которымъ заканчивается эта глава.

[9] Въ качествѣ аргументовъ Гроцiй постоянно прибѣгаетъ къ авторитету Библiи, древнихъ историковъ и даже поэтовъ, какъ Горацiй, Эврипидъ, Гезiодъ, Гомеръ и т. д.

[10] Логики называютъ *заколдованнымъ кругомъ* (circulus vitiosus) разсужденiе, въ которомъ первое предположенiе доказывается посредствомъ второго, а второе, въ свою очередь, посредствомъ перваго.

[11] Господинъ сказалъ: „Я могъ бы тебя убить; я имѣю на это право, такъ какъ я болѣе силенъ; я дарю тебѣ жизнь, *при условіи*, что твоя личность будетъ мнѣ принадлежать и что ты безусловно будешь мнѣ повиноваться". Принимая такое соглашеніе, рабъ уступаетъ только силѣ, которая одна только и давала господину право на него. Какъ только сила окажется на сторонѣ раба, соглашеніе естественно потеряетъ все свое значеніе. Такого рода договоръ является поэтому лишь продолженіемъ состоянія войны.

ГЛАВА V.

О томъ, что необходимо постоянно восходить до первоначальнаго соглашенія.

Если бы я даже согласился со всѣмъ, что я сейчасъ опровергалъ, то защитники деспотизма [1] все таки не подвинулись бы впередъ ни на шагъ. Все же большая разница между подчиненіемъ себѣ толпы и управленіемъ обществомъ. Пусть отдѣльные люди будутъ послѣдовательно порабощаться однимъ человѣкомъ, каково бы ни было ихъ число, я все таки вижу въ данномъ случаѣ только господина и рабовъ, но я не вижу народа и главы его: это, если угодно, аггрегація, но не ассоціація; здѣсь нѣтъ ни общественнаго блага, ни политическаго тѣла. Этотъ человѣкъ, хотя бы онъ поработилъ полъ-міра, остается тѣмъ не менѣе только частнымъ лицомъ; его интересы, отдѣленные отъ интересовъ другихъ, остаются только частными интересами. Если этотъ самый человѣкъ погибнетъ, его имперія послѣ его смерти останется разсѣянной и ничѣмъ не связанной, какъ распадается и превращается въ кучу пепла дубъ послѣ того, какъ его уничтожилъ огонь.

Народъ, говоритъ Гроцій, можетъ отдать себя королю. Гроцій, слѣдовательно, думаетъ, что народъ существуетъ еще до того, какъ онъ отдаетъ себя королю. Самый даръ этотъ есть гражданскій актъ; онъ предполагаетъ публичное обсужденіе. Но, прежде чѣмъ заняться изслѣдованіемъ акта, которымъ народъ выбираетъ короля, не мѣшаетъ изслѣдовать актъ, посредствомъ котораго народъ становится народомъ [2]; потому что этотъ актъ, какъ предшествующій по необходимости избранію короля, является дѣйствительнымъ основаніемъ общества [3].

Въ самомъ дѣлѣ, если бы не было предварительнаго соглашенія, откуда могло бы явиться обязательство, если только избраніе не было единогласнымъ, для меньшинства подчиниться выбору большинства? и по какому праву сто человѣкъ, которые хотятъ имѣть повелителя, голосуютъ за тѣхъ десять человѣкъ, которые никакого повелителя имѣть не желаютъ? Самый законъ большинства голосовъ установленъ по соглашенію [4] и предполагаетъ единогласіе, хотя бы на одинъ только разъ.

---

[1] То-есть Гоббесъ, Гроцій и т. д.

[2] На этомъ именно глубокомъ различіи покоится гипотеза общественнаго договора. Для того, чтобы люди образовали настоящее политическое тѣло, необходимо, чтобы къ фактическимъ отношеніямъ (сосѣдство, обмѣнъ и т. д.), которыя связывали ихъ до того, присоединились отношенія моральныя, налагающія взаимныя обязательства и предполагающія поэтому соглашеніе. Тогда только мы имѣемъ народъ.

[3] Весьма вѣроятно, что въ этомъ абзацѣ Руссо поставилъ себѣ цѣлью опровергнуть очень сильное возраженіе, которое

Босюэтъ адресовалъ Жюрье (5-е предупрежденіе протестантамъ, 49): „Если разсматривать людей такими, какими они являктся въ естественномъ состояніи до учрежденія какого бы то ни было правительства, то мы найдемъ только анархію, то-есть дикую и жестокую свободу, свойственную всѣмъ людямъ... Представить себѣ, вмѣстѣ съ г. Жюрье, въ народѣ, взятомъ въ такомъ состояніи, наличность суверенитета, которая есть уже что-то въ родѣ правительства, значитъ предполагать правительство раньше существованія какого бы то ни было правительства и противорѣчить себѣ самому. Не только народъ въ такомъ состояніи не есть суверенъ, но и народа-то въ такомъ состояніи еще нѣтъ вовсе“... Руссо беретъ аргументы Боссюэта, направляетъ ихъ противъ Гроція и охраняетъ отъ нихъ свою собственную систему тѣмъ, что для Руссо первичный договоръ заключается не въ учрежденіи правительства, но въ учрежденіи самого суверенитета народа.

[4] Это не означаетъ, конечно, произвола и отсутствія логики, совершенно напротивъ. Когда люди хотятъ составить единое политическое тѣло, то разумъ, и только разумъ, побуждаетъ ихъ принять законъ большинства голосовъ, какъ единственный принципъ, совмѣстимый съ первоначальной свободой. Но этотъ законъ соблюдается только потому, что онъ признанъ молчаливымъ соглашеніемъ: иначе, право большинства превратится въ право силы и перестанетъ, слѣдовательно, быть правомъ.

ГЛАВА VI.

Объ общественномъ договорѣ.

Я предполагаю [1] людей на той ступени, когда препятствія, мѣшающія сохраненію ихъ въ естественномъ состояніи, берутъ перевѣсъ надъ силами, которыя каждый индивидъ можетъ приложить, чтобы удержаться въ этомъ состояніи. При такихъ условіяхъ первобытное состояніе не можетъ болѣе существовать [2]; и родъ человѣческій погибъ бы, если бы не измѣнилъ образа существованія.

Но такъ какъ люди не могутъ создать новыхъ силъ, а могутъ только объединять и направлять силы, уже существующія, то у нихъ не остается другого средства самосохраненія, какъ образовать путемъ сочетанія сумму силъ, которая могла бы преодолѣть сопротивленіе, пустить эти силы въ ходъ помощью единаго двигателя и заставить ихъ дѣйствовать согласно.

Эта сумма силъ можетъ произойти только путемъ сотрудничества многихъ индивидовъ; но разъ сила и свобода суть главныя средства самосохраненія для всякаго человѣка, то какимъ же образомъ отдаетъ онъ и ту, и другую, не вредя себѣ и не пренебрегая въ то же время заботами о самомъ себѣ? Эта трудность, заключающаяся въ предметѣ моего изслѣдованія, можетъ быть выражена въ слѣдующихъ словахъ:

„Найти такую форму ассоціаціи, которая бы защищала и охраняла совокупной общей силой личность и имущество каждаго участника, и въ которой каждый, соединяясь со всѣми, повиновался бы однако только самому себѣ и оставался бы такимъ же свободнымъ, какимъ онъ былъ раньше“ [3]. Такова та основная проблема, рѣшеніе которой даетъ *Общественный договоръ*.

Условія этого договора настолько предопредѣлены природой акта, что малѣйшее въ нихъ измѣненіе сдѣлало бы ихъ ничтожными и недѣйствительными, такъ что, хотя условія эти никогда формально можетъ быть и не были возвѣщены, но они вездѣ одни и тѣ же, вездѣ они молчаливо признаны и допущены до тѣхъ поръ, пока общественное соглашеніе не нарушено. Но разъ такое нарушеніе произошло, каждый вновь вступаетъ въ обладаніе своими первоначальными правами и вновь пріобрѣтаетъ свою естественную свободу, теряя въ то же время условную свободу, ради которой онъ отказался отъ первой.

Эти условія договора, правильно понятыя, сводятся въ сущности къ одному условію, а именно, къ полному отчужденію каждаго члена со всѣми своими правами въ пользу всей общины (communauté) [4], такъ какъ, во-первыхъ, разъ каждый отдаетъ всего себя цѣликомъ, то условіе оказывается одинаковымъ для всѣхъ, а разъ условіе одинаково для всѣхъ, ни у кого нѣтъ интереса дѣлать его отяготительнымъ для другихъ [5].

Кромѣ того, такъ какъ отчужденіе производится безъ оговорокъ, то союзъ становится совершеннымъ, насколько вообще онъ можетъ быть такимъ, и ни у одного изъ участниковъ нѣтъ болѣе особыхъ требованій; ибо, если бы у отдѣльныхъ личностей остались нѣкоторыя права, то, за отсутствіемъ высшей власти, которая могла бы рѣшать споры между ними и обществомъ, каждый, будучи въ нѣкоторыхъ вопросахъ своимъ собственнымъ судьей, скоро началъ бы претендовать стать судьей во всѣхъ другихъ вопросахъ, естественное состояніе продолжало бы существовать, и ассоціація по необходимости стала бы или тираннической, или тщетной [6].

Наконецъ, каждый, отдавая себя всѣмъ, не отдаетъ себя никому [7]; и такъ какъ нѣтъ ни одного участника, по отношенію къ которому остальные не пріобрѣтаютъ того же права, какое они ему уступаютъ по отношенію къ себѣ, то каждый снова пріобрѣтаетъ все, что онъ теряетъ, и пріобрѣтаетъ больше силы для сохраненія того, что онъ имѣетъ.

Если, такимъ образомъ, мы устранимъ изъ общественнаго соглашенія то, что не составляетъ его сущности, то мы найдемъ, что оно сводится къ слѣдующему: „*Каждый изъ насъ отдаетъ свою личность и всю свою мощь подъ верховное руководство общей воли,*

и мы вмѣстѣ принимаемъ каждаго члена какъ нераздѣльную часть цѣлаго [8].

Этотъ актъ ассоціаціи въ моментъ заключенія его ставитъ на мѣсто отдѣльной личности каждаго вступающаго въ договорныя отношенія моральное и коллективное тѣло, состоящее изъ стольких же членовъ, сколько въ собраніи голосовъ, и получающее изъ того же акта свое единство, свое общее *я*, свою жизнь и свою волю [9]. Эта, образующаяся такимъ образомъ, путемъ союза всѣхъ другихъ личностей, общественная личность называлась когда-то *гражданской общиной* (cité) *), а теперь она называется *республикой* или *политическимъ тѣломъ*; члены же этого политическаго тѣла даютъ ему названіе *государства*, когда оно пассивно, *суверена*, когда оно активно, и *державы*,

*) Настоящій смыслъ этого слова почти совершенно изгладился у современныхъ людей; по большей части, считаютъ городъ гражданской общиной (cité), а горожанина гражданиномъ (citoyen). Они не знаютъ, что дома составляютъ городъ, но что лишь граждане составляютъ гражданскую общину. Я не читалъ, чтобы званіе гражданъ (cives) было когда либо присвоено подданнымъ какого либо монарха; даже въ древности этотъ титулъ не былъ присвоенъ македонянамъ, ни въ наше время англичанамъ, хотя послѣдніе ближе всѣхъ другихъ къ свободѣ. Единственно только французы принимаютъ всѣ обычно имя *гражданъ* (citoynes), потому что они не имѣютъ о немъ никакого истиннаго представленія, какъ это можно видѣть изъ ихъ словарей; иначе, узурпируя это имя, они допускали бы оскорбленіе величества: но имя это обозначаетъ у нихъ достоинство, а отнюдь не право. Когда Боденъ попытался заговорить о нашихъ гражданахъ и горожанахъ, онъ впалъ въ грубую ошибку, принявъ однихъ за другихъ. Д'Аламберъ разобрался въ вопросѣ и въ своей статьѣ „Женева" провелъ правильное различіе между четырьмя разрядами жителей (даже пятью, если считать простыхъ иностранцевъ), которые имѣются въ нашемъ городѣ и изъ которыхъ только два образуютъ республику. Изъ прочихъ французскихъ авторовъ никто, насколько я знаю, не понялъ настоящаго значенія слова *гражданинъ*.

когда они сравниваютъ его съ подобными же тѣлами. По отношенію къ участникамъ они коллективно принимаютъ имя *народа*, а въ отдѣльности называются *гражданами*, какъ участники суверенной власти, и *подданными*, какъ подчиненные законамъ государства. Но эти термины иногда смѣшиваются и принимаются одно за другое; достаточно однако умѣть ихъ различать, когда они употребляются во всемъ точномъ ихъ значеніи [10].

---

[1] Начиная самую важную главу своего труда этимъ словомъ, Руссо ясно показываетъ, что знаменитый договоръ не является для него ни въ какомъ случаѣ историческимъ фактомъ, но лишь гипотезой. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что никогда первобытное общество не собиралось торжественно до своей организаціи. Но люди, когда они образовывали политическое сообщество, всегда поступали такъ, какъ будто бы ихъ поведеніе опредѣлялось правилами такого соглашенія, потому что соціальный договоръ является необходимымъ условіемъ жизни всякаго общества. Формулируя гипотезу договора, Руссо выразилъ только въ ясной формѣ основное положеніе, которому вначалѣ люди слѣдовали безсознательно. Леонъ Буржуа и другіе современные соціологи говорятъ въ томъ же смыслѣ о квази-договорѣ, который можетъ установиться среди людей естественнымъ ходомъ вещей, хотя бы договоръ этотъ никогда опредѣленно и не былъ формулированъ. Впрочемъ, Руссо вовсе не считалъ абсолютно химерической *для будущихъ временъ* идеи такого соглашенія, какъ это можно видѣть изъ отрывковъ, сопровождающихъ написанный имъ *проектъ конституціи для Корсики.*

[2] Такимъ образомъ люди съ самаго начала не чувствовали необходимости въ соціальной жизни и Руссо допускаетъ, что лишь современемъ условія жизни сдѣлались все болѣе и болѣе трудными. Эта идея является принципомъ знаменитой теоріи, изложенной Мальтусомъ полвѣка спустя: человѣческое населеніе стремится размножиться гораздо болѣе быстро, чѣмъ можетъ рости количество жизненныхъ продуктовъ, въ которыхъ населеніе это нуждается; отсюда и проистекаетъ борьба за жизнь.

[3] И послѣ общественнаго договора человѣкъ останется „такимъ же свободнымъ, какимъ онъ былъ раньше“, въ томъ смыслѣ, что сфера, въ которой онъ можетъ дѣйствовать, не уменьшится или даже увеличится; но, какъ мы увидимъ ниже, это будетъ уже не та свобода, какой человѣкъ пользовался раньше: это будетъ свобода договора, а не естественная свобода.

[4] Здѣсь-то и заключается основной принципъ, на которомъ построена вся книга. Принципъ этотъ возбудилъ безчисленное количество возраженій, изъ которыхъ мы изложимъ и разсмотримъ лишь главныя. Необходимо поэтому съ самаго начала хорошо понять слѣдующее: Посредствомъ договора люди формально отказываются отъ всѣхъ правъ, которыми надѣлила ихъ природа, безъ всякаго исключенія, и обязываются не пользоваться съ момента заключенія договора никакой иной властью, кромѣ той, которая будетъ предоставлена имъ общественнымъ договоромъ и законами. Человѣкъ отказывается въ пользу общества отъ всѣхъ своихъ естественныхъ правъ и взамѣнъ получаетъ извѣстное количество правъ договорныхъ.

[5] Эти оба основанія не отличаются особенной ясностью, и непонятно, почему выгода каждаго отдѣльнаго индивида одинакова. Скорѣе можно предположить, что, лишивъ окончательно самихъ себя всѣхъ своихъ естественныхъ правъ, всѣ люди очутятся въ положеніи, равномъ для всѣхъ, и что общество въ этомъ случаѣ можетъ попытаться удѣлить имъ всѣмъ равную часть договорныхъ правъ. Я думаю, что это именно и хочетъ сказать Руссо.

[6] Въ этомъ, по моему мнѣнію, заключается самый основательный доводъ въ пользу системы Руссо; большая часть его противниковъ, какъ кажется, не замѣтили даннаго довода и не разобрали его. Со всѣхъ сторонъ Руссо упрекали въ томъ, что онъ всецѣло жертвуетъ индивидомъ въ пользу государства, и что онъ отнимаетъ у него всѣ его естественныя права для того, чтобы оставить за нимъ только тѣ права, которыя общество согласится удѣлить ему. Но, отвѣчаетъ Руссо, *иначе поступить невозможно*: только при этомъ условіи общественный договоръ можетъ принести свои плоды и замѣнить естественное состояніе состояніемъ договорнымъ, выгоднымъ для всѣхъ. Ибо, если индивидъ и послѣ заключенія договора сохранилъ бы нѣкоторыя изъ своихъ естественныхъ правъ, какъ таковыя, то онъ оказался бы единственнымъ судьей того, что ему слѣдуетъ дѣлать для того, чтобы пользоваться этими правами и защищать ихъ; поэтому въ

отношеніи, по крайней мѣрѣ, части своихъ дѣйствій онъ поставитъ себя внѣ общества и выше законовъ и такимъ образомъ общество вновь впадетъ во всѣ бѣдствія естественнаго состоянія. Необходимо поэтому признать, что въ общественномъ состояніи мы не можемъ претендовать ни на какое естественное право, которое бы не было признано и гарантировано обществомъ.

[7] Бенжаменъ Констанъ въ особенности сильно нападалъ на это утвержденіе. Оно невѣрно, говоритъ онъ, потому, что, отдавая себя во власть всѣхъ, „отдаютъ себя во власть тѣхъ, кто дѣйствуетъ именемъ всѣхъ“. Но Руссо именно хотѣлъ предложить режимъ, въ которомъ дѣйствительно суверенной была бы одна только общая воля и въ которомъ чиновники, облеченные общественной властью, могли бы пользоваться ею лишь для того, чтобы заставить исполнять законы, то есть волю всѣхъ. Вопросъ можетъ идти только о томъ, возможно ли это и осуществимо ли въ дѣйствительности.

[8] Довольно темная послѣдняя часть этой фразы означаетъ, что всѣ договаривающіеся получаютъ равныя права и что соціальное тѣло признаетъ каждаго изъ нихъ членомъ государства, имѣющимъ право подавать голосъ на народныхъ собраніяхъ.

[9] Итакъ Руссо разсматриваетъ народъ, какъ моральное существо, которому онъ приписываетъ всѣ свойства личности. Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, какія трудности создаетъ этотъ метафизическій реализмъ.

[10] Необходимо запомнить всѣ эти опредѣленія, такъ какъ дальше Руссо всегда употребляетъ эти слова „во всемъ ихъ точномъ значеніи“. Многія разсужденія останутся непонятными, если не помнить опредѣленій, которыя Руссо дѣлаетъ, въ особенности опредѣленія понятій *государство* и *суверенъ*.

ГЛАВА VII.

О суверенѣ.

Эта формула [1] показываетъ, что актъ ассоціаціи заключаетъ взаимное обязательство между обществомъ и частными лицами, и что каждый индивидъ, заключая, такъ сказать, договоръ съ самимъ собой, оказывается связаннымъ двояко, а именно: какъ членъ суверена по отношенію къ частнымъ лицамъ и

какъ членъ государства по отношенію къ суверену. Но здѣсь непримѣнимо положеніе гражданскаго права, что никто не можетъ быть связанъ обязательствомъ, принятымъ по отношенію къ самому себѣ, потому что существуетъ глубокая разница между обязательствомъ по отношенію къ самому себѣ и обязательствомъ по отношенію къ цѣлому, часть котораго составляетъ обязывающійся.

Необходимо замѣтить еще, что общественнымъ рѣшеніемъ можетъ быть установлено обязательство всѣхъ подданныхъ по отношенію къ суверену, такъ какъ каждый изъ подданныхъ разсматривается съ двоякой точки зрѣнія; но, по противоположному основанію, не можетъ быть установлено обязательства для суверена по отношенію къ нему самому и что, слѣдовательно, противно природѣ политическаго тѣла, чтобы суверенъ связалъ самого себя закономъ, котораго онъ не могъ бы преступить. Такъ какъ суверенъ можетъ разсматривать себя только въ одномъ и томъ же и притомъ единственномъ отношеніи, то онъ оказывается въ положеніи частнаго лица, вступающаго въ договоръ съ самимъ собой; отсюда видно, что нѣтъ и не можетъ быть никакого обязательнаго для совокупности народа основного закона; для него не обязателенъ даже общественный договоръ [2]. Это не значитъ, однако, чтобы это общественное тѣло не могло принять на себя обязательствъ по отношенію къ другимъ во всемъ, что не противорѣчитъ общественному договору; ибо по отношенію къ иностранцамъ оно становится простымъ существомъ, индивидомъ.

Но политическое тѣло, или суверенъ, обязанный своимъ бытіемъ только святости [3] договора, не можетъ никогда обязываться даже по отношенію къ другому

ни въ чемъ, что посягало бы на этотъ первоначальный актъ, какъ, напр., отчудить какую нибудь часть самого себя или подчиниться другому суверену. Нарушить актъ, благодаря которому онъ существуетъ, значило бы уничтожить самое себя; а ничто и породить ничего не можетъ [4].

Какъ только толпа объединилась, такимъ образомъ, въ одно тѣло, такъ тотчасъ же становится невозможнымъ посягнуть на какой либо членъ, не затрагивая тѣла, и еще менѣе возможно посягнуть на все тѣло такъ, чтобы не почувствовали этого члены. Итакъ, и долгъ и интересъ одинаково обязываютъ обѣ договаривающіяся стороны взаимно помогать другъ другу; и одни и тѣ же люди должны стремиться въ двоякомъ отношеніи объединить всѣ преимущества, которыя вытекаютъ изъ этого взаимоотношенія.

Суверенъ, будучи образованъ изъ составляющихъ его частныхъ лицъ, не имѣетъ и не можетъ имѣть интересовъ, противоположныхъ ихъ интересамъ; поэтому подданные не нуждаются въ гарантіи противъ суверенной власти, ибо невозможно предположить, чтобы тѣло захотѣло вредить всѣмъ своимъ членамъ; и мы увидимъ ниже, что оно не можетъ вредить никому въ отдѣльности. Суверенъ есть всегда то, чѣмъ онъ долженъ быть, по тому одному, что онъ существуетъ [5].

Но дѣло обстоитъ не такъ съ отношеніями подданныхъ къ суверену; несмотря на общій интересъ, ничто не ручалось бы за выполненіе ими принятыхъ на себя обязательствъ, если бы суверенъ не нашелъ средствъ обезпечить себѣ ихъ вѣрность.

Въ самомъ дѣлѣ, каждый индивидъ, какъ человѣкъ можетъ имѣть частную волю, противоположную или непохожую на общую волю, которую онъ имѣетъ, какъ

гражданинъ [6]; его частный интересъ можетъ подсказать ему нѣчто совершенно иное, чѣмъ интересъ общій; безусловность и естественная независимость его существованія можетъ побудить его разсматривать то, что онъ долженъ удѣлить общему дѣлу, какъ добровольную подать, потеря которой будетъ менѣе вредна для другихъ, чѣмъ взносъ ея отяготителенъ для него; и, разсматривая моральную личность, составляющую государство, какъ существо воображаемое, потому что оно не человѣкъ, каждый индивидъ пользовался бы правами гражданина, не желая въ то же время выполнять обязанностей подданнаго; а развитіе такой несправедливости привело бы къ разрушенію политическаго тѣла.

Поэтому, дабы это общественное соглашеніе не оказалось пустой формальностью, оно молчаливо заключаетъ въ себѣ слѣдующее обязательство, которое одно только можетъ придать силу другимъ обязательствамъ, а именно: если кто нибудь откажется повиноваться общей волѣ, то онъ будетъ принужденъ къ повиновенію всѣмъ политическимъ тѣломъ [7]; а это означаетъ лишь то, что его силой заставятъ быть свободнымъ [8], такъ какъ соглашеніе въ томъ и заключается что, предоставляя каждаго гражданина въ распоряженіе отечества, оно гарантируетъ его отъ всякой личной зависимости. Это условіе составляетъ секретъ и двигательную силу политической машины, и только оно одно дѣлаетъ законными гражданскія обязательства, которыя безъ этого были бы нелѣпыми, тиранническими и давали бы лишь поводъ къ огромнымъ злоупотребленіямъ.

---

[1] Формула общественнаго договора.

[2] Такимъ образомъ за соціальнымъ тѣломъ остается абсолютная свобода измѣнять всѣ тѣ законы, которые оно само для

себя создало, и даже пересмотрѣть основной договоръ, заключенный имъ. Въ дальнѣйшемъ Руссо вернется къ этой важной теоріи и точнѣе изложитъ ее. Теорія эта вызвала многочисленныя возраженія. Принять ее, значитъ, по мнѣнію критиковъ признать за государствомъ неограниченную власть и забывать о существованіи моральныхъ обязательствъ, правилъ справедливости и добропорядочности, которыхъ даже общество не *можетъ* отвергнуть. (Смотри P. Janet. Hist. de la sc. pol., II, p. 504 suiv.). Но Руссо изслѣдуетъ здѣсь только *необходимыя* условія, опредѣляющія образованіе народа, и выставленный имъ принципъ кажется мнѣ неизбѣжнымъ. Если вопросы объ общественномъ договорѣ и законахъ рѣшаютъ индивиды, то очевидно, что они могутъ постоянно измѣнять свою волю, а, слѣдовательно, и измѣнять и даже отмѣнять свои первоначальныя соглашенія, если только этого хочетъ большинство. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ необходимостью фактической, противъ которой безсильно всякое соображеніе права. Что же касается того, что индивиды, рѣшая вопросъ о своей соціальной организаціи, должны всегда руководиться при этомъ извѣстными моральными принципами; и что собственные интересы и разумъ должны побудить ихъ воздерживаться отъ злоупотребленій своей абсолютной свободой, то все это очень справедливо. Руссо самъ признаетъ и провозглашаетъ то же самое въ другомъ мѣстѣ (см. кн. II, гл. 4). Но здѣсь вопросъ идетъ не объ этомъ вовсе и, по моему мнѣнію, Руссо имѣлъ основаніе вывести изъ идеи соціальнаго договора догму всемогущества суверуннаго народа.

[3] То-есть его императивному и обязательному характеру.

[4] Только общественный договоръ даетъ существованіе народу. Разъ этотъ договоръ перестаетъ соблюдаться не по волѣ контрагентовъ, а по какой либо иной причинѣ, то народъ, какъ народъ, перестаетъ существовать.

[5] Эти идеи будутъ развиты и разобраны въ первыхъ главахъ 2-й книги.

[6] Примѣръ: общая воля Петра, какъ и всѣхъ остальныхъ гражданъ, это, чтобы налоги уплачивались правильно. Но если онъ оставитъ въ сторонѣ связи, которыя соединяютъ его съ соціальнымъ тѣломъ, и будетъ блюсти только свои интересы какъ индивидуальной личности, то у него можетъ явиться частная воля:—избѣгнуть платежа причитающейся съ него части податей.

[7] То-есть всѣмъ соціальнымъ тѣломъ, коллективной мощью суверена.

[8] Какъ будетъ видно изъ слѣдующей главы, истинная свобода дѣйствительно есть слѣдствіе общественнаго состоянія Спасительное принужденіе, заставляющее всякаго повиноваться общей волѣ и одно только могущее сдѣлать возможнымъ существованіе и сохраненіе государства—является абсолютно необходимымъ условіемъ свободы всѣхъ. Самъ человѣкъ, котораго принуждаютъ, обязанъ своей свободой тому, что угроза принужденія виситъ надъ головою всѣхъ. Поэтому принуждать людей подчиняться общей волѣ, значитъ не разрушать, а, напротивъ, обезпечить свободу.

ГЛАВА VIII.

О гражданскомъ состояніи.

Переходъ изъ естественнаго состоянія въ гражданское производитъ въ человѣкѣ чрезвычайно замѣчательную перемѣну, замѣняя въ его поведеніи инстинктъ справедливостью и придавая его дѣйствіямъ тотъ моральный характеръ, котораго у нихъ до этого не было. И только тогда, когда голосъ долга заступаетъ мѣсто физическаго импульса, а право—мѣсто безсознательнаго стремленія, человѣкъ, который до тѣхъ поръ считался только съ самимъ собой, видитъ себя вынужденнымъ поступать сообразно съ другими принципами и обращаться къ своему разуму, прежде чѣмъ прислушаться къ тому, что подсказываютъ ему его наклонности [1]. Хотя въ состояніи общественномъ человѣкъ и лишается многихъ преимуществъ, которыми онъ обладаетъ въ естественномъ состояніи, но зато онъ пріобрѣтаетъ гораздо большія преимущества: его способности упражняются и развиваются, мысль его расширяется, чувства его облагораживаются и вся его душа возвышается до такой степени, что, если бы злоупотребленія новыми условіями жизни не низводили его часто до состоянія болѣе низкаго, чѣмъ то,

*

изъ котораго онъ вышелъ [2], онъ долженъ былъ бы безпрестаннно благословлять счастливый моментъ, вырвавшій его навсегда изъ прежняго состоянія, и превратившій его изъ тупого и ограниченнаго животнаго въ существо мыслящее и въ человѣка.

Сведемъ весь этотъ итогъ къ легко сравнимымъ даннымъ. Благодаря общественному договору человѣкъ теряетъ свою естественную свободу и неограниченное право на все, что его прельщаетъ и чѣмъ онъ можетъ овладѣть; выигрываетъ же онъ гражданскую свободу и право собственности на все, чѣмъ онъ владѣетъ. Чтобы не ошибиться въ этихъ взаимныхъ компенсаціяхъ, необходимо твердо различать естественную свободу, которая ограничена только силами индивида отъ свободы гражданской, которая ограничена общей волей [3]; необходимо различать также владѣніе, которое является лишь слѣдствіемъ силы или есть простое право перваго захватчика, отъ собственности, которая можетъ быть основана только на положительномъ титулѣ.

Ко всему предшествующему активу гражданскаго состоянія можно было бы прибавить моральную свободу, которая одна лишь дѣлаетъ человѣка господиномъ надъ самимъ собой; потому что импульсъ одного только влеченія равносиленъ рабству, а повиновеніе закону, предписанному самому себѣ, равносильно свободѣ [4].

Но я слишкомъ уже долго остановился на этомъ пунктѣ, а философское значеніе слова *свобода* не входитъ въ предметъ моего изслѣдованія.

---

[1] Руссо категорически ставитъ здѣсь въ зависимость всю моральную жизнь отъ жизни соціальной. До созданія общественнаго договора въ естественномъ состояніи, нравственности не существуетъ, существуетъ только инстинктъ, физическое побу-

жденіе, аппетитъ и эгоизмъ;—послѣ заключенія общественнаго договора въ состояніи общественномъ появляется мораль, справедливость, долгъ, право и разумъ (raison). Часто возражали, что, напротивъ, мораль предшествовала обществу и сдѣлала созданіе его возможнымъ, что идея справедливаго предшествовала закону и дала толчокъ къ созданію его и т. д. и что Руссо, какъ кажется, напрасно забываетъ здѣсь о томъ, что общественный договоръ предполагаетъ уже довольно высокій уровень нравственности и умѣнія разсуждать. Но дѣло въ томъ, что до созданія общественнаго договора моральныя представленія существуютъ только въ состояніи неопредѣленныхъ чувствъ у отдѣльныхъ индивидовъ и только соціальная организація создаетъ изъ этихъ чувствъ общія правила и, дѣйствительно, реальныя явленія.

[2] Въ своемъ написанномъ по-латыни сочиненіи „О Ж., Ж. Руссо“ Изуле справедливо замѣтилъ, что эта вводная фраза даетъ возможность понять, какимъ образомъ авторъ „Общественнаго договора“ былъ въ то же время и авторомъ „Разсужденія о происхожденіи неравенства“, и какимъ образомъ Руссо могли считать то апологетомъ общества, то его врагомъ. Руссо сильно нападалъ на общество, основанное на насиліи, неравенствѣ и деспотизмѣ, но онъ думалъ, что *раціональная* организація общества можетъ обезпечить человѣку реальную свободу и счастье. Естественно, что прежде чѣмъ открыть и изложить хорошую организацію общества, онъ подвергъ критикѣ дурную организацію его. Поэтому между обоими сочиненіями Руссо противорѣчіе не такъ ужъ сильно, какъ указывалось. Слѣдуетъ, тѣмъ не менѣе, признаться, что онъ не принялъ необходимыхъ предосторожностей, чтобы избѣгнуть упрека въ противорѣчіяхъ.

[3] Естественная свобода,—это возможность дѣлать все, что угодно, свобода теоретически неограниченная, но на дѣлѣ безконечно уменьшенная самими условіями жизни въ естественномъ состояніи; гражданская свобода, это возможность дѣлать все то, что дозволено закономъ, свобода ограниченная, но полное пользованіе которой намъ гарантируетъ общество.

[4] Моральная свобода или свобода выбора—это возможность непринужденно выбирать между различными рѣшеніями. Такого рода свобода предполагаетъ умѣніе разсуждать. Инстинктъ въ чистомъ видѣ принуждаетъ насъ принять рѣшенія, которыхъ мы свободно не выбирали. Свободный человѣкъ—это тотъ, который

самъ рѣшаетъ, что онъ хочетъ дѣлать, какъ онъ хочетъ привести въ исполненіе задуманное имъ, и который слѣдуетъ правиламъ, продиктованнымъ ему его собственнымъ разумомъ. А такихъ людей можно найти только въ организованныхъ обществахъ. Это духъ морали Канта и знаменитой теоріи свободы воли.

ГЛАВА IX.

Объ имуществахъ [1].

Каждый членъ общины отдаетъ себя послѣдней въ тотъ моментъ, когда она возникаетъ, таковымъ, какимъ онъ является въ данное время; онъ отдаетъ и себя и свои силы, часть которыхъ составляетъ находящееся въ его владѣніи имущество. Это не значитъ, что благодаря указанному акту съ перемѣной владѣльца измѣняетъ свою природу и само владѣніе и становится собственностью въ рукахъ суверена [2]; но такъ какъ силы гражданской общины неизмѣримо болѣе велики, чѣмъ силы отдѣльнаго человѣка, то и общественное владѣніе фактически точно также болѣе крѣпко и болѣе неотъемлемо, чѣмъ владѣніе частное, не будучи въ то же время болѣе законнымъ, по крайней мѣрѣ, для иностранцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, по отношенію къ своимъ членамъ государство становится хозяиномъ всего ихъ имущества въ силу общественнаго договора, служащаго въ государствѣ основаніемъ для всѣхъ правъ, но съ точки зрѣнія другихъ державъ имущество подданныхъ принадлежитъ государству только по праву перваго захватчика,—праву, полученному имъ отъ частныхъ лицъ.

Право перваго захватчика, хотя и болѣе действи-

тельное [3], чѣмъ право сильнѣйшаго, становится однако истиннымъ правомъ [4] лишь по установленіи права собственности. Всякій человѣкъ естественно имѣетъ право на все, что ему необходимо; но положительный актъ, который дѣлаетъ его собственникомъ какого нибудь имущества, лишаетъ его права на все остальное. Разъ его доля отмежевана, онъ долженъ ею и ограничиться и на общее имущество [5] онъ уже болѣе никакого права не имѣетъ. Вотъ почему столь слабое въ естественномъ состояніи право перваго захватчика уважается всякимъ человѣкомъ живущимъ въ обществѣ. Въ этомъ правѣ люди уважаютъ не столько то, что принадлежитъ другому, сколько то, что не принадлежитъ имъ.

Въ общемъ, для признанія права перваго захватчика на какой нибудь участокъ необходимы слѣдующія условія: во-первыхъ, чтобы этотъ участокъ никѣмъ еще не былъ обитаемъ; во-вторыхъ, чтобы захватчикъ занялъ только то количество земли которое необходимо для его существованія; и, въ-третьихъ, овладѣніе должно быть произведено не путемъ пустой церемоніи, а посредствомъ труда и обработки,— единственнаго признака собственности, который за отсутствіемъ юридическихъ основаній долженъ быть уважаемъ другими лицами.

Въ самомъ дѣлѣ, ограничить право перваго захватчика предѣлами необходимости и труда не значитъ ли расширить это право насколько возможно далеко [6]? Можно ли не ставить границъ этому праву? Достаточно ли ступить на общій участокъ, чтобы считать себя тотчасъ же его хозяиномъ? Достаточно ли имѣть силу для отстраненія на время другихъ отъ владѣнія, чтобы отнять у нихъ этимъ самымъ право когда либо вернуться на то же мѣсто? Какимъ обра-

зомъ одинъ человѣкъ или цѣлый народъ можетъ овладѣть огромной территоріей и лишить возможности пользованія ею весь родъ человѣческій иначе, какъ путемъ достойной наказанія узурпаціи, разъ узурпація эта отнимаетъ у другихъ людей мѣстопребываніе и пищу, предоставленные природой сообща всему человѣчеству? Когда Нунесъ Бальбао отъ имени кастильской короны принялъ подъ свою власть, стоя на берегу, южное море и всю Южную Америку, было ли этого достаточно, чтобы лишить всѣхъ жителей ихъ владѣній и отнять у всѣхъ государей міра возможность претендовать на эти земли? Эти церемоніи повторялись довольно тщетно, и католическій король могъ бы сразу овладѣть всѣмъ міромъ, съ тѣмъ чтобы потомъ отдѣлять отъ своей имперіи то, чѣмъ владѣли ранѣе другіе монархи.

Отсюда можно понять, какимъ образомъ объединенныя смежныя земли частныхъ лицъ становятся государственной территоріей, и какимъ образомъ право суверенитета, простираясь не только на подданныхъ, но и на землю, которую они занимаютъ, становится одновременно вещнымъ и личнымъ;—это ставитъ владѣльцевъ въ гораздо большую зависимость и дѣлаетъ ихъ собственныя силы [7] гарантіею ихъ вѣрности. Древніе монархи не достаточно, кажется, цѣнили это преимущество, такъ какъ, называясь только царями персовъ, скиѳовъ, македонцевъ, они, повидимому, смотрѣли на себя скорѣе какъ на повелителей людей. чѣмъ какъ на владыкъ страны. Современные короли называютъ себя болѣе ловко королями Франціи, Испаніи, Англіи и т. д.; владѣя, такимъ образомъ, землей, они увѣрены и въ власти надъ жителями.

Особенность даннаго отчужденія заключается въ томъ, что община, принимая имущества частныхъ

лицъ, вовсе не обездоливаетъ ихъ; а, напротивъ, лишь обезпечиваетъ за ними законное владѣніе и превращаетъ узурпацію [8] въ дѣйствительное право, а пользованіе въ собственность. Такъ какъ владѣльцы разсматриваются какъ хранители общественнаго достоянія и такъ какъ права ихъ уважаются всѣми членами государства и сохраняются всѣми силами его противъ посягательствъ чужестранцевъ, то ясно, что благодаря передачѣ, выгодной для общества и еще болѣе выгодной для самихъ владѣльцевъ, послѣдніе пріобрѣли, такъ сказать, все то, что отдали: парадоксъ этотъ легко объясняется разницей между правами верховной власти и собственника на одно и то же имѣніе, какъ это будетъ выяснено ниже [9].

Можетъ также случиться, что люди начинаютъ объединяться раньше, чѣмъ они владѣютъ чѣмъ нибудь и, овладѣвъ затѣмъ участкомъ достаточнымъ для всѣхъ, они или пользуются имъ сообща, или дѣлятъ участокъ этотъ между собой на равныя доли, либо же по пропорціямъ, установленнымъ верховной властью. Но какимъ бы образомъ ни произошло это пріобрѣтеніе, право, которое каждый частный человѣкъ имѣетъ на свое собственное имѣніе, всегда подчинено праву, которое община имѣетъ на всѣ имѣнія; безъ этого не было бы ни прочности въ общественной связи, ни дѣйствительной силы въ отправленіи верховенства [10].

Я закончу эту главу и эту книгу замѣчаніемъ, которое должно служить основой для всей соціальной системы, а именно: основное соглашеніе не только не разрушаетъ естественнаго равенства, а, напротивъ, замѣняетъ моральнымъ и законнымъ равенствомъ то физическое неравенство между людьми, которое могла создать природа; люди и впредь могутъ оставаться неравными въ силѣ и въ способностяхъ но они ста-

новятся равными путемъ соглашенія *), и въ силу права [11].

---

[1] Мы только что видѣли, каковымъ становится въ общественномъ состояніи положеніе личности; теперь Руссо переходитъ къ положенію матеріальныхъ благъ и излагаетъ принципы теоріи собственности.

[2] Руссо ясно выяснилъ значеніе этихъ двухъ терминовъ въ концѣ предыдущей главы.

[3] То-есть, будучи правомъ въ болѣе реальномъ смыслѣ, могущимъ раціонально быть оправданнымъ.

[4] То-есть такимъ правомъ, соблюденія котораго можно требовать, прибѣгая въ случаѣ необходимости къ поддержкѣ соціальнаго тѣла. Мы видимъ, такимъ образомъ, что до заключенія общественнаго договора права и обязанности, по мнѣнію Руссо, существуютъ только въ потенціи (въ возможности): реальными явленіями эти зачатки становятся только съ появленіемъ общества и благодаря послѣднему. Современное право говоритъ точно также: „безъ иска не существуетъ права“ (pas de droit sans action).

[5] Непонятное выраженіе. Руссо хочетъ сказать, что человѣкъ, за которымъ общество признало собственность извѣстнаго имущества не имѣетъ болѣе никакого права участвовать въ собственности другихъ людей, тоже признанной за ними. Все, что не признано формально за нимъ на основаніи положительнаго титула, то совершенно ему чуждо.

[6] Итакъ, общество должно гарантировать и превратить въ законную собственность фактическое владѣніе лишь постольку, поскольку люди могутъ кромѣ факта владѣнія могутъ сослаться еще на нужду въ данномъ предметѣ и на трудъ. Одного только

---

*) При дурныхъ правительствахъ равенство это только кажущееся и обманчивое; оно служитъ лишь для того, чтобы держать бѣдняка въ нищетѣ, а богачу обезпечить его узурпацію. По существу, законы всегда полезны для владѣющихъ и вредны для тѣхъ, у кого ничего нѣтъ; отсюда слѣдуетъ, что состояніе общественное выгодно для людей лишь поскольку всѣ они чѣмъ нибудь владѣютъ и поскольку никто изъ нихъ не владѣетъ чѣмъ нибудь въ излишкѣ.

факта, что человѣкъ является первымъ захватчикомъ, абсолютно недостаточно для того, чтобы оправдать право.

[7] Руссо разсматриваетъ имущество, какъ часть силъ, находящихся въ распоряженіи человѣка. См. первыя строки главы.

[8] До заключенія общественнаго договора человѣкъ по необходимости долженъ былъ самъ объявить себя владѣльцемъ извѣстной части почвы, собственной своей властью, безъ признанія за нимъ какого бы то ни было права на захваченную землю другими людьми: это-то именно Руссо и называетъ здѣсь узурпаціей.

[9] Въ особеннности кн. II, гл. 4.

[10] Это—примѣненіе къ вопросу о собственности принципа, разобраннаго нами выше, по которому всякое право исходитъ отъ государства. Если бы, со времени заключенія общественнаго договора, отчужденіе нашихъ правъ не было бы полнымъ и если мы сохранили бы, напримѣръ, естественное и абсолютное право на бывшія у насъ до заключенія договора владѣнія, то индивидъ, хотя и частично, но ускользнулъ бы отъ власти суверена; онъ оказался бы матеріально независимымъ и могъ бы, такимъ образомъ, парализовать выполненіе общей воли. А въ такомъ случаѣ договоръ не произвелъ бы уже всѣхъ своихъ полезныхъ воздѣйствій.

[11] Существуетъ, такимъ образомъ, извѣстное естественное неравенство, проистекающее изъ различія физическихъ и умственныхъ способностей и неравенство соціальное, которое заключается въ признаніи за одними большихъ правъ, чѣмъ за другими и въ возложеніи на первыхъ большихъ обязанностей, чѣмъ на вторыхъ. Общественный договоръ уничтожаетъ, или скорѣе забываетъ первое неравенство и съ точки зрѣнія соціальной ставитъ всѣхъ людей въ положеніе совершеннаго равенства. Но трудность заключается въ послѣдующемъ воспрепятствованіи тому, чтобы остатки естественнаго неравенства не повели бы къ возрожденію неравенства соціальнаго: въ этомъ-то отношеніи и различаются правительства хорошія и дурныя.

КНИГА ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

О томъ, что суверенитетъ неотчуждаемъ.

Первый и самый важный выводъ изъ установленныхъ выше принциповъ тотъ, что только общая воля можетъ управлять силами государства сообразно съ цѣлью, для которой послѣднее учреждено и которая есть общее благо. Ибо если противоположность частныхъ интересовъ создала необходимость въ установленіи обществъ, то самое установленіе ихъ стало возможнымъ только путемъ соглашенія тѣхъ же интересовъ. Что есть общаго въ различныхъ частныхъ интересахъ, то и образуетъ общественную связь, и если бы не было такого пункта, въ которомъ бы сходились всѣ интересы, то никакое общество не могло бы существовать. Единственно на основаніи этого общаго интереса [1] общество и должно быть управляемо.

Я утверждаю, что суверенитетъ [2], будучи только проявленіемъ общей воли, не можетъ никогда отчуждаться, и что суверенъ, будучи ничѣмъ инымъ, какъ коллективнымъ существомъ, можетъ быть представленъ только самимъ собой; власть можетъ, конечно, передаваться, но не воля. Въ самомъ дѣлѣ, если нѣтъ

ничего невозможнаго въ томъ, чтобы частная воля совпадала въ какомъ нибудь отношенiи съ общей волей, то, во всякомъ случаѣ, невозможно, чтобы это совпаденiе было продолжительнымъ и постояннымъ, потому что частная воля, по самой своей природѣ, стремится къ преимуществамъ, а общая воля—къ равенству [3]. Но еще болѣе невозможно установить гарантiю этого совпаденiя; хотя бы даже оно и существовало постоянно, это было бы результатомъ случая, а не искусства. Суверенъ можетъ смѣло сказать: „я желаю въ данный моментъ того, чего такой то человѣкъ желаетъ или, по крайней мѣрѣ, выдаетъ за свою волю", но онъ не можетъ сказать „то, чего пожелаетъ этотъ человѣкъ завтра, будетъ и моимъ желанiемъ", такъ какъ было бы нелѣпымъ, чтобы воля связывала самое себя на будущее время и такъ какъ ничью волю нельзя заставить дать согласiе на что либо, противное благу существа, которое обладаетъ волею. Такимъ образомъ если народъ обѣщаетъ просто повиноваться, онъ уничтожаетъ себя этимъ актомъ [4] и теряетъ свое свойство народа; разъ есть повелитель, то нѣтъ болѣе суверена и политическое тѣло разрушено.

Это не значитъ, однако, что приказанiя начальниковъ не могутъ считаться выраженiями общей воли, до тѣхъ поръ пока суверенъ, имѣющiй возможность противостать этому, не противостаетъ. Въ такомъ случаѣ, общее молчанiе должно быть понимаемо какъ согласiе народа. Дальше это будетъ выяснено болѣе подробно [5].

---

1 Этотъ общiй интересъ составляетъ предметъ заботъ общей воли, а всю свою власть суверенъ получаетъ отъ послѣдней.

2 „Суверенитетъ", то-есть верховная власть.

3 Индивидъ постольку, поскольку онъ въ заботахъ о своихъ

личныхъ интересахъ забываетъ объ интересѣ общественномъ, можетъ стремиться къ тому, что выгодно для него, хотя бы и въ ущербъ другому. Но общая воля можетъ стремиться только къ равнымъ для всѣхъ условіямъ. См. дальше гл. III.

[4] Вручая свои полномочія какому-нибудь представителю съ тѣмъ, чтобы послѣдній пользовался ими неограниченнымъ и прочнымъ образомъ, народъ обязался бы повиноваться законамъ, которые издалъ бы представитель именемъ народа, хотя бы эти законы и не были согласны съ волей народа. Послѣдній призналъ бы въ такомъ случаѣ существованіе власти, стоящей выше его собственной власти и пересталъ бы быть сувереномъ.

[5] Функціи права начальниковъ или правительства будутъ изслѣдованы въ III-й книгѣ.

ГЛАВА II.

О томъ, что суверенитетъ недѣлимъ.

По тѣмъ же самымъ основаніямъ, по какимъ суверенитетъ не отчуждаемъ, онъ и недѣлимъ, ибо одно изъ двухъ: или воля всеобща *), или нѣтъ [1]; или это воля всего народа, или это воля только части его. Въ первомъ случаѣ, эта объявленная всеобщая воля есть актъ суверенитета и составляетъ законъ; во-второмъ, это только частная воля или актъ магистратуры (должностныхъ лицъ), самое большее—это декретъ.

Но наши политики [2] не будучи въ состояніи раздѣлить суверенитетъ въ его принципѣ, дѣлятъ его въ объектѣ; они дѣлятъ его на силу и волю; на власть законодательную и власть исполнительную; на право обложенія налогами, право суда и войны; на внутреннюю администрацію и на право вступать въ до-

*) Для того, чтобы воля была всеобща, не всегда необходимо, чтобы она была единогласна; необходимо только, чтобы всѣ голоса были сосчитаны; всякое формальное исключеніе уничтожаетъ всеобщность.

говоры съ иностранными державами: то они смѣшиваютъ всѣ эти составныя части, то они ихъ раздѣляютъ другъ отъ друга; изъ верховной власти они дѣлаютъ какое то фантастическее существо, составленное изъ различныхъ кусковъ. Это похоже на то, какъ если бы они составляли человѣка изъ различныхъ тѣлъ, изъ которыхъ одно имѣло бы только глаза, другое только руки, третье только ноги. Говорятъ, что японскіе шарлатаны разрубаютъ на глазахъ зрителей ребенка на части; затѣмъ бросаютъ въ воздухъ всѣ члены его одинъ за другимъ, и ребенокъ падаетъ на землю живымъ и цѣлымъ. Таковы приблизительно и пріемы нашихъ политиковъ; расчленивъ достойнымъ ярмарки фокусомъ соціальное тѣло, они неизвѣстно какимъ образомъ собираютъ вновь куски.

Эта ошибка происходитъ отъ того, что политики недостаточно уяснили себѣ сущность суверенной власти и сочли за составныя части этой власти то, что было только ея проявленіемъ. Такъ, напримѣръ, акты объявленія войны и заключенія мира разсматривали, какъ акты суверенитета; въ дѣйствительности это не такъ; потому что каждый изъ этихъ актовъ не есть вовсе законъ, а лишь одно изъ примѣненій закона, частный актъ, являющійся случаемъ примѣненія закона, какъ это будетъ ясно видно, когда будетъ выяснена идея, связанная со словомъ *законъ* [3].

Разбирая точно также другія дѣленія, можно замѣтить, что ошибаются каждый разъ, когда думаютъ найти суверенитетъ раздѣленнымъ; права, которыя считаютъ частями этого суверенитета, всѣ подчинены ему и предполагаютъ существованіе верховной воли, выполненіемъ велѣній которой и являются эти права.

Нельзя и представить себѣ, насколько этотъ недостатокъ точности затемнилъ выводы писателей по

государственному праву, когда они собирались судить на основанiи установленныхъ ими принциповъ о взаимныхъ правахъ королей и народовъ. Каждый можетъ замѣтить въ третьей и четвертой главахъ первой книги Гроцiя [3], какъ этотъ ученый мужъ и его переводчикъ Барбейракъ [4] запутываются и сбиваются въ своихъ софизмахъ, изъ боязни сказать по ихъ соображенiямъ или слишкомъ много или слишкомъ мало и изъ боязни столкнуть интересы, которые они хотѣли согласовать. Гроцiй недовольный своимъ отечествомъ, бѣжавшiй во Францiю и желавшiй угодить Людовику XIII, которому и посвящена его книга, не щадитъ усилiй, чтобы отнять у народовъ всѣ ихъ права и чтобы снадбить этими правами королей. Таково же было извѣстное желанiе Барбейрака, который посвятилъ свой переводъ англiйскому королю Георгу I. Но къ несчастью изгнанiе Якова II, которое Барбейракъ называетъ отреченiемъ, заставило его быть осторожнымъ, недоговаривать, вилять для того, чтобы не сдѣлать изъ Вильгельма Оранскаго узурпатора. Если бы эти писатели держались правильныхъ принциповъ, всѣ трудности были бы устранены, и они сказали бы тогда правду и могли бы понравиться только народу. Истина, однако, не ведетъ къ богатству, а народъ не даетъ ни посольствъ, ни каѳедръ, ни пенсiй [5].

---

[1] Руссо допускаетъ, такимъ образомъ, какъ нѣчто само собой разумѣющееся, что, за отсутствiемъ единогласiя, достаточно и большинства для объявленiя общей воли. Но, какъ онъ самъ сказалъ (книга I, гл. 5-я, конецъ), сама власть большинства является лишь слѣдствiемъ общественнаго договора, и уважается она только потому, что она была признана единогласно всѣмъ

общественнымъ тѣломъ. Вопросъ будетъ снова обсужденъ въ главѣ о голосованіяхъ, кн. IV, гл. 2-я.

[2] Эта рѣзкая критика направлена, главнымъ образомъ, противъ Монтескье, который поддерживалъ ставшую впослѣдствіи классической доктрину *о раздѣленіи властей* (Духъ законовъ, кн. XI, гл. 6-я).

[3] Смот. ниже, гл. 6-я.

[4] Эти главы трактуютъ „о различныхъ видахъ войны, о природѣ верховной власти" и о „войнѣ подданныхъ съ властями".

[5] Барбейракъ, профессоръ права въ Гронингѣ опубликовалъ въ началѣ XVIII вѣка *французскій* переводъ сочиненія Пуффендорфа о „правѣ природы и правахъ людей", а также уже указаннаго сочиненія Гроція.

ГЛАВА III.

Можетъ ли общая воля ошибаться?

Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что общая воля всегда права и всегда стремится къ общественной пользѣ: но отсюда не слѣдуетъ, что народныя постановленія отличаются всегда такой же правотой. Люди всегда желаютъ себѣ добра, но не всегда различаютъ его; народъ нельзя никогда развратить, но его часто обманываютъ, и въ такихъ только случаяхъ кажется что онъ хочетъ того, что дурно [1].

Существуетъ часто большое различіе между волей всѣхъ и общей волей; послѣдняя имѣетъ въ виду только интересы общіе; первая, составляющая лишь сумму воль отдѣльныхъ людей,—интересы частные; но отнимите отъ суммы этихъ самыхъ воль крайнія въ одну и въ другую сторону взаимно другъ друга уничтожающія *), и остатокъ дастъ вамъ общую волю [2].

*) „Каждый интересъ, говоритъ маркизъ д'Аржансонъ, руководится различными принципами. Соглашеніе двухъ частныхъ интересовъ образуется по противоположности ихъ интересу третьяго лица". („См. Les considérations sur le gouvernement de la France ch. II). Онъ могъ бы добавить, что соглашеніе всѣхъ интересовъ

Если бы въ то время, когда рѣшеніе постановляетъ достаточно сознательный народъ, граждане не имѣли никакихъ сношеній между собой, то изъ большого числа незначительныхъ различій проистекла бы всегда общая воля, и рѣшеніе было бы всегда правильнимъ, Но когда, въ ущербъ великой ассоціаціи, образуются партіи и частичныя ассоціаціи, то воля каждой изъ послѣднихъ становится общей по отношенію къ своимъ членамъ, и частной по отношенію къ государству; можно въ такомъ случаѣ сказать, что голосующихъ уже не столько, сколько людей, а лишь сколько ассоціацій. Различія становятся менѣе многочисленными и даютъ менѣе общій результатъ [3]. Наконецъ, когда одна изъ этихъ ассоціацій настолько велика, что она оказывается сильнѣе всѣхъ остальныхъ, то результатъ есть уже не сумма небольшихъ различій, но одно единственное различіе [4]; и тогда общей воли не существуетъ, и воззрѣніе, которое побѣждаетъ, есть только частное воззрѣніе.

Очень важно, слѣдовательно, для того, чтобы получить проявленіе общей воли, чтобы въ государствѣ не было частичныхъ обществъ и чтобы каждый гражданинъ рѣшалъ только по своему усмотрѣнію *). Та-

---

образуется по противоположности интересу каждаго отдѣльнаго человѣка. Если бы не было совсѣмъ различныхъ интересовъ, то врядъ ли былъ бы понятъ интересъ общій, который не встрѣчалъ бы тогда никакихъ препятствій; все шло бы само собой, и политика перестала бы быть искусствомъ.

*) Vera cosa é, говоритъ Маккіавелли, che alcuni divisioni nuocono alle Republiche, e alcune giovano: quelle nuocono che sono dalle sette eda partigiani accompagnate: quelle giovanne che-senza sette, senza partigiani, se mantengono. Non potendo abunque provedere un fondatore d'una Republica che nonsiano nimici zie in quella, ha da proveder almeno che non vi siano sette. Hist. Florent., lib. VII. (Дѣйствительно, одни раздѣленія вредятъ, а дру-

ково было единственное въ своемъ родѣ и возвышеннѣйшее установленіе великаго Ликурга. Если же частичныя общества существуютъ, то число ихъ надо увеличить и предупредить такимъ образомъ неравенство между ними, какъ сдѣлали Солонъ, Нума, Сервій. Эти предосторожности — единствено пригодныя для того, чтобы общая воля была всегда освѣдомленной и чтобы народъ не ошибался [5].

---

[1] Руссо примѣняетъ здѣсь, по отношенію къ общей волѣ знаменитое разсужденіе Сократа объ индивидахъ: никто не становится злымъ по своей волѣ. Всякій человѣкъ естественно стремится къ тому, что онъ считаетъ для себя благомъ; слѣдовательно, ничья воля не можетъ быть испорченной сама по себѣ потому, что это стремленіе къ своему благу естественно, справедливо и необходимо. Но бываетъ, что люди ошибаются въ опредѣленіи этого блага; злые люди и суть именно тѣ, которые, плохо разсуждая, думаютъ найти свое благо въ дѣйствіяхъ, оказывающихся вредными и для общества и для нихъ самихъ. Ошибается, такимъ образомъ, не воля, которая всегда права, а разумъ.

[2] Этотъ отрывокъ очень важенъ, такъ какъ онъ является ключемъ къ слѣдующей главѣ, но въ то же время и очень труденъ. Онъ очень хорошо и точно разъясненъ Гейманомъ въ его сочиненіи „Соціальная философія Ж. Ж. Руссо" ст. 116 и сл. Если разсматривать только отдѣльныя воли всѣхъ гражданъ постольку поскольку они думаютъ только о своихъ частныхъ интересахъ, то мы получимъ *волю всѣхъ*, неопредѣленное разномыслящее сборище, потому что, въ виду различія всѣхъ частныхъ интересовъ, нельзя никоимъ образомъ дѣлать сравненія между волями, для которыхъ интересы эти служатъ руководителями. Но если отдѣльныя воли ставятъ себѣ цѣлью достиженіе интереса общаго,

---

гія — полезны республикамъ: вредны тѣ, которыя сопровождаются сектами и партіями; а полезны, которыя держатся безъ партій и сектъ. Поэтому основатель республики, не будучи въ силахъ предупредить въ ней проявленія вражды, долженъ по крайней мѣрѣ предупредить въ ней образованія сектъ).

они въ то же время становятся сравнимыми: ихъ можно складывать, выбрасывая изъ общаго счета тѣ, которыя болѣе или менѣе уничтожаютъ другъ друга и такимъ образомъ можно дойти до познанія того, что большинство народа разсматриваетъ, какъ согласное съ общимъ интересомъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что, какъ Руссо выскажетъ это въ слѣдующей главѣ „волѣ придаетъ общность не столько количество голосовъ, сколько объединяющій ихъ общій интересъ". Напримѣръ, Петръ, Павелъ, Яковъ, когда они думаютъ только о своихъ частныхъ интересахъ, хотятъ одинъ одного по такимъ-то мотивамъ, другой другого по мотивамъ совершенно инымъ и т. д. Они стремятся такимъ образомъ къ различнымъ вещамъ по различнымъ мотивамъ, изъ этой путаницы невозможно извлечь одну общую волю; мы имѣемъ въ данномъ случаѣ только *волю всѣхъ*. Но спросимъ ихъ каждаго въ отдѣльности, считаютъ ли они тотъ или иной законъ согласнымъ съ общимъ интересомъ, или нѣтъ; каждый, конечно, будетъ судить законъ съ своей частной точки зрѣнія и можетъ имѣть о немъ мнѣніе отличное отъ мнѣнія своего сосѣда, но, по крайней мѣрѣ, всѣ эти мнѣнія явятся отвѣтомъ на одинъ и тотъ же вопросъ, и ихъ можно будетъ сравнивать и складывать: Петръ будетъ голосовать за законъ, Павелъ *противъ*, Яковъ *за*: такъ какъ первыя два мнѣнія взаимно другъ друга уничтожатъ, то можно будетъ сказать, что общая воля высказывается *за* законъ.

[3] Такъ какъ въ дѣйствительности общая воля есть нѣчто въ родѣ средней воли, то эту среднюю можно будетъ вычислить съ тѣмъ большей точностью, чѣмъ большее количество частныхъ воль будетъ разсмотрѣно. Всякая организація, которая будетъ стремиться къ искаженію естественнаго и первоначальнаго выраженія этихъ частныхъ воль, замѣняя ихъ отвѣтами, *сконцентрированными* предварительно въ цѣляхъ частныхъ интересовъ извѣстной группы, затруднитъ поэтому распознаваніе общей воли.

Не забываетъ ли въ данномъ случаѣ Руссо о томъ, что частныя ассоціаціи могутъ быть, напротивъ, очень полезны для воспитанія и выясненія воли индивидовъ и могутъ такимъ образомъ, облегчить проявленіе общей воли?

[4] Эти слова не отличаются особенной ясностью. По моему мнѣнію, это значитъ, что, такъ какъ всѣ участники ассоціаціи объединились заранѣе, то ихъ воли различаются отъ воль другихъ гражданъ однимъ и тѣмъ же образомъ; поэтому, когда со-

ставляется балансъ изъ положительныхъ и отрицательныхъ отвѣтовъ, это различіе не устраняется; напротивъ, оно остается и выдается за общую волю, хотя въ дѣйствительности оно является только результатомъ соглашенія частныхъ воль.

[5] Отсюда видно, какова будетъ политика Руссо: или не должно совсѣмъ существовать ассоціацій и всѣ индивиды должны оставаться изолированными предъ лицомъ государства;—или же должно существовать множество маленькихъ ассоціацій, уравновѣшивающихъ другъ друга и дающихъ возможность даже своей оппозиціею по отношенію другъ къ другу опредѣлить общее желаніе. Только такимъ образомъ общая воля станетъ ясной, то есть можно будетъ узнать, чего одинаково желаютъ всѣ и что входитъ въ интересъ всѣхъ.

ГЛАВА IV.

О предѣлахъ суверенной власти.

Если государство или община есть только моральная личность, жизнь которой заключается въ объединеніи членовъ ея, и если наиболѣе важной его заботой является собственное сохраненіе, то ему нужна общая и побудительная [1] сила, чтобы двигать и располагать каждой частью наиболѣе удобнымъ для цѣлаго образомъ. Какъ природа даетъ каждому человѣку абсолютную власть надъ всѣми его членами, такъ общественный договоръ даетъ политическому тѣлу абсолютную власть надъ всѣми членами послѣдняго; эта-то власть, управляемая общей волей, называется, какъ я уже сказалъ, суверенитетомъ [2].

Но, кромѣ личности общественной, мы должны разсмотрѣть составляющія ее частныя личности, жизнь и свобода которыхъ естественно независимы отъ нея. Необходимо поэтому тщательно отличать какъ взаим-

ныя права гражданъ и суверена *), такъ и обязанности, которыя должны выполнять первые въ качествѣ подданныхъ, отъ естественнаго права, которымъ они должны обладать въ качествѣ людей [3].

Надо согласиться, что изъ всего того, что каждый отчуждаетъ, путемъ общественнаго соглашенія, изъ своихъ силъ, имущества и свободы, обществу важно имѣть возможность располагать только частью этого; но нужно согласиться и съ тѣмъ, что только суверенъ можетъ быть судьей степени этой важности [4].

Всѣ услуги, которыя гражданинъ можетъ оказать государству, онъ долженъ оказать по первому требованію суверена; но и суверенъ, съ своей стороны, не можетъ [5] налагать на подданныхъ никакихъ оковъ, если это безполезно для общества; онъ не можетъ даже хотѣть этого, потому что подъ дѣйствіемъ закона разума, какъ и подъ дѣйствіемъ естественнаго закона, ничего не дѣлается безъ причины.

Обязательства, связывающія насъ съ общественнымъ тѣломъ, обязательны лишь потому, что они взаимны; и ихъ природа такова, что, выполняя ихъ, нельзя работать для другого, не работая въ то же время и для самого себя. Почему общая воля всегда права, и почему всѣ постоянно хотятъ счастья каждаго изъ согражданъ, если не потому, что нѣтъ человѣка, который не относилъ бы къ себѣ этого слова *каждый* и который не думалъ бы о себѣ, голосуя за всѣхъ? Это доказываетъ, что равенство въ правахъ [6] и сознаніе справедливости, изъ него вытекающее, происходятъ изъ предпочтенія, отдаваемаго каждымъ

---

*) Не спѣшите, пожалуйста, внимательные читатели, обвинять меня въ противорѣчіи. Я не могъ избѣжать противорѣчія въ терминахъ исключительно благодаря бѣдности языка; но подождите.

самому себѣ, и, слѣдовательно, проистекаютъ изъ существа человѣческой природы [7], что общая воля, чтобы быть таковой, должна быть общей и въ отношенiи своего объекта, и въ отношенiи своей сущности, что она должна исходить отъ всѣхъ, чтобы быть примѣняемой ко всѣмъ [8], и что она теряетъ свою естественную прямоту, когда она направлена на какой нибудь опредѣленный и индивидуальный объектъ, потому что въ такомъ случаѣ, произнося сужденiе о томъ, что намъ чуждо, мы перестаемъ руководиться истиннымъ принципомъ справедливости [9].

Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ становится спорнымъ, какъ только дѣло идетъ о фактѣ или частномъ правѣ по вопросу, который не былъ предварительно регулированъ общимъ соглашенiемъ. Въ такомъ случаѣ возникаетъ какъ бы процессъ, гдѣ заинтересованныя частныя лица являются одной стороной, а общество другой, но гдѣ я не вижу ни закона, которому должно слѣдовать, ни судьи, который долженъ постановить рѣшенiе. Было бы смѣшно желать при этомъ ссылаться на спецiальное для даннаго случая рѣшенiе общей воли, которая можетъ быть только рѣшенiемъ одной изъ сторонъ [10] и которая, слѣдовательно, для другой стороны являлась бы только волей чуждой, частной, склонной въ данномъ случаѣ къ несправедливости и ошибкамъ. Поэтому какъ частная воля не можетъ представлять общую волю, такъ и общая воля, имѣя своимъ объектомъ частный случай, мѣняетъ свою природу и не можетъ, какъ воля общая, постановлять рѣшенiй ни относительно отдѣльнаго человѣка, ни относительно отдѣльнаго факта. Когда, напримѣръ, аѳинскiй народъ назначалъ или смѣнялъ своихъ начальниковъ, награждалъ почестями одного, налагалъ наказанiя на другого и, путемъ без-

численнаго количества частныхъ декретовъ, выполнялъ всѣ правительственные акты безразлично, то у этого народа, собственно говоря, общей воли уже не было; онъ дѣйствовалъ въ этихъ случаяхъ, не какъ суверенъ, а какъ правительство. Это покажется противорѣчащимъ общераспространенному мнѣнію; но пусть мнѣ дадутъ время изложить мое собственное [11].

Отсюда необходимо вывести заключеніе, что волю дѣлаетъ общей не столько количество голосовъ, сколько общій интересъ, который объединяетъ ихъ [12], такъ какъ при этомъ установленіи [13] каждый по необходимости подчиняется условіямъ, которыя онъ предписываетъ другимъ: удивительное сочетаніе интереса и справедливости! оно придаетъ характеръ справедливости рѣшеніямъ общимъ; напротивъ, справедливость эта исчезаетъ при обсужденіи всякаго частнаго дѣла, за отсутствіемъ общаго интереса, который бы объединялъ и отождествлялъ положеніе судьи съ положеніемъ стороны [14].

Съ какой бы стороны мы ни подошли къ основному принципу, мы всегда придемъ къ одному и тому же заключенію, а именно: общественный договоръ устанавливаетъ между всѣми гражданами такое равенство, что они вступаютъ въ соглашеніе на однихъ и тѣхъ же условіяхъ и должны всѣ пользоваться одними и тѣми же правами. Такимъ образомъ, изъ самой природы договора вытекаетъ, что всякій актъ суверенитета, т. е. всякій подлинный актъ общей воли, обязываетъ или благодѣтельствуетъ одинаково всѣхъ гражданъ, такъ что верховная власть знаетъ только тѣло націи, но не дѣлаетъ различія между тѣми, кто это тѣло составляютъ. Что же собственно такое актъ суверенитета? Это не есть соглашеніе начальника съ

подчиненнымъ, но соглашенiе цѣлаго съ каждымъ изъ его членовъ, соглашенiе законное, потому что оно покоится на общественномъ договорѣ [15], справедливое, потому что оно относится ко всѣмъ, полезное, потому что предметомъ его не может быть что либо иное, кромѣ общаго блага [16], и прочное, потому что оно обезпечено общественной силой и верховной властью [17]. И пока подданные подчинены только такого рода соглашенiямъ, они не повинуются никому, кромѣ своей собственной воли. [18]. Спрашивать поэтому, до какого предѣла простираются взаимныя права суверена и гражданъ, это значитъ спрашивать, до какого предѣла послѣднiе могутъ обязывать самихъ себя, каждый по отношенiю ко всѣмъ и всѣ по отношенiю къ каждому.

Отсюда очевидно, что какъ бы ни была суверенная власть абсолютна, священна и неприкосновенна, она не можетъ все-таки переступить и не переступаетъ границъ общихъ соглашенiй [19], и что всякiй человѣкъ можетъ всецѣло располагать тѣмъ изъ своего имущества и свободы, что данными соглашенiями оставлено въ его распоряженiи; такъ что суверенъ ни въ коемъ случаѣ не вправѣ отягощать одного подданнаго болѣе, чѣмъ другого, потому что дѣло переходитъ тогда на частную почву, и власть суверена уже не компетентна.

Разъ мы допустимъ эти различiя, то было бы неправильно утверждать, что общественный договоръ обусловливаеть какое либо дѣйствительное отреченiе со стороны частныхъ лицъ; въ сущности же положенiе послѣднихъ, благодаря дѣйствiю этого договора, становится гораздо болѣе выгоднымъ, чѣмъ оно было раньше [20], такъ какъ вмѣсто отчужденiя они сдѣлали только выгодный для себя обмѣнъ; неопредѣ-

ленное и необезпеченное существованіе они замѣнили лучшимъ и болѣе безопаснымъ; естественную независимость—свободой, возможность вредить другимъ—своей собственной безопасностью, и свою силу, которую другіе могли преодолѣть,—правомъ, которое общественный союзъ дѣлаетъ непобѣдимымъ. Даже жизнь, которую они посвятили государству, постоянно охраняется послѣднимъ; и если они рискуютъ ею для защиты государства, то развѣ они не возвращаютъ ему только того, что они отъ него же и получили? Развѣ въ такомъ случаѣ они не дѣлаютъ того же самаго, что они должны были бы дѣлать и съ гораздо большимъ рискомъ въ естественномъ состояніи, когда, вступая въ неизбѣжную борьбу, они защищали съ опасностью для жизни то, что служитъ для ея сохраненія [21]? Вѣрно, что всѣ въ случаѣ необходимости должны сражаться за отечество, но зато никто не долженъ сражаться для защиты самого себя. Развѣ нельзя считать выигрышемъ то, что для защиты собственной безопасности намъ приходится рисковать только частью того, чѣмъ намъ пришлось бы рисковать, если бы безопасность эта была у насъ отнята?

---

[1] То-есть сила, дающая общій импульсъ.

[2] Смотри выше, I кн., гл. VI и VII.

[3] Это самое трудное, можетъ быть, мѣсто во всемъ „Общественномъ Договорѣ"; Фаге объявилъ его не поддающимся никакому объясненію (Polit. comparée p. 21). Въ примѣчаніи Руссо ссылается, какъ на извиняющее его обстоятельство, на „бѣдность языка", которая заставляетъ его противорѣчить самому себѣ „въ терминахъ". Надо сознаться, что онъ не принялъ въ данномъ случаѣ всѣхъ необходимыхъ предосторожностей, чтобы избѣгнуть этого недостатка. Дѣйствительно, Руссо, точно нарочно, нагро-

моздилъ „въ терминахъ“ противорѣчія. Какимъ образомъ, послѣ заключенія договора, которымъ индивиды отдали себя въ распоряженіе общества цѣликомъ со всей суммой своихъ естественныхъ правъ, можетъ возникнуть еще вопросъ о какомъ-то естественномъ правѣ, связанномъ съ индивидомъ въ „качествѣ“ человѣка и о границахъ, которыя ставитъ это право всемогуществу суверена? Между принципами, изложенными въ 6-й и 7-й гл. I книги и употребленными здѣсь терминами существуетъ формальное противорѣчіе. Тѣмъ не менѣе я думаю, что Руссо правъ, утверждая, что это противорѣчіе не затрагиваетъ сущности его разсужденія и я пытался доказать, что излагаемая ниже теорія,—теорія, правда, тонкая, которую рѣдко старались понять и обсудить,—по меньшей мѣрѣ безусловно логична и находится въ согласіи со всѣми принципами, изложенными раньше.

[4] Руссо разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: На практикѣ обществу вовсе нѣтъ необходимости пользоваться всей суммой власти, отъ которой въ его пользу отказался индивидъ; но нужно согласиться и съ тѣмъ, что только само общество способно судить о томъ, какія права оно оставитъ за индивидомъ и какую власть оно вручитъ суверену. Это необходимо потому, что, не будь этого, общественный договоръ не могъ бы произвести своихъ полезныхъ послѣдствій. (См. кн. I, гл. 6-я, прим. 3). Необходимо поэтому различать вопросъ права и вопросъ факта; по праву индивидъ отказывается отъ всего и суверенъ всемогущъ. *Фактически* у суверена нѣтъ никакого интереса пользоваться всей полнотой своей власти. Результатомъ же этого факта является обязанность суверена примѣнять свою власть только въ такихъ границахъ, въ какихъ это является выгоднымъ для всѣхъ и согласнымъ съ цѣлями общества. И здѣсь мы имѣемъ дѣло не только съ *нравственнымъ* долгомъ, а въ нѣкоторомъ родѣ и съ *логической* необходимостью, потому что поступая иначе, суверенъ могъ бы забыть о томъ, что общественнымъ договоромъ власть вручена ему только въ интересѣ всѣхъ; онъ могъ бы, такимъ образомъ, самъ уничтожить законное основаніе своей власти и его поведеніе оказалось бы нелѣпымъ.

[5] Новое противорѣчіе „въ терминахъ“. Матеріально и легально суверенъ можетъ это сдѣлать, такъ какъ онъ всемогущъ. Но это невозможно для него морально и логически, подъ страхомъ впасть въ абсурдъ и противорѣчіе, какъ это будетъ видно въ концѣ главы.

[6] То-есть надѣленіе всѣхъ равными правами.

[7] Справедливость формально выводится здѣсь изъ эгоизма. Разсужденіе Руссо, возобновленное всѣми защитниками утилитарной морали и въ особенности Стюартомъ Миллемъ сводится къ слѣдующему: природа побуждаетъ каждаго человѣка желать своего собственнаго счастья предпочтительно передъ счастьемъ другихъ; но разумъ доказываетъ намъ, что самое лучшее средство обезпечить свое счастье, это уважать тѣ права другихъ, которыми мы сами хотимъ воспользоваться: для насъ представляетъ поэтому интересъ стремиться къ общему благу, въ которомъ заключено и наше собственное благо. Справедливость есть, такимъ образомъ, продуктъ природы: пусть только разумъ направляетъ ее.

[8] Эта идея будетъ доказана въ слѣдующемъ параграфѣ и вновь подвергнута обсужденію въ гл. 6-ой.

[9] Заключеніе по внѣшности парадоксальное, но по существу совершенно вѣрное: мы можемъ справедливо обсудить только тѣ вопросы, въ которыхъ мы сами заинтересованы или которые, по крайней мѣрѣ, мы можемъ примѣнить къ себѣ. Для того, чтобы мы могли замѣтить общій интересъ, необходимо, чтобы мы опирались на нашъ собственный, частный интересъ. „Не дѣлайте другимъ того, чего бы вы не хотѣли, чтобы сдѣлали вамъ“— вотъ къ чему сводится формула справедливости. Поэтому вопросъ совершенно частнаго свойства насъ, какъ гражданъ, не затрагиваетъ.

[10] Общество стало бы тогда судьей въ собственномъ дѣлѣ.

[11] Далѣе (кн. III, гл. 17) мы увидимъ къ какимъ безвыходнымъ практическимъ затрудненіямъ приводитъ Руссо это различіе.

[12] См. что было сказано объ этомъ выше, глава 3-я, прим. 2-е.

[13] Темное выраженіе. Разъ существуетъ по какому нибудь вопросу общая воля, то и принятое рѣшеніе по необходимости является общимъ и обязательно одинаково для всѣхъ.

[14] См. примѣчаніе 9-е къ этой же главѣ.

[15] Припомните, въ самомъ дѣлѣ, самую формулу общественнаго договора, кн. I, гл. 6-я.

[16] Эти двѣ послѣднихъ черты только-что были доказаны.

[17] См. кн. I, гл. 7.

[18] Это вѣрно даже по отношенію къ меньшинству, которое склоняется передъ закономъ, установленнымъ большинствомъ,

потому что самая власть большинства вручается ему общей волей.

[19] Такимъ образомъ граница всемогущества суверена опредѣляется условіями, необходимыми для осуществленія суверенитета. Суверенъ, не переставая быть таковымъ, не можетъ издавать ничего иного кромѣ общихъ законовъ: свобода отдѣльной личности гарантирована, такимъ образомъ въ той степени, въ какой она сливается съ равенствомъ всѣхъ, или, другими словами, индивиды увѣрены въ томъ, что несмотря на всемогущество суверена, никогда нельзя будетъ требовать отъ одного больше, чѣмъ отъ другого. Слѣдовательно, суверенъ, ко всѣмъ членамъ котораго законы будутъ примѣняться одинаково, заинтересованъ въ осуществленіи своей власти только въ той степени, въ какой это безусловно необходимо для блага государства. Разсужденіе Руссо, какъ мы видимъ, логично и точно, но оно покоится на слѣдующемъ постулатѣ: необходимо допустить его теорію общей воли, общей и по своему субъекту и по своему объекту, ставящей себѣ, кромѣ того, непремѣнной цѣлью общее благо. Если же общая воля развращается, то теряется всякая гарантія свободы индивидовъ.

[20] См. кн. I, гл. 8.

[21] То-есть одновременно и ихъ имущества и ихъ свободу.

ГЛАВА V.

О правѣ жизни и смерти.

Возникаетъ вопросъ [1], какъ могутъ частные люди, не имѣя права располагать собственной жизнью, передать суверену право, котораго у нихъ нѣтъ [2]. Этотъ вопросъ кажется трудно разрѣшимымъ только потому, что онъ неправильно поставленъ. Каждый человѣкъ имѣетъ право рисковать своей жизнью для ея сохраненія. Развѣ можно сказать, что человѣкъ, бросающійся изъ окна, чтобы спастись отъ пожара, виновенъ въ самоубійствѣ? Развѣ обвинили когда либо въ

этомъ преступленіи того, кто погибаетъ во время бури опасность которой онъ отплывая сознавалъ?

Общественный договоръ имѣетъ цѣлью сохраненіе договаривающихся. Кто одобряетъ цѣль, тотъ одобряетъ и средства, ведущія къ цѣли, а эти средства связаны безусловно съ нѣкоторымъ рискомъ, даже съ нѣкоторыми потерями. Кто хочетъ сохранить свою жизнь при помощи другихъ [3], долженъ также отдать ее за другихъ, когда это нужно. Гражданинъ уже не можетъ быть судьей опасности, которой законъ велитъ ему подвергнуться, и когда государь говоритъ ему: „для государства необходимо, чтобы ты умеръ", онъ долженъ умереть, такъ какъ только подъ этимъ условіемъ онъ жилъ до сихъ поръ въ безопасности, и такъ какъ жизнь его не есть уже только благодѣяніе природы, но условный даръ государства [4].

Смертную казнь, примѣняемую къ преступникамъ, можно разсматривать почти съ той же точки зрѣнія: чтобы не стать жертвами убійцы, люди соглашаются умереть, если сами становятся убійцами. Въ этомъ договорѣ договаривающіеся вовсе не располагаютъ своею жизнью, а думаютъ только о ея сохраненіи, и врядъ ли можно считать, чтобы кто нибудь изъ нихъ впередъ соглашался на то, чтобы его повѣсили.

Впрочемъ, каждый преступникъ, нападая на общественное право, становится, благодаря своимъ преступленіямъ, бунтовщикомъ и измѣнникомъ отечества; нарушая законы послѣдняго, онъ перестаетъ быть его членомъ; онъ даже вступаетъ съ нимъ въ войну. Въ такомъ случаѣ сохранность государства становится несовмѣстимой съ сохранностью преступника; необходимо, чтобы одинъ изъ нихъ погибъ; и когда казнятъ виновнаго, то его лишаютъ жизни скорѣе какъ врага, чѣмъ какъ гражданина. Судебный процессъ и приго-

воръ суть доказательства и объявленіе того, что преступникъ нарушилъ общественный договоръ и, слѣдовательно, не состоитъ болѣе членомъ государства. И разъ онъ признавалъ себя раньше таковымъ, по крайней мѣрѣ, своимъ пребываніемъ въ обществѣ [5], онъ долженъ быть извергнутъ изъ него путемъ изгнанія, какъ нарушитель договора, или путемъ смертной казни, какъ врагъ общества; ибо такой врагъ не моральная личность [6], а человѣкъ: и тогда то право войны позволяетъ убить побѣжденнаго.

Но, скажутъ, осужденіе преступника есть частный актъ. Согласенъ, и потому-то осужденіе не относится вовсе къ функціямъ суверена; это право, которое суверенъ можетъ передавать другимъ, не имѣя возможности осуществлять его самъ. Всѣ мои идеи взаимно связаны, но я не могу ихъ изложить всѣ сразу.

Въ концѣ концовъ, частое повтореніе казней есть всегда признакъ слабости или бездѣятельности правительства. Нѣтъ такого испорченнаго человѣка, который не годился бы на что нибудь. Даже для примѣра другимъ можно умерщвлять лишь того, кого нельзя сохранить въ живыхъ безъ опасности для общества [7].

Что касается права помилованія или освобожденія виновнаго отъ наказанія, назначеннаго закономъ и указаннаго судьей, то право это принадлежитъ только тому, кто выше и судьи и закона, т. е. суверену; да и то принадлежащее ему право помилованія недостаточно опредѣленно [8] и случаи примѣненія его очень рѣдки. Въ хорошо управляемомъ государствѣ приходится мало примѣнять наказанія, не потому, что въ немъ часто милуютъ, а потому, что въ немъ мало преступниковъ; когда же государство погибаетъ, то

увеличивающееся въ огромной степени количество преступленій обезпечиваетъ ихъ безнаказанность.

Во времена римской республики ни сенатъ, ни консулы не пытались миловать; даже народъ не прибѣгалъ къ праву помилованія, хотя онъ часто и отмѣнялъ самъ свой собственный приговоръ. Частыя помилованія указываютъ на то, что въ скоромъ времени преступники болѣе не будутъ нуждаться въ помилованіи, а каждый понимаетъ, къ чему это приводитъ. Но я чувствую, какъ сердце мое ропщетъ и удерживаетъ мое перо: предоставимъ обсужденіе этихъ вопросовъ справедливымъ людямъ, которые никогда не грѣшили и которые сами никогда не нуждались въ прощеніи.

---

[1] Отвѣтъ на одно мѣсто у Локка „Гражданское правительство“ гл. 9.

[2] Съ момента заключенія общественнаго договора, люди отказались и отъ этого права, какъ и отъ всѣхъ остальныхъ. Впрочемъ Руссо считалъ самоубійство абсолютно осужденнымъ всѣми законами и моральными, и соціальными; см. знаменитое письмо милорда Эдуарда въ „Новой Элоизѣ“ (III-я часть, письмо 22-е).

[3] Одно изъ преимуществъ общественнаго договора въ томъ и заключается, что всѣ обязываются обезпечить охрану нашей собственной жизни, рискуя для этого, въ случаѣ необходимости, даже своей жизнью.

[4] Индивидъ посредствомъ общественнаго договора предалъ себя цѣликомъ въ руки государства и всѣ тѣ права, которыя послѣднее признаетъ за нимъ, даже право на жизнь, подчинены условію, что индивидъ будетъ соблюдать договоръ.

[5] Какъ это будетъ видно впослѣдствіи (кн. IV, гл. 2-я),—согласиться жить въ какой нибудь странѣ, означаетъ въ то же время implicite принять на себя обязательство подчиняться законамъ этой страны.

[6] Каковой личностью (моральной) является соціальное тѣло, которое своимъ реальнымъ бытіемъ обязано соглашенію, и кото-

рое можно разрушить, не уничтожая входящихъ въ его составъ индивидовъ (см. кн. I, гл. 4-я). Здѣсь, напротивъ, необходимо разсматривать индивида, какъ человѣка и его можно уничтожить лишь какъ такового, то есть убить.

[7] Право необходимой обороны одно, такимъ образомъ, оправдываетъ право наказанія и въ то же время опредѣляетъ границы послѣдняго. Это—приблизительно та теорія, которую нѣсколько лѣтъ спустя развили и популяризировали два великихъ итальянскихъ юриста Беккаріа и Филанжіери.

[8] Кажется, въ самомъ дѣлѣ, что помилованіе есть актъ частный, а потому и находящійся внѣ компетенціи суверена.

ГЛАВА VI.

О законѣ.

Общественнымъ договоромъ мы дали существованіе и жизнь политическому тѣлу: теперь необходимо дать ему движеніе и волю посредствомъ законодательства, потому что первоначальный актъ, благодаря которому тѣло это образуется и объединяется, не опредѣляетъ нисколько того, что оно должно предпринять, чтобы сохранить свое существованіе.

Все хорошее и согласное съ порядкомъ является такимъ по природѣ вещей и независимо отъ человѣческихъ соглашеній [1]. Справедливость исходитъ отъ Бога, онъ одинъ источникъ ея; но если бы мы умѣли получать ее съ такой высоты, то мы не нуждались бы ни въ правительствѣ, ни въ законахъ. Безъ сомнѣнія, есть одна абсолютная всеобщая справедливость, проистекающая исключительно изъ разума, но эта справедливость, чтобы имѣть возможность осуществляться среди насъ, должна быть взаимной. Если разсматривать вещи

съ точки зрѣнія человѣческой, то, при отсутствіи естественной санкціи, законы справедливости непримѣнимы среди людей; они служатъ лишь ко благу злого и ко злу справедливаго, коль скоро послѣдній соблюдаетъ ихъ въ отношеніи всѣхъ, тогда какъ никто не соблюдаетъ этихъ законовъ въ отношеніи къ нему. Итакъ, для того, чтобы соединить права съ обязанностями и осуществлять справедливость, необходимы соглашенія и законы. Въ естественномъ состояніи, когда все общее, я не обязанъ ничѣмъ по отношенію къ тѣмъ, кому я ничего не обѣщалъ; я признаю принадлежащимъ другому только то, что для меня безполезно. Не такъ обстоитъ дѣло въ состояніи общественномъ, гдѣ всѣ права опредѣлены закономъ.

Но что же такое, наконецъ, законъ? До тѣхъ поръ, пока будутъ ограничиваться тѣмъ, что съ этимъ словомъ будутъ связывать исключительно метафизическія идеи, будутъ продолжать разсуждать, не понимая другъ друга, и если даже будетъ опредѣлено, что такое законъ природы, то все-таки останется совершенно неизвѣстнымъ, что такое законъ государственный [2].

Я уже сказалъ [3], что не можетъ быть общей воли, направленной на частный объектъ. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ частный объектъ можетъ быть или въ государствѣ, или внѣ государства. Если онъ внѣ государства, то чуждая для него воля не можетъ быть общей по отношенію къ нему; а если этотъ предметъ находится въ государствѣ, то онъ составляетъ часть его: тогда между всѣмъ и его частью устанавливается отношеніе, дѣлающее изъ нихъ два отдѣльныхъ существа, изъ которыхъ одно составляетъ часть, а другое—цѣлое за исключеніемъ этой части. Но цѣлое за исключеніемъ части не есть уже цѣлое; и пока это отно-

шеніе существуетъ, нѣтъ болѣе цѣлаго, а есть только двѣ неравныя части: отсюда слѣдуетъ, что воля одной части не можетъ болѣе считаться общей волей по отношенію къ другой части [4].

Но когда весь народъ устанавливаетъ что либо относительно всего народа, тогда онъ имѣетъ дѣло только съ самимъ собой; и если тогда образуется отношеніе, то оно устанавливается между цѣлымъ объектомъ, разсматриваемымъ съ одной точки зрѣнія, съ цѣлымъ же объектомъ, только разсматриваемымъ съ другой точки зрѣнія, безъ какого бы то ни было раздѣленія этого цѣлаго [5]. И тогда предметъ, относительно котораго дѣлается постановленіе, такъ же общъ, какъ и воля, которая постановляетъ. Этотъ-то актъ я и называю закономъ.

Когда я утверждаю, что предметъ законовъ всегда общъ, то я подразумѣваю подъ этимъ, что законъ разсматриваетъ подданныхъ, какъ составляющихъ одно цѣлое, а дѣйствія, какъ отвлеченныя; никогда законъ не касается ни человѣка, какъ индивида, ни частнаго поступка [6]. Такъ, законъ можетъ, конечно, установить привиллегію, но онъ не можетъ дать привиллегій поименно тому-то или тому-то; законъ можетъ раздѣлить гражданъ на нѣсколько классовъ, можетъ даже обозначить признаки, которые даютъ право на принадлежность къ этимъ классамъ, но онъ не можетъ зачислять данныхъ гражданъ въ тотъ или другой классъ; законъ можетъ учредить королевское правительство и наслѣдственную преемственность, но онъ не можетъ ни избрать короля, ни назначить династіи; однимъ словомъ, всякая функція, которая относится къ индивидуальному объекту не есть дѣло законодательной власти [7].

Изъ этого опредѣленія сразу видно, что нѣтъ

*

нужды спрашивать, кто долженъ издавать законы, такъ какъ они являются актами общей воли; ни о томъ, стоитъ ли государь [8] выше законовъ, такъ какъ онъ членъ государства; ни о томъ, можетъ ли быть законъ несправедливъ, потому что никто не можетъ быть несправедливымъ по отношенію къ самому себѣ; ни о томъ, какъ можно быть одновременно и свободнымъ и подчиненнымъ законамъ, такъ какъ послѣдніе только регистрируютъ нашу волю.

Понятно также и то, что повелѣнія, дѣлаемыя однимъ человѣкомъ, кто бы онъ ни былъ, отъ своего имени, не суть законы, такъ какъ законъ соединяетъ всеобщность воли съ всеобщностью объекта. Даже то, что постановляетъ верховная власть относительно частнаго предмета, не есть ни въ коемъ случаѣ законъ, а лишь декретъ. Это актъ не суверенитета, а администраціи [9].

Итакъ, я называю республикой всякое государство, управляемое законами, какова бы ни была форма управленія, потому что только въ этомъ случаѣ управляетъ общественный интересъ, и общественное дѣло имѣетъ какое-нибудь значеніе [10]. Всякое законное правительство есть правительство республиканское *): я объясню ниже, что такое правительство [11].

Собственно говоря, законы суть только условія гражданскаго общежитія. Народъ, подчиненный законамъ, долженъ быть и авторомъ этихъ законовъ; только тѣ, которые вступаютъ въ союзъ, должны

---

*) Я разумѣю подъ этимъ словомъ не только аристократію или демократію, но вообще правительство, руководимое общей волей, которая есть законъ. Чтобы быть законнымъ, вовсе не нужно чтобы правительство сливалось съ сувереномъ, но чтобы оно управляло отъ его имени: тогда даже монархія становится республикой. Это будетъ объяснено въ слѣдующей книгѣ.

регулировать его условія. Но какимъ образомъ урегулируютъ они ихъ? произойдетъ ли это по общему соглашенію или по внезапному вдохновенію? имѣетъ ли политическое тѣло органъ для выраженія своей воли? кто надѣлитъ его необходимой предусмотрительностью для созданія рѣшеній и ихъ обнародыванія въ соотвѣтствующее время? или какъ возвѣститъ онъ эти акты въ тотъ моментъ, когда это будетъ нужно? какимъ образомъ слѣпая толпа, часто незнающая, чего она хочетъ, потому что она рѣдко сознаетъ то, что для нея хорошо, выполнитъ сама по себѣ такое большое и такое трудное дѣло, какъ система законодательства? Самъ по себѣ народъ хочетъ всегда блага, но самъ онъ не всегда его различаетъ. Общая воля всегда права, но сужденіе, которое руководитъ ею, не всегда просвѣщено [12]. Нужно показать ей предметы таковыми, каковы они въ дѣйствительности, иногда такими, какими они должны ей казаться; нужно указать ей правильный путь, который она ищетъ, гарантировать ее отъ увлеченія волей отдѣльныхъ лицъ, приблизить къ ея глазамъ мѣсто и время и уравновѣсить привлекательность настоящихъ и чувствительныхъ для нея преимуществъ опасностью скрытыхъ и отдаленныхъ золъ. Отдѣльныя лица видятъ отвергаемыя ими блага; общество стремится къ благу, котораго оно не видитъ. Всѣ одинаково нуждаются въ проводникахъ. Однихъ необходимо принудить согласовать волю съ разумомъ; другому слѣдуетъ разъяснить то, чего онъ хочетъ. Тогда изъ общественнаго сознанія въ соціальномъ тѣлѣ явится единство пониманія и воли [13]; отсюда же проистекаетъ правильное соревнованіе частей и, наконецъ, величайшая сила цѣлаго. Вотъ откуда возникаетъ необходимость въ законодателѣ.

[1] Руссо возвращается здѣсь назадъ и развиваетъ различіе, указанное выше въ кн. I, гл. 8 (смотри прим. 1-е къ этой главѣ), между двумя формами нравственности: добромъ и справедливостью; въ абсолютномъ смыслѣ эти представленія независимы отъ всякаго соглашенія и могли предшествовать гражданскому состоянію, но въ смыслѣ относительномъ и реальномъ, одинъ только общественный договоръ даетъ этимъ представленіямъ реальное бытіе, придавая имъ обязательный и взаимный характеръ.

[2] Это мѣсто направлено очевидно противъ Монтескье, который въ началѣ I-й книги „Духа Законовъ" изучаетъ сперва чрезвычайно тщательно различныя значенія слова *законъ* и связываетъ политическіе законы съ законами естественными.

[3] См. выше, кн. II, гл. 4.

[4] Руссо придалъ этому абстрактному разсужденію что-то въ родѣ математической точности, которая съ перваго взгляда кажется довольно темной и скорѣе запутываетъ положеніе. Для того чтобы понять это разсужденіе, вспомнимъ, что общая воля существуетъ только въ томъ случаѣ, если *всѣ* подданные государства постановляютъ относительно вопросовъ общаго интереса, то-есть вопросовъ, которые касаются ихъ всѣхъ одинаково: тогда общая воля есть общій элементъ всѣхъ этихъ индивидуальныхъ воль. (См. кн. II, гл. 3-я, прим. 2-е). Разъ это такъ, то необходимо разсмотрѣть слѣдующіе три случая: 1) граждане постановляютъ относительно частнаго предмета, который прямо не касается никого изъ нихъ (предмета, находящагося внѣ государства), напримѣръ, относительно власти турецкаго великаго визиря: въ этомъ случаѣ они дѣйствуютъ внѣ предѣловъ своей компетенціи, такъ какъ предметъ, о которомъ идетъ рѣчь совершенно чуждъ имъ, и среди нихъ не можетъ образоваться общая имъ всѣмъ воля; — 2) граждане постановляютъ относительно предмета частнаго, который, хотя и находится въ предѣлахъ государства, но касается только нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ, относительно постройки желѣзнодорожной линіи; въ этомъ случаѣ группа непосредственно заинтересованныхъ гражданъ, жители мѣстности, по которой пролегаетъ дорога, напримѣръ, отдѣляется отъ всего соціальнаго тѣла и рѣшаетъ вопросъ единственно сообразно своимъ частнымъ интересамъ, тогда какъ остальная часть народа соблюдаетъ общій интересъ; такъ какъ обѣ эти группы не стоятъ на одной и той же точкѣ зрѣнія, то отдѣлить общую всѣмъ гражданамъ волю опять-таки невоз-

можно; наконецъ 3) граждане постановляютъ относительно предмета общаго, касающагося одинаково ихъ всѣхъ, напримѣръ, относительно режима ассоціацій вообще и, въ данномъ случаѣ, можно простымъ подсчетомъ голосовъ узнать, что общая воля считаетъ согласнымъ съ интересами всѣхъ; въ такомъ случаѣ можетъ явиться *законъ*.

[5] Всѣ граждане, въ качествѣ членовъ суверена (верховной власти) участвуютъ въ обсужденіи и принятіи закона, которому они всѣ, въ качествѣ подданныхъ, принуждены будутъ повиноваться.

[6] Этотъ принципъ во всей своей строгости не примѣняется въ современныхъ парламентскихъ государствахъ, но въ теоріи онъ, тѣмъ не менѣе, признается и часто провозглашается, какъ одно изъ основныхъ положеній нашего государственнаго права.

[7] Въ общемъ Руссо, высмѣявъ Монтескье все таки устанавливаетъ, такимъ образомъ, различіе между законодательной и исполнительной властями, но давъ ему, надо замѣтить, другое обоснованіе и другое значеніе.

[8] Не надо забывать, что это слово обозначаетъ правительство, исполнительную власть, какова бы ни была ея форма.

[9] Ниже мы увидимъ (кн. III, гл. 4-я), что правительство можетъ законнымъ образомъ издавать подобные декреты частнаго характера только въ абсолютной демократіи „правительствѣ настолько совершенномъ, что оно не годится для людей".

[10] Этимологически республика (res publica) означаетъ народное дѣло.

[20] Это составитъ предметъ 3-й книги.

[22] См. кн. II, гл. 3.

[23] Когда соціальное тѣло просвѣщено, оно знаетъ, благодаря своему пониманію, въ чемъ заключается общее благо, къ которому инстинктивно стремилась его воля. Между обоими свойствами существуетъ, такимъ образомъ, согласіе.

ГЛАВА VII.

О законодателѣ.

Чтобы найти наилучшія правила общественнсстн для народовъ, былъ бы нуженъ высшій разумъ, который видѣлъ бы всѣ человѣческія страсти и не испытывалъ бы ни одной изъ нихъ, который не имѣлъ бы никакого отношенія къ нашей природѣ и въ то же время въ совершенствѣ зналъ бы ее, счастье котораго было бы независимо отъ насъ, и который въ то же время охотно заботился бы о нашемъ счастьѣ, который, наконецъ, уготовляя себѣ отдаленную славу въ будущемъ, могъ бы работать въ одномъ вѣкѣ и видѣть результаты своихъ трудовъ въ другомъ *). Нужны боги, чтобы давать законы людямъ.

Каллигула примѣнилъ къ факту то же разсужденіе, которое Платонъ примѣнялъ къ праву, чтобы опредѣлить свойства того гражданскаго или царственнаго человѣка, котораго онъ ищетъ въ своей книгѣ о *царствѣ* [2]. Но если вѣрно, что великій государь— рѣдкость, то какая еще большая рѣдкость—великій законодатель? Первый долженъ слѣдовать только тому образцу, который долженъ выработать другой, одинъ—тотъ механикъ, который изобрѣтаетъ машину, другой—только рабочій, который собираетъ ее и пускаетъ въ ходъ. „При рожденіи обществъ“, говоритъ Монтескье „главы республикъ создаютъ учрежденія, но потомъ учрежденія образуютъ главъ республикъ“ [3].

*) Народъ становится знаменитымъ только тогда, когда его законодательство начинаетъ клониться къ упадку. Неизвѣстно въ теченіи сколькихъ вѣковъ учрежденія Ликурга служили ко благу спартанцевъ прежде, чѣмъ о нихъ заговорили въ остальной Греціи.

Тотъ, кто задается смѣлой мыслью создать народъ, долженъ чувствовать въ себѣ силы для измѣненія, такъ сказать, человѣческой природы, для превращенія всякаго индивида, который самъ по себѣ составляетъ совершенное и одинокое цѣлое, въ часть болѣе великаго цѣлаго, отъ котораго этотъ индивидъ получаетъ нѣкоторымъ образомъ обратно свою жизнь и свое существованіе. Онъ долженъ умѣть измѣнить складъ человѣка, чтобы его укрѣпить; замѣнить частичнымъ [4] и нравственнымъ существованіемъ физическое и независимое существованіе, которое мы всѣ получили отъ природы. Однимъ словомъ, необходимо, чтобы онъ отнялъ у человѣка его собственныя силы и замѣнилъ ихъ силами ему чуждыми [5], примѣнять которыя человѣкъ не могъ бы безъ посторонней помощи. Чѣмъ болѣе эти естественныя силы умерщвлены и уничтожены, чѣмъ значительнѣе и постояннѣе силы пріобрѣтенныя, тѣмъ болѣе крѣпко и совершенно созданное учрежденіе: такъ, что если каждый гражданинъ самъ по себѣ ничто и не можетъ ничего сдѣлать иначе, какъ черезъ посредство всѣхъ остальныхъ [6], и если пріобрѣтенная цѣлымъ сила равна или больше суммы естественныхъ силъ всѣхъ индивидовъ это цѣлое составляющихъ [7], тогда можно сказать, что законодательство совершенно въ высочайшей степени, какой только оно можетъ достигнуть.

Законодатель со всѣхъ точекъ зрѣнія есть лицо чрезвычайное въ государствѣ [8]. Если онъ долженъ быть такимъ по своему генію, то въ неменьшей степени онъ таковъ по своей задачѣ. Послѣднее не есть ни функція правительства, ни суверенитетъ. Эта функція, которая кладетъ основаніе республики, не входитъ въ ея конституцію. Это—особенная и высшая функція, которая не имѣетъ ничего общаго съ чело-

вѣческимъ владычествомъ, потому что, если тотъ, кто повелѣваетъ надъ людьми, не долженъ повелѣвать надъ законами, то съ другой стороны и тотъ, кто повелѣваетъ надъ законами, не долженъ повелѣвать надъ людьми; иначе его законы, слуги его страстей, часто лишь увѣковѣчатъ его несправедливости, и никогда онъ не сумѣетъ избѣгнуть того, чтобы частные интересы не извратили святости его труда [9].

Когда Ликургъ далъ законы своему отечеству, онъ началъ съ того, что отрекся отъ царской власти. Въ большинствѣ греческихъ городовъ обычнымъ явленіемъ было довѣрять иностранцамъ учрежденіе законовъ. Современныя итальянскія республики часто подражали этому обычаю; точно также поступила женевская республика и хорошо сдѣлала *).

Въ лучшія времена Римъ видѣлъ, какъ возникли въ его средѣ всѣ преступленія тиранніи, и былъ близокъ къ гибели, потому что онъ соединилъ въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ законодательную и суверенную власти [10]. Тѣмъ не менѣе, даже и децемвиры никогда не присваивали себѣ права издавать законы только собственною властью. „Ничто изъ того, что мы вамъ желаемъ“, говорили они народу, „не можетъ стать закономъ безъ вашего согласія. Будьте сами, римляне, авторами законовъ, которые должны составить ваше счастье“.

---

*) Тѣ, кто видитъ въ Кальвинѣ только теолога, мало знаютъ широту его генія. Редакція нашихъ мудрыхъ эдиктовъ, въ которой онъ принималъ большое участіе, дѣлаетъ ему столько же чести, сколько и его церковное учрежденіе. Какіе бы перевороты время не произвело въ нашемъ культѣ, до тѣхъ поръ, пока не исчезнетъ среди насъ любовь къ отечеству и свободѣ, память этого великаго человѣка не перестанетъ быть благословляемой

Тотъ, кто сочиняетъ законы, не имѣетъ или не долженъ имѣть никакой законодательной власти, и народъ самъ не можетъ, даже если бы онъ этого захотѣлъ, лишить себя неотчуждаемаго права издавать законы, потому что, согласно основному договору, только общая воля можетъ обязывать отдѣльныхъ лицъ; а нельзя никогда быть увѣреннымъ въ томъ, что отдѣльная воля согласна съ общей волей ранѣе, чѣмъ эта отдѣльная воля не будетъ подвергнута свободному голосованію народа: я уже сказалъ это [11], но считаю небезполезнымъ повторить то же самое.

Итакъ, въ дѣлѣ законодательства мы находимъ двѣ вещи, которыя кажутся несовмѣстимыми: предпріятіе, превосходящее человѣческія силы, а для выполненія этого предпріятія — авторитетъ, который есть ничто.

Еще одна трудность, которая заслуживаетъ вниманія. Мудрецы, которые хотѣли бы заговорить съ простымъ человѣкомъ своимъ языкомъ, вмѣсто того, чтобы говорить съ нимъ его языкомъ, не могли бы заставить себя понять. Между тѣмъ, есть тысяча разнообразныхъ идей, которыя невозможно передать на народномъ языкѣ. Слишкомъ общіе взгляды и слишкомъ отдаленные предметы точно также выше народнаго пониманія: каждый индивидъ, одобряя только тотъ планъ правительства, который имѣетъ отношеніе къ его частнымъ интересамъ, съ трудомъ понимаетъ преимущества, которыя онъ долженъ извлечь изъ постоянныхъ лишеній, налагаемыхъ на него хорошими законами. Для того, чтобы возникающій народъ могъ одобрить мудрыя максимы политики и слѣдовать основнымъ правиламъ государственнаго разума, необходимо, чтобы слѣдствіе могло стать причиной; чтобы общественный духъ, который долженъ быть созданъ учре-

жденіемъ, предшествовалъ имъ, и чтобы люди были до законовъ такими, какими должны ихъ сдѣлать законы [12]. Итакъ, законодатель, не будучи въ состояніи пустить въ ходъ ни силы, ни разсужденія, по необходимости прибѣгаетъ къ власти другого порядка, которая можетъ увлечь безъ насилія и убѣдить безъ убѣжденія.

Вотъ что принуждало во всѣ времена отцовъ націй прибѣгать къ вмѣшательству неба и надѣлять боговъ собственною мудростью, дабы народы, подчиняясь законамъ государства, какъ законамъ естественнымъ и признавая, что та же власть, которая создала человѣка, создала и гражданскую общину, повиновались свободно [13] и покорно несли бы иго общественнаго благоденствія.

Этотъ высшій разумъ, который находится внѣ сферы пониманія простыхъ людей, и есть тотъ разумъ, рѣшеніе котораго законодатель влагаетъ въ уста безсмертныхъ, чтобы увлечь авторитетомъ божества тѣхъ, на которыхъ не могло бы подѣйствовать человѣческое благоразуміе *). Но не всякій человѣкъ можетъ заставить говорить боговъ, ни заставить вѣрить себѣ, когда онъ объявляетъ себя ихъ толкователемъ. Великая душа законодателя есть единственное чудо, которое должно доказывать его миссію.

*) „E veramente, говоритъ Макіавель, mai non fu alcuno ordinatore di leggi straordinarie in un popolo, che non riccorresse a Dio, perchè altrimenti non sarebbero accetate; perchè sono molti beni conosciuti da uno prudente, i quali non hanno in se ragioni evidenti da potergli persuadere ad altrui“. Discorsi i sopra Tito Livio, lib. I, cap. XI. (Въ самомъ дѣлѣ, не было ни одного учредителя чрезвычайныхъ законовъ какого либо народа, который бы не прибѣгнулъ къ Богу—такъ какъ иначе законы эти не были бы приняты; ибо есть много выгодъ, которыя сознаются мудрецомъ но которыя недостаточно очевидны, чтобы убѣдить другихъ).

Каждый человѣкъ можетъ вырѣзать на камняхъ таблицы, или подкупить оракулъ, или дѣлать видъ, что онъ имѣетъ таинственное сношеніе съ божествомъ, или выдресировать птицу, чтобы говорить съ ней на ухо, или найти другія грубыя средства для вліянія на народъ [14]. Тотъ, кто сумѣетъ сдѣлать только это, можетъ случайно собрать стадо безумцевъ, но никогда не основетъ государства, и его экстравагантный трудъ погибнетъ скоро вмѣстѣ съ нимъ. Пустые обманы образуютъ скоро преходящую связь, только мудрость дѣлаетъ эту связь длительной. Іудейскій законъ, существующій и понынѣ, законъ сына Измаилова [15], который вотъ уже 10 вѣковъ управляетъ половиной міра, доказываютъ еще и теперь, что ихъ создали великіе люди, и тогда какъ гордая философія или слѣпой партійный духъ видитъ въ этихъ людяхъ только счастливыхъ обманщиковъ [16], — истинный политикъ удивляется въ ихъ созданіяхъ великому и могучему генію, который присутствуетъ въ долговѣчныхъ учрежденіяхъ.

Не слѣдуетъ, однако, заключать отсюда вмѣстѣ съ Варбуртономъ [17] что политика и религія имѣютъ для насъ общій объектъ, а только то, что при рожденіи націи религія служитъ орудіемъ политики.

---

[1] См. анекдотъ, приведенный уже Руссо въ I кн. гл. 2.

[2] Дѣло идетъ о діалогѣ, озаглавливаемомъ обыкновенно „*Политикъ*".

[3] Монтескье. Величіе и паденіе римлянъ, гл. I.

[4] Гражданинъ существуетъ только какъ часть *цѣлаго*.

[5] Античные философы, въ особенности Аристотель, утверждали, напротивъ, что человѣкъ есть „животное общественное" и что соціальная жизнь есть даже цѣль, къ которой предназначаетъ человѣка его природа. Какъ и большинство философовъ 18-го вѣка, Руссо, какъ кажется, преувеличиваетъ *искусственный* характеръ соціальныхъ учрежденій.

[6] Послѣ заключенія общественнаго договора гражданинъ пользуется только той законной властью, которая признана за нимъ общей волей. Его индивидуальная свобода отъ этого, какъ мы видѣли выше въ 4-й главѣ, не уничтожается.

[7] Общая сила государства можетъ превосходить сумму естественныхъ силъ входящихъ въ его составъ индивидовъ, потому что общественная организація уничтожаетъ индивидуальные конфликты и всякаго рода безпорядки, въ которыхъ эти силы безполезно растрачивались и заставляетъ ихъ произвести максимумъ полезнаго дѣйствія, который они только могутъ дать.

[8] Руссо часто чувствовалъ искушеніе играть эту роль. Извѣстно, что онъ приготовлялся писать законы для Польши и для Корсики.

[9] Здѣсь снова проявляется принципъ отдѣленія власти законодательной отъ власти исполнительной.

[10] Децемвиры.

[11] Кн. II, гл. 1.

[12] По этому столь ясному и столь глубокому мѣсту можно видѣть, что Руссо, вопреки тому, что часто утверждали, зналъ условія реальной жизни.

[13] Соціальные законы, установленные тѣми же божествами, которыя установили и законы естественные, должны были казаться людямъ древности одинаково неизмѣнными и хотя они не могли еще понять практической пользы этихъ законовъ, пользы, которая принудитъ позднѣе болѣе просвѣщенныхъ гражданъ повиноваться имъ свободно, тѣмъ не менѣе ихъ повиновеніе было свободно также и въ другомъ смыслѣ, потому что они добровольно склонялись передъ таинственной и потому тѣмъ болѣе уважаемой необходимостью. „Зависимость вещей, говоритъ Руссо въ „Эмилѣ", не обладая никакими моральными качествами, не вредитъ совершенно свободѣ"...

[14] Намекъ на чудеса, которыя творили законодатели древности: Моисей, Нума и т. д.

[15] Т. е. Магомета; Арабовъ считали потомками измаелитовъ.

[16] Эта критика направлена противъ Вольтера и энциклопедистовъ: Вольтеръ, въ своей пьесѣ „Магометъ" смотритъ на Магомета исключительно какъ на обманщика.

[17] Варбуртонъ, епископъ Глочестерскій 1698—1770, авторъ теологическихъ сочиненій и трактата о „Союзѣ церкви съ государствомъ" (1736).

ГЛАВА VIII.

О народѣ.

Подобно тому, какъ архитекторъ прежде, чѣмъ построить большое зданіе, изучаетъ и зондируетъ почву, чтобы узнать, можетъ ли она выдержать тяжесть зданія,—такъ и мудрый законодатель не начинаетъ съ написанія хорошихъ законовъ, а изслѣдуетъ предварительно, сможетъ ли народъ, для котораго онъ эти законы предназначаетъ, вынести ихъ. Вотъ почему Платонъ отказался дать законы аркадянамъ и киренейцамъ, зная, что оба эти народа были богаты и не потерпѣли бы равенства; вотъ почему на Критѣ были хорошіе законы и дурные люди: Миносъ пытался подчинить порядку народъ, отягощенный пороками.

Тысяча націй, которыя никогда не потерпѣли бы хорошихъ законовъ, блистали на землѣ, и даже тѣ, которыя могли бы вынести хорошіе законы, во все время своего существованія имѣли ихъ лишь очень короткое время. Большая часть народовъ, какъ и людей, покорны только въ юности; старѣясь они становятся неисправимыми. Разъ обычаи установились и предразсудки укоренились, было бы опаснымъ и безполезнымъ предпріятіемъ ихъ реформировать. Подобно тѣмъ глупымъ и трусливымъ больнымъ, которые дрожатъ при видѣ врача, народъ не можетъ вынести даже прикосновенія къ своимъ язвамъ, хотя бы и съ цѣлью ихъ уничтоженія.

Какъ нѣкоторыя болѣзни производятъ переворотъ въ головахъ людей и отнимаютъ у послѣднихъ память о прошедшемъ, такъ и въ теченіи жизни

государствъ встрѣчаются иногда бурныя эпохи, когда революціи производятъ на народы то же дѣйствіе, какое извѣстные кризисы производятъ на отдѣльныхъ индивидовъ, когда ужасъ прошлаго замѣняетъ забвеніе, и государство, охваченное междоусобными войнами, возрождается, такъ сказать, изъ собственнаго пепла и вновь пріобрѣтаетъ силу юности, вырвавшись изъ рукъ смерти. Таково было состояніе Спарты во времена Ликурга, таково было состояніе Рима послѣ Тарквиніевъ, а въ наше время—Голландіи и Швейцаріи, послѣ изгнанія тиранновъ [1].

Но такія событія рѣдки; это—исключенія, причины которыхъ лежатъ всегда въ особенностяхъ такого исключительнаго государства. Событія эти не могутъ даже повториться два раза среди одного и того же народа, потому что народъ можетъ стать свободнымъ до тѣхъ поръ, пока онъ еще народъ варварскій; но онъ уже не можетъ стать свободнымъ, когда изсякъ духъ гражданственности. Въ такихъ случаяхъ смуты могутъ совершенно его уничтожить и революція не въ силахъ его возстановить. И какъ только оковы такого народа разбиты, онъ распадается и болѣе не существуетъ; отнынѣ ему нуженъ повелитель, а не освободитель. Свободные народы, помните о слѣдующемъ правилѣ: „можно завоевать свободу, но вновь пріобрѣсти ее нельзя никогда“ [2].

Юность — не дѣтство. У націй, какъ и у людей, есть юношескій періодъ, или, если угодно, періодъ зрѣлости, котораго надо ждать, прежде чѣмъ подчинить ихъ законамъ. Но зрѣлость народа не всегда легко распознать, и если она вызывается преждевременно, то весь трудъ пропалъ. Одинъ народъ способенъ къ дисциплинѣ при самомъ своемъ рожденіи; другой не становится такимъ и по истеченіи 10 вѣ-

ковъ. Русскіе никогда не будутъ народомъ истинно цивлилизованнымъ, потому что ихъ цивилизовали слишкомъ рано. Петръ имѣлъ только подражательный геній; истиннаго генія, который создаетъ и дѣлаетъ все изъ ничего, у него не было. Нѣкоторыя изъ совершенныхъ имъ реформъ были сдѣланы хорошо, большая же часть была неумѣстна. Онъ видѣлъ, что его народъ былъ народомъ варварскимъ, но онъ не видѣлъ того, что онъ не былъ зрѣлъ для истиннаго управленія; онъ хотѣлъ его цивилизовать, когда его надо было обучить войнѣ. Онъ хотѣлъ сначала сотворить изъ своихъ подданныхъ—нѣмцевъ, англичанъ, когда надо было начать съ того, чтобы сдѣлать изъ нихъ русскихъ. Онъ помѣшалъ имъ стать когда-либо тѣмъ, чѣмъ они могли бы быть, убѣждая ихъ, что они то, чѣмъ они въ дѣйствительности не были; онъ поступилъ подобно французскому учителю, который старается, чтобы его ученикъ блисталъ въ дѣтствѣ, а затѣмъ оставался бы навсегда ничтожествомъ. Русская имперія захочетъ покорить Европу и будетъ покорена сама. Татары, ея подданные или сосѣди, станутъ и ея и нашими господами: эта революція, кажется мнѣ, неизбѣжной [3]. Всѣ короли Европы согласно работаютъ надъ тѣмъ, чтобы ее ускорить.

---

[1] Это мѣсто часто примѣняли къ французской революціи.

[2] Для того, чтобы народъ позволилъ отнять у себя свободу, необходимо, чтобы онъ потерялъ гражданскія добродѣтели и сталъ бы, такимъ образомъ, неспособнымъ вновь завоевать ее Догматизируя такимъ не допускающимъ возраженій тономъ. Руссо думаетъ, что жизнью всѣхъ народовъ управляютъ неизмѣнные и непреложные законы и что обстоятельства и люди безсильны измѣнить эту своеобразную логическую необходимость.

[3] Рядомъ съ предшествовавшей очень справедливой оцѣнкой реформъ Петра Великаго необходимо все-таки отмѣтить, что

исторія до сихъ поръ совсѣмъ не оправдала слишкомъ смѣлыя пророчества Руссо. Татары скорѣе были ассимилированы россійской имперіей, чѣмъ покорили ее.

ГЛАВА IX.

О народѣ.

(Продолженіе)

Какъ природа установила предѣльный ростъ хорошо сложеннаго человѣка, внѣ котораго она производитъ только великановъ или карликовъ, точно такъ же существуетъ и по отношенію къ лучшей конституціи государства предѣлъ территоріи, которую оно можетъ занимать, дабы оно не было ни слишкомъ большимъ, чтобы быть въ состояніи хорошо управляться, ни слишкомъ малымъ, для того чтобы быть въ состояніи поддерживать свое существованіе собственными силами [1]. Для всякаго политическаго тѣла существуетъ максимумъ силы, котораго оно не должно было бы превышать и отъ котораго оно часто удаляется вслѣдствіе своего увеличенія. Чѣмъ далѣе простираются общественные узы, тѣмъ болѣе онѣ ослабляются; и, въ общемъ, маленькое государство пропорціонально сильнѣе, чѣмъ большое.

Тысяча доводовъ доказываютъ это положеніе. Во-первыхъ администрація становится болѣе затруднительной при большихъ разстояніяхъ, какъ тяжесть становится болѣе тяжелой на концѣ болѣе длиннаго рычага. Администрація дѣлается также болѣе обременительной, по мѣрѣ того, какъ множатся ея ступени, потому что каждый городъ имѣетъ свою администрацію,

оплачиваемую народомъ, каждый округъ—свою, опять таки оплачиваемую народомъ; потомъ каждая провинція, а зятѣмъ большія области, сатрапіи, намѣстничества, которыя нужно оплачивать все дороже, и при томъ всегда за счетъ несчастнаго народа, наконецъ, высшая администрація которая давитъ все. Такое бремя непрестанно истощаетъ подданныхъ: вмѣсто того, чтобы быть лучше управляемыми всѣми этими различными начальствами, подданные управляются гораздо хуже, чѣмъ если бы надъ ними была одна единственная инстанція. Въ то же время, едва-едва остается средствъ для случаевъ чрезвычайныхъ, и когда къ такимъ средствамъ приходится прибѣгнуть, то государство всегда оказывается наканунѣ разоренія.

Это не все: не только у правительства оказывается менѣе силы и подвижности для того, чтобы заставить соблюдать законы, помѣшать притѣсненіямъ, искоренять злоупотребленія, предупреждать возстанія, которыя могутъ возникнуть въ отдаленныхъ мѣстахъ; но и народъ чувствуетъ меньше привязанности къ своимъ начальникамъ, которыхъ онъ никогда не видитъ, къ отечеству, которое въ его глазахъ такъ же велико, какъ и міръ, и къ своимъ согражданамъ, большинство которыхъ ему чуждо. Одни и тѣ же законы не годятся для многихъ различныхъ провинцій, которыхъ нравы различны, которыя расположены въ противоположныхъ климатахъ, и не могутъ быть подогнаны подъ одну форму правительства. Различные же законы вносятъ только смуту среди людей, которые, живя подъ властью однихъ и тѣхъ же начальниковъ, соприкасаясь постоянно другъ съ другомъ, перемѣщаются или вступаютъ въ браки одни съ другими и, будучи подчинены разнымъ обычаямъ, никогда

толкомъ не знаютъ, дѣйствительно ли ихъ достоянiе принадлежитъ имъ [2]. Таланты погребены, добродѣтели пребываютъ въ неизвѣстности, пороки остаются безнаказанными въ этой толпѣ незнакомыхъ другъ другу людей, которыхъ собираетъ воедино лишь резиденцiя высшей администрацiи. Начальники, обремененные дѣлами, сами ни въ чемъ разобраться не могутъ; ихъ приказчики управляютъ государствомъ. Всѣ заботы государства поглощаются мѣрами для поддержанiя общей власти, отъ которой находящiеся въ отдаленiи чиновники хотѣли бы избавиться или которую они хотятъ обмануть; для служенiя народному благу уже болѣе не оказывается силъ; съ трудомъ хватаетъ ихъ на его защиту, въ случаѣ необходимости; и такимъ-то образомъ тѣло, слишкомъ большое для своей конституцiи, ослабляется и гибнетъ, задавленное собственной тяжестью.

Съ другой стороны, государство должно построить для себя извѣстное основанiе, чтобы обладать прочностью и сопротивляться потрясенiямъ, которыхъ ему не избѣжать, и чтобы выдержать усилiе, необходимое для своего сохраненiя, потому что у всѣхъ народовъ существуетъ нѣчто въ родѣ центробѣжной силы, вслѣдствiе которой они постоянно выступаютъ другъ противъ друга и стремятся, подобно вихрямъ Декарта, къ расширенiю, за счетъ своихъ сосѣдей. Такимъ образомъ, слабые подвергаются риску быть поглощенными, и никто не можетъ сохраниться иначе, какъ образуя вмѣстѣ со всѣми другими своего рода равновѣсiе, дѣлающее давленiе повсюду приблизительно равнымъ [3].

Одсюда видно, что существуютъ основанiя для расширенiя и основанiя для суженiя границъ; и не мало таланта требуется отъ политика, чтобы найти между

тѣми и другими основаніями пропорцію, наиболѣе выгодную для сохраненія государства. Можно, въ общемъ, сказать, что основанія къ расширенію, будучи только внѣшними и относительными, должны быть подчинены основаніямъ обратнаго порядка—внутреннимъ и абсолютнымъ [4]. Первая вещь, которую необходимо установить,—это здоровая и прочная конституція; и всегда слѣдуетъ болѣе разсчитывать на силу, проистекающую отъ хорошаго правительства, чѣмъ на средства, доставляемыя большой территоріей.

Впрочемъ, исторія знала государства, устроенныя такимъ образомъ, что необходимость завоеваній входила въ самую ихъ конституцію и которыя для своего сохраненія принуждены были постоянно увеличиваться. Быть можетъ, они и были довольны этой счастливой необходимостью, но, полагая ихъ росту естественный предѣлъ, эта же необходимость указывала неизбѣжный моментъ ихъ паденія [5].

---

[1] Эти воззрѣнія можно встрѣтить уже въ „Политикѣ“ Аристотеля и въ „Духѣ законовъ“ Монтескье.

[2] Руссо не осуждаетъ здѣсь идеи федеративныхъ государствъ; напротивъ, какъ мы увидимъ ниже, онъ является даже ихъ сторонникомъ; но одинъ и тотъ же народъ не можетъ свои различныя части приспособить къ различнымъ законамъ; было бы уже гораздо лучше предоставить всѣмъ этимъ частямъ полную автономность съ тѣмъ, чтобы каждая изъ нихъ образовала отдѣльное государство, а затѣмъ эти государства могутъ объединиться въ федерацію, чтобы защищаться отъ враговъ.

[4] Къ этому, въ общихъ чортахъ сводится и то, что разумѣютъ подъ выраженіемъ *европейское равновѣсіе*, за отсутствіемъ реальнаго равновѣсія между государствами, болѣе или менѣе продолжительные союзы уравновѣшиваютъ ихъ неравенство и составляютъ искусственное равновѣсіе.

[4] Основанія для расширенія относительны и внѣшни, потому что они зависятъ отъ сношеній даннаго государства съ сосѣдними народами и отъ слабости послѣднихъ. Основанія же для болѣе тѣснаго замыканія внутренни и абсолютны потому, что они зависятъ только отъ природы самого государства.

[5] Такова была по Монтескье судьба Рима (Величіе и паденіе римлянъ, гл. 9-я).

ГЛАВА X.

О народѣ.

(Продолженіе)

Политическое тѣло можно измѣрять двоякимъ способомъ, а именно: обширностью территоріи и количествомъ населенія. Для опредѣленія надлежащей величины государства нужно установить извѣстное отношеніе между этими величинами. Люди составляютъ государство, а территорія питаетъ людей. Отношеніе между ними должно быть таково, чтобы земли было достаточно для поддержанія жизни ея обитателей, и чтобы было столько жителей, сколько земля можетъ прокормить [1]. Въ этой-то, именно, пропорціи и заключается максимумъ силы даннаго количества населенія; потому что, если земли слишкомъ много, охрана ея становится тягостной, культура недостаточной, а продуктовъ слишкомъ много; во всемъ этомъ кроются ближайшія причины оборонительныхъ войнъ; если же земли недостаточно, тогда государство, для пополненія недостающаго количества продуктовъ, не можетъ обойтись безъ своихъ сосѣдей, и отсюда возникаютъ основанія для войнъ наступательныхъ. Всякій народъ, который по своему положенію принужденъ выбирать одно изъ двухъ: торговлю или войны, слабъ самъ по себѣ;

онъ зависитъ отъ своихъ сосѣдей, онъ зависитъ отъ событій, существованіе его неопредѣленно и кратковременно. Или онъ подчиняетъ себѣ другихъ и измѣняетъ свое положеніе, или онъ самъ покоряется другимъ и становится ничѣмъ. Онъ можетъ сохранить свою свободу только или въ силу своей незначительности или въ силу своего величія [2].

Нельзя дать математически точнаго отношенія между количествомъ земли и количествомъ населенія, достаточныхъ другъ для друга, какъ по причинѣ различій въ качествахъ почвы, въ степени ея плодородности, въ природѣ ея продуктовъ, во вліяніи климатическихъ условій, такъ и по причинѣ различій въ темпераментѣ людей, обитающихъ эти земли, потому что одни люди потребляютъ мало, живя въ плодородной странѣ, а другіе потребляютъ много на безплодной почвѣ. Нужно еще имѣть въ виду большую или меньшую плодовитость женщинъ, свойства страны, болѣе или менѣе благопріятныя для населенія, приращеніе его, на какое законодатель можетъ разсчитывать благодаря своимъ учрежденіямъ [3], такъ что послѣдній долженъ основывать свои сужденія не на томъ, что онъ имѣетъ предъ глазами, но на томъ, что онъ предвидитъ, останавливаться не на современномъ состояніи населенія, а на томъ, до котораго населеніе это должно естественно дойти. Наконецъ, есть тысяча случаевъ, когда особенныя условія мѣста требуютъ или позволяютъ захватъ большаго количества земли, чѣмъ это кажется необходимымъ. Такъ, сильное расширеніе неизбѣжно въ горной странѣ, гдѣ естественные продукты, какъ лѣса, пастбища, требуютъ менѣе труда, гдѣ, какъ это указываетъ опытъ, женщины болѣе способны къ дѣторожденію, чѣмъ на равнинахъ [4], и гдѣ огромный наклонъ почвы даетъ только

небольшую горизонтальную площадь, единственную, на которую слѣдуетъ разсчитывать для обработки. Напротивъ, можно сжаться на берегу моря, даже среди скалъ и почти безплодныхъ песковъ, потому что рыболовство можетъ тамъ въ значительной степени восполнить продукты почвы, потому что люди тамъ должны жить болѣе тѣсно для отраженія пиратовъ, и къ тому же населенію, живущему на берегу моря, представляется большая возможность освободить страну отъ излишка населенія путемъ колонизаціи.

Къ этимъ условіямъ, необходимымъ для организаціи народа, нужно прибавить еще одно, которое не можетъ быть замѣнено никакимъ другимъ, и безъ котораго всѣ условія безполезны, а именно: необходимо, чтобы народъ пользовался изобиліемъ и миромъ, потому что государство въ то время, когда оно образуется, подобно батальону, когда онъ выстраивается, наименѣе способно къ сопротивленію, и его тогда легче всего разрушить. При абсолютномъ безпорядкѣ гораздо легче сопротивляться, чѣмъ въ моментъ броженія, когда каждый занимается своимъ положеніемъ, а не опасностью. Пусть во времена кризиса случится война, голодъ, возмущеніе, и государство неизбѣжно падетъ.

Это не значитъ, чтобы не было правительствъ, установленныхъ во время такихъ бурь, но тогда эти самыя правительства и разрушаютъ государство [5]. Узурпаторы создаютъ или выбираютъ всегда такія смутныя времена, чтобы провести, пользуясь охватившимъ общество ужасомъ, разрушительные законы, которые народъ никогда не одобрилъ бы въ спокойномъ состояніи. Выборъ момента для учрежденія чего либо есть одинъ изъ наиболѣе вѣрныхъ признаковъ, по которому можно отличить дѣло законодателя отъ дѣла тирана.

Какой же народъ наиболѣе способенъ къ законодательству? Тотъ, который, будучи уже связанъ извѣстными узами происхожденія, интересовъ или соглашенія, не испыталъ еще истиннаго ига законовъ; у котораго нѣтъ ни обычаевъ, ни сильно укоренившихся предразсудковъ; который не боится подвергнуться внезапному вторженію врага; который, не вмѣшиваясь въ споры своихъ сосѣдей, можетъ сопротивляться самъ каждому изъ нихъ, или пользоваться помощью одного изъ нихъ, для того чтобы отразить нападенія другого; тотъ народъ, каждый членъ котораго можетъ быть извѣстенъ всѣмъ и среди котораго нѣтъ необходимости въ обремененіи человѣка большей тяжестью, чѣмъ одинъ человѣкъ можетъ вынести; который можетъ обходится безъ помощи другихъ народовъ и безъ помощи котораго можетъ обходиться всякій другой народъ *); народъ, который ни богатъ, ни бѣденъ, но можетъ обойтись собственными силами; который, наконецъ, соединяетъ устойчивость стараго народа съ послушаніемъ новаго. То, что нужно создать, ставитъ законодательству гораздо меньшія затрудненія, чѣмъ то, что подлежитъ разрушенію. А что дѣлаетъ успѣхъ столь рѣдкимъ,—это невозможность найти одновременно естественную простоту и подробности обще-

*) Если изъ двухъ сосѣднихъ народовъ одинъ не можетъ обходиться безъ помощи другого, то создается положеніе очень тяжелое для одного, и очень опасное для другого. Въ такомъ случаѣ всякая мудрая нація постарается быстро освободить другую отъ этой зависимости. Республика Тласкала, вкрапленная въ Мексиканскую Имперію, предпочла отказаться отъ употребленія соли, чѣмъ покупать таковую у мексиканцевъ и даже чѣмъ получать ее даромъ. Мудрые тласкалцы видѣли скрытую подъ этой щедростью западню; они сохранили свою свободу, и это маленькое государство, окруженное со всѣхъ сторонъ большой имперіей, стало въ концѣ коноцвъ орудіемъ гибели послѣдней

ственнаго порядка. Правда, всѣ эти условія очень трудно найти соединенными вмѣстѣ; поэтому-то такъ мало хорошо устроенныхъ государствъ.

Въ Европѣ есть еще страна, способная къ законодательству, это островъ Корсика. Мужество и упорство, съ которымъ этотъ храбрый народъ сумѣлъ завоевать и защитить свою свободу, заслуживаютъ того, чтобы какой нибудь мудрый человѣкъ научилъ его сохранить эту свободу. У меня какое-то предчувствіе, что этотъ маленькій островъ когда нибудь изумитъ Европу [6].

—

[1] Какъ видно, въ особенности изъ проекта учрежденій для Корсики, Руссо главнымъ источникомъ народнаго продовольствія считалъ земледѣліе.

[2] Развѣ исторія современной Англіи, напримѣръ, не противорѣчитъ этой теоріи?

[3] Законодатель долженъ, дѣйствительно, посредствомъ мудрыхъ учрежденій стараться довести народъ до возможности проявленія послѣднимъ максимума силы.

[4] Пропорція рождаемости, какъ кажется, зависитъ гораздо больше отъ моральнаго и соціальнаго развитія населенія, чѣмъ отъ структуры почвы и вліяніе послѣдней можетъ быть во всякомъ случаѣ только косвеннымъ.

[5] Государство законное или республиканское, гдѣ общая воля суверенна.

[6] Очень часто указывали на родившагося семь лѣтъ спустя, послѣ опубликованія „Общественнаго Договора" Бонапарта, какъ на того самаго Мессію, появленіе котораго возвѣщалось этимъ любопытнымъ пророчествомъ. Но нужно замѣтить, что „предчувствія" Руссо относились къ развитію самого корсиканскаго народа, которому онъ предсказывалъ большую политическую роль въ будущемъ. Эта иллюзія раздѣлялась, впрочемъ, и другими писателями 18-го вѣка: Фридрихомъ II (Анти-Макіавель, гл. XX), Вольтеромъ и т. д.; храбрость корсиканцевъ, ихъ упорство въ защитѣ своей независимости, энергія Паоли привлекли къ маленькому острову горячія симпатіи всей либеральной и философской Европы. Можетъ быть въ этомъ мѣстѣ надо видѣть

лишь признаки того желанія примѣнить свою политическую систему и реализовать самому тотъ представленный имъ столь величественнымъ идеалъ законодателя, которымъ былъ охваченъ Руссо. Впрочемъ, корсиканцы пошли навстрѣчу желанію Руссо: въ 1764 г. Бутта-Фоко, съ согласія Паоли, вступилъ въ переговоры съ Руссо и пригласилъ его составить конституцію для Корсики. Эти переговоры повлекли за собой любопытную переписку и въ особенности созданіе очень интереснаго „Проекта конституціи для Корсики", въ которомъ Руссо попытался приложить къ дѣйствительности теоріи „Общественнаго Договора".

ГЛАВА XI.

О различныхъ системахъ законодательства.

Если изслѣдовать, въ чемъ именно состоитъ наибольшее благо всѣхъ, которое должно быть цѣлью всякой системы законодательства, то мы найдемъ, что благо это сводится къ двумъ важнѣйшимъ вещамъ *свободѣ и равенству*; свободѣ—потому что всякая частная зависимость [1] равносильна отнятію у государственнаго тѣла нѣкоторой силы; равенству—потому что свобода не можетъ существовать безъ равенства.

Я уже указалъ [2], что такое гражданская свобода; подъ словомъ равенство не слѣдуетъ понимать того, чтобы степени власти и богатства были абсолютно однѣ и тѣ же; что касается власти, она не должна доходить до насилія [3] и примѣняться иначе, какъ въ силу опредѣленнаго положенія и законовъ; а что касается богатства—ни одинъ гражданинъ не долженъ быть настолько богатъ, чтобы быть въ состояніи купить другого, и ни одинъ—настолько бѣденъ, чтобы быть вынужденнымъ продаваться *). Это

предполагаетъ со стороны большихъ людей умѣренность въ пользованіи имуществомъ и вліяніемъ, а со стороны людей маленькихъ сдерживаніе своей жадности и зависти. [4]

Скажутъ, что это равенство—отвлеченная химера, которая не можетъ существовать въ дѣйствительности. Но если злоупотребленіе неизбѣжно, то слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы злоупотребленіе это не слѣдовало, по крайней мѣрѣ, регулировать? Именно потому, что сила вещей стремится всегда разрушить равенство, сила законодательства должна быть постоянно направлена къ его поддержанію [5].

Но эти главныя цѣли всякаго хорошаго устройства должны видоизмѣняться въ каждой странѣ, сообразно съ тѣми отношеніями, которыя возникаютъ, какъ изъ положенія мѣстности, такъ и изъ характера жителей, и на основѣ этихъ отношеній необходимо дать каждому народу особую систему учрежденій, быть можетъ, и не лучшую вообще, но лучшую по отношенію къ государству, для котораго она предназначена. Напримѣръ, если почва безплодна и неблагодарна, или страна слишкомъ мала для своихъ обитателей, то обратитесь къ искусствамъ и промышленности, продукты которыхъ вы обмѣняете на недостающій вамъ хлѣбъ. Напротивъ, если вы занимаете богатыя равнины и плодородные скаты, и при хорошихъ качествахъ земли у васъ недостаетъ жителей

---

*) Если вы хотите придать государству прочность, то сблизьте крайнія ступени насколько это возможно; не допускайте ни богачей, ни нищихъ. Эти два состоянія, естественно неотдѣлимыя другъ отъ друга, одинаково гибельны для общественнаго блага; изъ одного выходятъ виновники тираніи, а изъ другого—тираны; между ними всегда и происходитъ торгъ общественной свободы; одни покупаютъ ее, другіе продаютъ.

то обратите все свое вниманіе на земледѣліе, увеличивающее количество населенія, и изгоните искусства, которыя могутъ только докончить обезлюденіе страны, сосредоточивая въ нѣсколькихъ пунктахъ территоріи и то небольшое количество жителей, которое тамъ есть *). Если вы занимаете удобные и длинные берега, то покройте море судами, занимайтесь торговлей и мореплаваніемъ, вы будете имѣть блестящее и короткое существованіе. Если море омываетъ у вашихъ береговъ только почти недоступныя скалы, то оставайтесь варварами и рыбоѣдами; вы будете жить болѣе спокойно, можетъ быть, лучшими и навѣрное болѣе счастливыми людьми. Однимъ словомъ, кромѣ общихъ для всѣхъ народовъ правилъ, имѣется для каждаго народа въ отдѣльности основаніе, по которому правила эти сочетаются особымъ образомъ и которое дѣлаетъ законодательство этого народа пригоднымъ только для него. Такимъ образомъ когда-то евреи, а недавно арабы имѣли главнымъ предметомъ своихъ заботъ религію, аѳиняне—литературу, Карѳагенъ и Тиръ—торговлю, Родосъ — мореплаваніе, Спарта — войну, а Римъ—доблесть. Авторъ „Духа законовъ“ показалъ на огромномъ количествѣ примѣровъ, какъ законодатель приспособляетъ устройство страны къ лучшему достиженію каждой изъ этихъ цѣлей.

Конституція каждаго государства становится дѣйствительно долговѣчной и прочной, когда условности настолько соблюдаются, что естественныя отношенія

*) Какая нибудь вѣтвь внѣшней торговли, говоритъ г. д'Аржансонъ, представляетъ въ общемъ только ложную пользу для королевства; она можетъ обогатить нѣсколько отдѣльныхъ лицъ, даже нѣсколько городовъ, но вся нація ничего отъ этого не выигрываетъ, и народу не лучше.

и законы совпадаютъ въ точкахъ соприкосновенія, и когда дѣйствіе законовъ заключается лишь, такъ сказать, въ обезпеченіи, поддержаніи и исправленіи естественныхъ отношеній. Но если законодатель. ошибаясь въ своемъ предметѣ, беретъ принципъ отличный отъ того, который возникаетъ изъ природы вещей; если одинъ принципъ направленъ къ рабству, а другой—къ свободѣ; одинъ—къ богатству, а другой—къ увеличенію населенія; одинъ—къ миру, а другой—къ завоеваніямъ, тогда законы нечувствительно ослабятся, конституція измѣнится, и государство не перестанетъ быть въ смутѣ до тѣхъ поръ, пока оно не будетъ или разрушено или измѣнено, и пока непобѣдимая природа не возьметъ своего [6].

---

[1] Человѣкъ свободенъ, когда онъ зависитъ только отъ природы и отъ закона. Свобода, по мнѣнію Руссо, сводится такимъ образомъ, въ общемъ, къ равенству передъ закономъ.

[2] Кн. I, гл. 8-я.

[3] Это значитъ, что никто не настолько могущественъ и никто не настолько слабъ, чтобъ одинъ могъ безнаказанно учинить насиліе надъ другимъ.

[4] Опредѣляя сущность равенства богатствъ, Руссо не становится на точку зрѣнія нуждъ людей и ихъ права на жизнь или благосостояніе: онъ стремится отнять у политической развращенности тѣ средства, которыя доставляются ей крайней нуждой; такимъ образомъ соображенія носятъ скорѣе характеръ политическій, чѣмъ моральный или соціальный. Опытъ показалъ, впрочемъ, что нищета народной массы не есть ни единственная, ни даже главная причина политической развращенности. Что же касается средствъ реализаціи этого туманнаго равенства, то Руссо, какъ мнѣ кажется, ограничивается въ данномъ случаѣ рекомендаціей *добродѣтелей*, а не предложеніемъ тѣхъ законодательныхъ мѣръ, которыя были бы пригодны для дѣйствительной реализаціи этого равенства. Въ „Проектѣ конституціи для Корсики“ мы находимъ слѣдующія, гораздо болѣе точныя заявленія: „Основнымъ закономъ вашихъ учрежденій должно быть ра-

венство...Государство должно награждать отличіями только заслуги доблести, услуги, оказанныя отечеству, и эти отличія не должны быть наслѣдственными, какъ не наслѣдственны тѣ качества, благодаря которымъ отличія были пожалованы... Я не только не хотѣлъ бы, чтобы государство было бѣднымъ, а, напротивъ, я хотѣлъ бы, чтобы ему принадлежало все *и чтобы всякій получалъ свою долю въ общественномъ достояніи только сообразно оказаннымъ имъ услугамъ*... Здѣсь достаточно только намѣтить мою мысль, которая заключается вовсе не въ томъ, что *необходимо абсолютно уничтожить частную собственность, это и невозможно, а въ томъ, чтобы заключить ее въ самыя тѣсныя границы*, приложить къ ней мѣрку, правило, надѣть на нее узду, которая сдерживала бы ее, подчиняла бы и держала бы ее постоянно подчиненной общественному благу"...

[5] Формула—замѣчательная по точности и глубинѣ, прекрасно выражающая, по моему мнѣнію, духъ политики равенства. Сила вещей стремится уничтожить равенство прежде всего потому, что люди естественно рождаются различными по своимъ физическимъ и умственнымъ способностямъ, затѣмъ потому, что индивидуальныя воли стремятся всегда къ „превосходству" надъ другими и, наконецъ, потому, что конкуренція и „борьба за существованіе" создаютъ постоянно возобновляемый естественный подборъ, а, слѣдовательно, и все растущую дифференціацію индивидовъ. Роль законодательства и сводится поэтому къ уравновѣшенію этихъ естественныхъ силъ и ограниченію неравенства такими предѣлами, чтобы могущество сильныхъ не уничтожило свободы слабыхъ.

[6] Это не значитъ, что тамъ, гдѣ природа толкаетъ народъ къ рабству, и законодатель долженъ также преслѣдовать ту же цѣль: но такой народъ не поддается совсѣмъ дѣйствію законодательства.

ГЛАВА XII.

Подраздѣленіе законовъ.

Для того, чтобы устроить цѣлое, или дать возможно лучшую организацію обществу, необходимо

обратить вниманіе на различныя отношенія. Во первыхъ, сюда относится дѣйствіе всего тѣла на самого себя, т. е. отношеніе цѣлаго къ цѣлому, или суверена къ государству [1]; а это отношеніе слагается изъ отношенія промежуточныхъ величинъ, какъ мы это увидимъ ниже [2].

Законы, которые регулируютъ это отношеніе, называются законами политическими, а также законами основными, не безъ нѣкотораго основанія, если эти законы мудры; потому что если въ каждомъ государствѣ есть только одинъ правильный способъ его устроить, то народъ, который открылъ этотъ способъ, долженъ его держаться. Но если установленный порядокъ дуренъ, то зачѣмъ считать тогда основными тѣ законы, которые мѣшаютъ быть ему хорошимъ? Впрочемъ, при всякомъ положеніи вещей, народъ всегда воленъ измѣнять свои законы, даже наилучшіе [3], ибо, если ему угодно причинять зло самому себѣ, то кто имѣетъ право помѣшать ему въ этомъ?

Второе отношеніе—это отношеніе членовъ между собой или къ цѣлому тѣлу; отношеніе это въ первомъ случаѣ должно быть насколько возможно малымъ, во второмъ—оно должно быть возможно великимъ, такъ чтобы каждый гражданинъ находился въ полной независимости отъ всѣхъ остальныхъ и въ полнѣйшей зависимости отъ гражданской общины. Это достигается всегда одними и тѣми же средствами [4], потому что только силой государства создается свобода его членовъ. Изъ этого второго отношенія возникаютъ гражданскіе законы.

Можно указать еще и на третій видъ отношеній между человѣкомъ и закономъ, а именно: отношеніе между неповиновеніемъ и наказаніемъ; что ведетъ къ установленію уголовныхъ законовъ, которые въ сущ-

ности являются гораздо больше санкціей всѣхъ остальныхъ законовъ, чѣмъ особымъ видомъ послѣднихъ.

Къ этимъ тремъ видамъ законовъ необходимо присоединить четвертый, наиболѣе важный изъ всѣхъ: законы этого вида не вырѣзаны на мраморѣ и мѣди, а запечатлѣны въ сердцахъ гражданъ; они составляютъ истинную конституцію государства; сила ихъ возобновляется каждый день; они восполняютъ и возвращаютъ къ жизни другіе законы, старѣющіе или угасающіе, сохраняютъ въ народѣ духъ государственныхъ учрежденій и нечувствительно силой привычки замѣняетъ силу власти. Я говорю о нравахъ и обычаяхъ, а въ особенности объ общественномъ мнѣніи. Эта часть законовъ неизвѣстна нашимъ политикамъ [5]), но отъ нея зависитъ успѣхъ всѣхъ остальныхъ законовъ. Великій законодатель въ тайнѣ занимается этой частью законовъ, между тѣмъ какъ внѣшнимъ образомъ онъ ограничивается изданіемъ частныхъ регламентовъ. Послѣдніе являются лишь лѣсами поддерживающими сводъ, прочную смычку котораго образуютъ нравы, возникающіе гораздо медленнѣе.

Между этими различными классами законовъ, къ моему предмету относятся лишь политическіе законы, опредѣляющіе форму правительства.

---

[1] См. опредѣленіе этихъ словъ въ кн. I, гл. 6 конецъ.

[2] Кн. III, гл. 1.

[3] См. выше кн. I, гл. 7-ая.

[4] Иными словами это тѣ же мѣры, которыя обезпечиваютъ въ одно и то же время и зависимость индивида по отношенію къ государству и независимость его по отношенію къ частнымъ лицамъ,—что и составляетъ необходимое условіе свободы.

[5] Современная соціологія начинаетъ научно изучать эти феномены. См. въ особенности труды Тарда.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Прежде чѣмъ говорить о различныхъ формахъ правительства, мы попытаемся выяснить точное значенiе этого слова, до сихъ поръ еще недостаточно вывыясненное.

ГЛАВА I.

О правительствѣ вообще.

Я предупреждаю читателя, что эта глава должна быть прочитана съ большимъ вниманiемъ; такъ какъ я не владѣю искусствомъ ясно выражаться для того, кто не хочетъ быть внимательнымъ.

Всякое свободное дѣйствiе возникаетъ изъ двухъ основанiй, которыя совмѣстно производятъ его. Одно изъ этихъ основанiй — моральное, а именно — воля, которая опредѣляетъ актъ; другое — физическое, а именно—сила, которая выполняетъ его. Когда я собираюсь двигаться по направленiю къ какому нибудь предмету, то нужно, во первыхъ, чтобы я хотѣлъ пойти, а во вторыхъ, чтобы мои ноги двигали меня по на-

правленію къ нему. Пусть паралитикъ захочетъ бѣжать, и пусть подвижный человѣкъ не захочетъ этого: оба они останутся на мѣстѣ. Политическое тѣло обладаетъ тѣми же двигателями: въ немъ можно также различать силу и волю. Послѣдняя носитъ названіе *законодательной власти*, а первая—*власти исполнительной* [1]. Ничто не дѣлается или не должно дѣлаться безъ ихъ содѣйствія.

Мы видѣли, что законодательная власть принадлежитъ народу и можетъ принадлежать только ему. Изъ установленныхъ выше принциповъ [2], легко видѣть, напротивъ, что исполнительная власть не можетъ принадлежать цѣлому обществу, какъ законодателю или суверену, потому что власть эта выражается только въ частныхъ актахъ, не являющихся законами и слѣдовательно не относящихся къ области дѣйствія суверена, всѣ акты котораго могутъ быть только законами.

Общественной силѣ необходимъ, слѣдовательно, собственный агентъ, который бы объединялъ и примѣнялъ ее, согласно указаніямъ общей воли, который служилъ бы связующимъ звеномъ между сувереномъ и государствомъ, и осуществлялъ бы въ общественной личности нѣкоторымъ образомъ тоже самое, что производитъ въ человѣкѣ единеніе души и тѣла [3]. Вотъ какова роль въ государствѣ, правительства, напрасно смѣшиваемаго съ сувереномъ, только исполнителемъ котораго оно является.

Что же такое правительство [4]? Это посредствующее тѣло, установленное между подданными и сувереномъ для взаимнаго ихъ сношенія; уполномоченное исполнять законы и охранять свободу, какъ политическую, такъ и гражданскую.

Члены этого тѣла называются магистратами или

*

королями, т. е. *правителями* [5], а весь органъ называется *государемъ* *). Такимъ образомъ тѣ, которые увѣряютъ, что актъ, посредствомъ котораго народъ подчиняетъ себя начальникамъ, не есть договоръ,—совершенно правы. Это ничто иное, какъ порученіе, должность, исполняя которую, начальники, простые чиновники суверена, примѣняютъ его именемъ власть, хранителями которой онъ ихъ назначилъ; эту власть суверенъ можетъ ограничить, измѣнить, отнять, когда ему угодно [6], такъ какъ отчужденіе подобнаго права было бы несовмѣстимо съ природой общественнаго тѣла и противно цѣли ассоціаціи.

Итакъ, я называю *правительствомъ* или верховнымъ управленіемъ законное отправленіе функцій исполнительной власти, а правителемъ или государемъ—органъ или человѣка, облеченнаго этимъ управленіемъ.

Въ правительствѣ сосредоточены тѣ посредствующія силы, отношенія которыхъ составляютъ отношеніе цѣлаго къ цѣлому или суверена къ государству [7]. Послѣднее отношеніе можно представить въ видѣ крайнихъ членовъ непрерывной пропорціи [8], среднее пропорціональное которой—есть правительство. Правительство получаетъ отъ суверена приказы, которые оно передаетъ народу; и для того, чтобы государство находилось въ постоянномъ равновѣсіи, необходимо, чтобы при всякихъ условіяхъ существовало равенство между дѣйствіемъ или могуществомъ правительства, взятаго само по себѣ, и дѣйствіемъ или силой гражданъ, которые являются суверенами съ одной стороны и подданными съ другой [9].

---

*) Въ Венеціи именно потому коллегію называютъ *свѣтлѣйшимъ государемъ* (prince), даже когда дожъ въ ней не присутствуетъ.

Кромѣ того, нельзя измѣнить ни одного изъ трехъ членовъ пропорціи, не нарушая послѣдней. Если суверенъ пожелаетъ управлять, или если правительство захочетъ издавать законы, или если подданные откажутъ въ повиновеніи,—тогда вмѣсто порядка наступитъ безпорядокъ, сила и воля перестанутъ дѣйствовать въ согласіи, и распавшееся государство впадетъ такимъ образомъ въ деспотизмъ или въ анархію. Наконецъ, какъ во всякомъ отношеніи есть только одно среднее пропорціональное, такъ и въ каждомъ государствѣ возможно только одно хорошее правительство [10]; но такъ какъ тысяча событій могутъ измѣнять отношенія внутри народа, то различныя правительства могутъ быть пригодны не только для различныхъ народовъ, но и для одного и того же народа въ различныя времена.

Чтобы попытаться дать представленіе о различныхъ отношеніяхъ, которыя могутъ царить между этими двумя крайними членами пропорціи (подданными и сувереномъ), я возьму въ качествѣ примѣра—количество народа, какъ отношеніе, которое легче выразить [11].

Предположимъ, что государство состоитъ изъ 10.000 гражданъ. Суверенъ можетъ быть разсматриваемъ только коллективно и какъ корпорація; но каждый отдѣльный человѣкъ, въ качествѣ подданнаго разсматривается какъ отдѣльный индивидъ [12]. Такимъ образомъ, суверенъ относится къ подданному, какъ десять тысячъ къ единицѣ; это значитъ, что каждому члену государства принадлежитъ только $^1/_{10000}$ часть верховной власти, хотя онъ подчиненъ послѣдней весь, цѣликомъ. Пусть народъ состоитъ изъ 100.000 человѣкъ; положеніе подданныхъ и въ этомъ случаѣ не измѣнится, и каждый будетъ такъ же подчиненъ всей

власти законовъ; тогда какъ его голосованіе, уменьшенное до одной стотысячной, имѣетъ въ десять разъ меньше вліянія при составленіи этихъ законовъ. А такъ какъ подданный всегда представляетъ единицу, то отношеніе суверена увеличивается по мѣрѣ увеличенія числа гражданъ. Откуда слѣдуетъ, что когда государство увеличивается, то свобода уменьшается [13].

Когда я говорю, что отношеніе увеличивается, то я подразумѣваю подъ этимъ, что оно удаляется отъ равенства. Такимъ образомъ, чѣмъ отношеніе больше по понятію геометровъ, тѣмъ меньше отношенія по понятію обычному. Въ первомъ случаѣ отношеніе, разсматриваемое съ точки зрѣнія количества, измѣряется частнымъ; во второмъ случаѣ отношеніе разсматриваемое съ точки зрѣнія тождества, оцѣнивается по подобію [14]. И такъ, чѣмъ меньше существуетъ отношенія [15] между частными волями и общей волей, т. е. чѣмъ менѣе нравы имѣютъ отношенія къ законамъ, тѣмъ болѣе должна увеличиваться принудительная сила. Стало быть правительство, чтобы быть хорошимъ, должно быть относительно болѣе сильнымъ, по мѣрѣ того какъ народъ становится болѣе многочисленнымъ.

Съ другой стороны, такъ какъ увеличеніе государства представляетъ хранителямъ государственной власти болѣе соблазновъ и средствъ злоупотреблять своею властью, то правительство должно обладать бо́льшей силой для того, чтобы сдерживать народъ, и тѣмъ болѣе въ свою очередь долженъ имѣть силы суверенъ для того, чтобы сдерживать правительство. Я говорю здѣсь не объ абсолютной, а объ относительной силѣ различныхъ частей государства [16].

Изъ этого двойного отношенія вытекаетъ, что постоянная пропорція между сувереномъ, государемъ и

народомъ не есть произвольная идея, а необходимое слѣдствіе природы политическаго тѣла [17]). Отсюда слѣдуетъ еще и то, что, такъ какъ одинъ изъ крайнихъ членовъ пропорціи, а именно народъ, какъ подданный, неизмѣненъ и представленъ единицей, то всякій разъ какъ квадратъ члена увеличивается или уменьшается и простой членъ точно также увеличивается или уменьшается, а слѣдовательно измѣняется и средній членъ [18]. Отсюда вытекаетъ, что нѣтъ единаго абсолютнаго правительственнаго устройства, но что можетъ быть столько же различныхъ по своей природѣ правительствъ, сколько можетъ быть различныхъ по своей величинѣ государствъ.

Если, желая высмѣять эту систему, скажутъ, что для того, чтобы найти это среднее пропорціональное и образовать правительственное тѣло, нужно, по моему мнѣнію, извлечь только квадратный корень изъ количества народа [19], то я отвѣчу, что я взялъ здѣсь количество лишь какъ примѣръ, что отношенія, о которыхъ я говорю, измѣряются не однимъ количествомъ людей, а вообще, количествомъ дѣйствія, обусловленнымъ множествомъ причинъ; и что, въ концѣ концовъ, если, для того чтобы выразить свою мысль возможно короче, я заимствую на время геометрическіе термины, то я все таки знаю, что въ моральныхъ величинахъ не существуетъ геометрической точности.

Правительство есть то же самое въ миніатюрѣ, что заключающее его политическое тѣло. Это—моральная личность, одаренная извѣстными способностями, дѣятельная какъ суверенъ и пассивная какъ государство; личность, которую можно разложить на нѣсколько подобныхъ отношеній; откуда слѣдовательно возникаетъ новая пропорція, а въ послѣд-

ней по степенямъ правительственныхъ учрежденій [20] образуются еще и другія пропорціи до тѣхъ поръ, пока мы наконецъ, не получимъ недѣлимаго средняго члена, т. е. единственнаго начальника или высшаго правителя, котораго можно представить среди этой прогрессіи, какъ единицу между рядомъ дробей и рядомъ чиселъ [21].

Не запутываясь въ этомъ нагроможденіи терминовъ, мы удовлетворимся тѣмъ, что будемъ разсматривать правительство какъ отличное отъ народа и суверена, служащее посредникомъ между тѣмъ и другимъ,—новое тѣло въ государствѣ.

Между этими двумя тѣлами существенная разница заключается въ томъ, что государство существуетъ само по себѣ, правительство-же—только благодаря суверену. Такимъ образомъ, господствующая воля государя есть или должна быть лишь общей волей или закономъ. Сила его есть лишь сосредоточенная въ его лицѣ сила общественная: какъ только онъ захочетъ предпринять по собственному почину какой нибудь абсолютный и независимый актъ, связь всего начинаетъ ослабляться. Если бы, наконецъ, случилось, что государь обладалъ бы частной волей, болѣе активной, чѣмъ воля суверена и если бы онъ воспользовался въ интересахъ этой частной воли, подчиненной ему публичной силой, такъ что оказалось бы, такъ сказать, два суверена: одинъ по праву, а другой въ дѣйствительности, то общественное единеніе немедленно исчезло бы, а политическое тѣло разрушилось [22].

Тѣмъ не менѣе, для того, чтобы правительственное тѣло существовало и обладало реальной жизнью, отличающей его отъ государственнаго тѣла, ддл того, чтобы всѣ члены его могли дѣйствовать со-

гласно и соотвѣтствовать цѣли, для которой правительство установлено,—необходимо, чтобы оно обладало особымъ *я*, чувствительностью, общей всѣмъ его членамъ, силой, собственной волей, которая стремилась бы къ его сохраненію [23]. Это особое, свойственное ему существованіе предполагаетъ наличность собраній, совѣтовъ, права обсуждать, дѣлать постановленія, предполагаетъ права, титулы, привиллегіи, которыя принадлежатъ исключительно государю и которые ставятъ должностныхъ лицъ въ положеніе тѣмъ болѣе почетное, чѣмъ оно труднѣе. Трудности заключаются въ томъ, какъ согласовать цѣлое съ этимъ подчиненнымъ цѣлымъ, чтобы послѣднее, укрѣпляя свою конституцію, не вредило бы въ то же время общей конституціи; чтобы оно отличало всегда свою частную силу, предназначенную для самосохраненія, отъ силы общественной, назначеніе которой охранять государство; чтобы, однимъ словомъ, оно было всегда готово принести въ жертву правительство народу, а не народъ правительству.

Впрочемъ, хотя искусственное правительственное тѣло есть произведеніе другого искусственнаго тѣла, и живетъ нѣкоторымъ образомъ только жизнью заимствованной и подчиненной, однако это не мѣшаетъ тому, чтобы оно могло дѣйствовать съ большей или меньшей силой и скоростью и пользоваться, такъ сказать, здоровьемъ болѣе или менѣе крѣпкимъ. Наконецъ, не удаляясь прямо отъ цѣли, для которой правительство учреждено, оно можетъ болѣе или менѣе отклоняться отъ нея, въ зависимости отъ того, какъ оно устроено.

Изъ всѣхъ этихъ различій и возникаютъ разныя отношенія, въ которыя правительство должно стать къ государственному тѣлу, сообразно съ случайными

и особенными отношеніями, измѣняющими само государство, потому что часто само по себѣ лучшее правительство дѣлается самымъ порочнымъ, если его отношенія не будутъ измѣнены, сообразно съ недостатками политическаго тѣла, которому оно принадлежитъ.

---

[1] Сравнить аналогичное различіе, проведенное Монтескье въ „Духѣ Законовъ“ кн. XI, гл. 6-ая.

[2] Кн. II, гл. 4-ая и 6-ая.

[3] Сравненіе, заимствованное изъ картезіанской философіи; по мнѣнію Декарта въ человѣкѣ существуютъ не только два субстанціонально различныхъ начала, — душа и тѣло, но и третье посредствующее начало, плохо, впрочемъ, опредѣленное, которое служитъ связью между двумя другими началами.

[4] Эти опредѣленія, какъ существенныя, необходимо запомнить и соединить съ тѣми опредѣленіями, которыми заканчивается 6-ая гл. I книги. Это необходимо для пониманія тонкихъ разсужденій, которыми наполнена большая часть III кн.

[5] Король (roi) по латыни rex происходитъ отъ слова regere, что́ значитъ править или управлять.

[6] Граждане не заключаютъ договора съ своими начальниками потому, что послѣдніе такіе же граждане, какъ и всѣ остальные и такъ же подчинены общей волѣ соціальнымъ договоромъ безъ всякаго ограниченія. У нихъ, слѣдовательно, нѣтъ никакой лично имъ принадлежащей власти и соціальное тѣло не можетъ вступать съ ними въ соглашеніе какъ съ отдѣльной силой. Вся ихъ власть вручена имъ самимъ сувереномъ, который поручаетъ имъ выполненіе извѣстныхъ функцій на заранѣе опредѣленныхъ условіяхъ.

[7] Весь конецъ этой главы и часть слѣдующей очень темны и запутаны многочисленными математическими выраженіями, частью вышедшими теперь изъ употребленія и примѣняемыми Руссо безъ необходимой точности и опредѣленности. Къ этимъ математическимъ сближеніямъ, которыя съ перваго взгляда кажутся даже удачными, Руссо привелъ какъ самый его методъ, всецѣло раціональный и дедуктивный, такъ и желаніе придать своей книгѣ наибольшую научную точность. Но, какъ читатель

можетъ судить самъ, результатъ оказался не особенно удачнымъ и мысль Руссо скорѣе затемнена, чѣмъ разъяснена математическими выкладками, потому что разнообразіе соціальныхъ отношеній исключаетъ возможность выраженія его простыми отношеніями количества, заимствованными у математики. Такимъ образомъ Руссо по необходимости вынужденъ часто придавать математическимъ терминамъ эластичность и неопредѣленность, которыми они не обладаютъ и которыя отнимаютъ всякую цѣнность у созданныхъ Руссо формулъ.

[8] *Непрерывной пропорціей* называется такая пропорція, у которой числитель второго отношенія и знаменатель перваго одинаковы, напримѣръ: $a : b = b : c$. Если обозначить суверена, то-есть народъ постолько, посколько онъ выполняетъ власть законодательную буквой S, государство, то-есть народъ постолько, посколько онъ повинуется законамъ буквой E и правительство, то-есть корпорацію чиновниковъ, облеченныхъ исполнительной властью буквой G, то можно написать слѣдующую непрерывную пропорцію $S : G = G : E$. Впрочемъ, это только приблизительный способъ выраженія слѣдующаго, очень мало похожаго на математическую пропорцію, положенія: мощь, которую суверенъ вручаетъ правительству, должна равняться мощи, которую правительство прилагаетъ къ управленію государствомъ.

[9] Изъ предыдущей пропорціи вытекаетъ въ самомъ дѣлѣ $G^2 = S \times E$.

[10] Въ составленной выше пропорціи, значеніе G опредѣляется, дѣйствительно, значеніями S и E и должно измѣняться пропорціонально послѣднимъ.

[11] Необходимо отмѣтить, что слово отношеніе, которое повторяется въ этомъ мѣстѣ почти на каждой строчкѣ, берется всякій разъ въ другомъ, часто очень неопредѣленномъ смыслѣ. Такъ *количество* какого-нибудь народа не есть *отношеніе*. Руссо хочетъ сказать, что онъ разсмотритъ три члена пропорціи S, E и G, принимая во вниманіе только количество гражданъ.

[12] Въ самомъ дѣлѣ, граждане, какъ составныя части суверена, вырабатываютъ законы посредствомъ коллективнаго акта, тогда какъ законы примѣняются къ каждому гражданину, взятому индивидуально, какъ къ члену государства. Поэтому можно написать

напримѣръ $\frac{E}{S} : \frac{1}{10{,}000}$

[13] Когда населеніе увеличивается, собственное значеніе каждаго подданнаго не увеличивается $(E = 1)$, но общая сила суве-

рена увеличивается въ отношенiи къ числу его членовъ (S=10,000; S = 100,000 и т. д.). Такимъ образомъ относительное значенiе подданнаго по отношенiю къ суверену уменьшается въ обратной пропорцiи. Первый поэтому подчиняется власти тѣмъ болѣе сильной, чѣмъ государство многолюднѣе, а слѣдовательно онъ и тѣмъ менѣе свободенъ.

[14] Руссо различаетъ здѣсь два дѣйствительно противоположныхъ понятiя слова *отношенiе:* 1) въ точномъ смыслѣ геометровъ, оно означаетъ связь двухъ количествъ, изъ которыхъ одно раздѣлено на другое (напримѣръ $\frac{12}{4}$), отношенiе, абсолютнымъ выраженiемъ котораго служитъ частное (напримѣръ $\frac{12}{4} = 3$) Руссо называетъ частное exposant (въ 18 столѣтiи придавали дѣйствительно это значенiе слову „показатель". Говорили, что 3 есть показатель $\frac{12}{4}$); — 2) слово отношенiе употребляется и въ смыслѣ неопредѣленномъ и обычномъ; говорятъ, что два предмета имѣютъ другъ къ другу отношенiе, или соотносительны, когда у нихъ имѣется сходство. Слѣдовательно, чѣмъ болѣе оба члена отношенiя различны, тѣмъ больше частное, измѣряющее это отношенiе. Такимъ образомъ между ходячимъ понятiемъ „отношенiя" и понятiемъ математическимъ существуетъ противорѣчiе.

[15] Здѣсь слово взято въ обычномъ смыслѣ. Чѣмъ менѣе *сходства* между общей волей суверена, выражающейся въ формѣ закона и частной волей подданнаго, выражающейся въ формѣ его обычнаго поведенiя и его нравовъ, тѣмъ болѣе должна быть могущественна первая, чтобы сдерживать и управлять послѣдней.

[16] Абсолютная сила, то-есть количество мощи, которой реально обладаютъ S, E и G, имѣетъ мало значенiя: необходимо, чтобы отношенiе этихъ силъ было таковымъ, чтобы суверенъ былъ настолько же сильно вооруженъ для борьбы съ правительствомъ, насколько правительство вооружено для борьбы съ подданными.

[17] Отношенiе, существующее между S, E и G, проистекаетъ изъ природы вещей и условiй, необходимыхъ для функцiонированiя всякаго политическаго тѣла; такимъ образомъ форма правительства не есть вовсе нѣчто произвольное.

[18] *Буквальный* смыслъ этой фразы почти невозможно понять.

Слова raison doublée и raison simple, употребляемыя Руссо, теперь совершенно вышли изъ употребленія. Общій смыслъ, впрочемъ, совершенно ясенъ, такъ какъ въ пропорціи $S:G=G:E$ E всегда $=1$; то $S=G^2$; а слѣдовательно S можетъ измѣниться только въ томъ случаѣ, если измѣнится G. Такимъ образомъ населеніе всякаго государства достаточно опредѣляетъ форму его правительства.

[19] Если сдѣлать $S=10,000$, а $E=1$, то мы, дѣйствительно получимъ, что $G=\sqrt{10,000}$.

[20] Корпорація чиновниковъ разлагается въ дѣйствительности на большое количество группъ или трибуналовъ, подчиненныхъ одинъ другому; каждый изъ этихъ трибуналовъ получаетъ сверху опредѣленное количество власти, которую онъ и примѣняетъ къ подчиненнымъ ему лицамъ. Слѣдовательно и къ этимъ сложнымъ и многочисленнымъ отношеніямъ можетъ быть примѣненъ тотъ же математическій символизмъ. Можно было бы написать: $G:G'=G':E$; $G':G''=G'':E$ и т. д.

[21] Если разсматривать исполнительную власть воплощенной въ одномъ единственномъ высшемъ управителѣ, то-есть принять $G=1$, тогда мы получимъ вмѣсто отношеній $\frac{S}{G}$ и $\frac{G}{E}$ отношенія $\frac{S}{1}$ и $\frac{1}{E}$. Эти отношенія будутъ равны, если народъ будетъ состоять изъ одного гражданина, потому что въ такомъ случаѣ $S=1$, а слѣдовательно и $E=1$. Но по мѣрѣ увеличенія количества гражданъ и соотвѣтственнаго увеличенія власти монарха, каждый подданный получаетъ въ свое распоряженіе все меньшую долю этой власти. Въ государствѣ, состоящемъ изъ 2 гражданъ $\frac{2}{1}$ выразитъ численно отношеніе суверена къ государю и $^1/_2$ отношеніе монарха къ подданнымъ. Если придать S послѣдовательно значенія 3, 4, 10,000 и т. д., то мы получимъ отношенія $\frac{3}{1}$ и $\frac{1}{3}$; $\frac{4}{1}$ и $\frac{1}{4}$; $\frac{10,000}{1}$ и $\frac{1}{10,000}$ и т. д. Оба отношенія нашей бывшей пропорціи все болѣе и болѣе удаляются такимъ образомъ другъ отъ друга, какъ серія цѣлыхъ чиселъ и серія дробей, тогда какъ государь все время останется равнымъ единицѣ.

[22] Если бы государь употребилъ часть власти, которая вручена ему исключительно для охраны общихъ интересовъ, для своихъ собственныхъ только выгодъ, тогда власть его оказалась

бы частью законной, а частью незаконной. Подданные были бы лишены возможности распознать, въ какихъ случаяхъ они обязаны повиноваться госуларю и въ какихъ нѣтъ; кромѣ того въ качествѣ подданныхъ они перестали бы пользоваться властью, которую они вручили государю въ качествѣ членовъ суверена. Общественный договоръ такимъ образомъ былъ бы нарушенъ.

[23] Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ государю поручены спеціальныя функціи, то онъ долженъ проникнуться также и совершенно особыми чувствами, существованіе которыхъ у обыкновенныхъ гражданъ было бы лишено всякаго основанія. Какъ мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, существуетъ нѣчто въ родѣ естественнаго и необходимаго для существованія исполнительной власти „корпоративнаго духа". Впрочемъ, Руссо олицетворяетъ это абстрактное существо и это искусственное тѣло (правительство), какъ онъ олицетворилъ и само государство (Кн. I, гл. 6-ая).

ГЛАВА II.

О принципѣ, на которомъ строятся различныя формы правительства.

Чтобы указать общую причину этихъ различій, здѣсь необходимо провести границу между государемъ и правительствомъ, какъ я раньше провелъ различіе между государствомъ и сувереномъ.

Правительственная коллегія можетъ быть составлена изъ большаго или меньшаго количества членовъ. Мы указали, что отношеніе суверена къ подданнымъ становится тѣмъ больше, чѣмъ народъ многочисленнѣй, и по очевидной аналогіи мы можемъ то же сказать о правительствѣ по отношенію къ составляющимъ его должностнымъ лицамъ [1].

Совокупныя силы правительства, будучи въ то же время совокупными силами государства, не измѣняются:

откуда слѣдуетъ, что чѣмъ болѣе правительство расходуетъ эту силу на собственныхъ своихъ членовъ, тѣмъ менѣе остается у него ея, чтобы воздѣйствовать на весь народъ.

Итакъ, чѣмъ многочисленнѣе чиновники, тѣмъ слабѣе правительство. Такъ какъ это положеніе основное, то постараемся его выяснить получше.

Мы можемъ различать въ должностномъ лицѣ три существенно различныя воли: во-первыхъ, собственную волю индивида, которая направлена только къ его личнымъ выгодамъ; во-вторыхъ, общую волю должностныхъ лицъ, которая направлена единственно къ выгодамъ государя и которую можно назвать корпоративной волей: воля эта по отношенію къ правительству является волей общей, а по отношенію къ государству, часть котораго составляетъ правительство,—волей частной; въ-третьихъ, волю народа, или суверенную волю, которая является общей, какъ по отношенію къ государству, разсматриваемому какъ цѣлое, такъ и по отношенію къ правительству, взятому какъ часть цѣлаго.

Въ совершенномъ законодательствѣ частная или индивидуальная воля не должна имѣть никакого значенія, воля правительственной корпораціи—очень подчиненное значеніе, слѣдовательно воля общая, или суверенная является волей господствующей и единственно руководящею всѣми остальными.

Напротивъ, по естественному порядку вещей эти различныя воли тѣмъ дѣятельнѣе, чѣмъ болѣе онѣ сконцентрированы [2]. Такимъ образомъ, самой слабой является общая воля; воля корпораціи занимаетъ второе мѣсто, а частная воля—первое: такъ что въ правительствѣ каждый членъ есть прежде всего онъ самъ, потомъ—должностное лицо, потомъ гра-

жданинъ. Послѣдовательность, прямо обратная той, которую требуетъ общественный порядокъ.

Если мы согласимся съ этимъ, то въ томъ случаѣ когда правительство будетъ находиться въ рукахъ одного человѣка, воля частная и воля корпораціи окажутся совершенно объединенными, а слѣдовательно волѣ этой будетъ присуща самая высокая степень напряженности. А такъ какъ примѣненіе силы зависитъ отъ степени воли, и абсолютная сила правительства неизмѣнна, то отсюда слѣдуетъ, что наиболѣе дѣятельнымъ является правительство единоличное.

Напротивъ, если мы соединимъ правительство съ законодательной властью [3], если сдѣлаемъ суверена государемъ, а всѣхъ гражданъ—чиновниками, то тогда корпоративная воля, слившись съ волей общей, будетъ не болѣе дѣятельна, чѣмъ послѣдняя, и оставитъ за волей частной всю ея силу. Такимъ образомъ, правительство, обладая все той же абсолютной силой, будетъ обладать въ этомъ случаѣ минимумомъ силы относительной или минимумомъ активности.

Эти отношенія неоспоримы, и для подтвержденія ихъ можно привести и другія соображенія. Замѣчено, напримѣръ, что каждое должностное лицо проявляетъ болѣе активности въ корпораціи, часть которой оно составляетъ, чѣмъ каждый гражданинъ въ общественномъ тѣлѣ и что, слѣдовательно, частная воля оказывается гораздо болѣе вліятельной въ актахъ правительства, чѣмъ въ актахъ суверена [4], потому что должностное лицо выполняетъ всегда какую нибудь правительственную функцію, тогда какъ каждый гражданинъ, взятый какъ отдѣльная личность, не выполняетъ никакой функціи суверенитета. Впрочемъ, чѣмъ государство обширнѣй, тѣмъ больше его реальная сила, хотя она не увеличивается про-

порціонально территоріи; но, разъ государство остается тѣмъ же самымъ, то количество чиновниковъ можетъ увеличиваться сколько угодно, правительство отъ этого не пріобрѣтетъ больше реальной силы, потому что сила эта,—сила государства, мѣра которой всегда одинакова. Итакъ, относительная сила или активность правительства уменьшается, тогда какъ его абсолютная, или реальная сила не можетъ увеличиваться.

Можно съ увѣренностью сказать, что дѣлопроизводство тѣмъ медленнѣе, чѣмъ болѣе людей имъ занято; что, полагаясь слишкомъ на благоразуміе, не предоставляютъ достаточно простора судьбѣ; что упускается удобный случай и что, занимаясь слишкомъ усердно обсужденіемъ, теряютъ часто плоды этого обсужденія.

Я показалъ, что правительство ослабляется по мѣрѣ того, какъ растетъ количество чиновниковъ; а еще ранѣе я указалъ, что чѣмъ народъ многочисленнѣй, тѣмъ болѣе должна увеличиваться принудительная сила. Отсюда слѣдуетъ, что отношеніе должностныхъ лицъ къ правительству должно быть обратно отношенію подданныхъ къ суверену, т. е., чѣмъ болѣе государство увеличивается, тѣмъ болѣе правительство должно сжиматься; такъ что количество начальниковъ уменьшается пропорціонально увеличенію количества народа [5].

Впрочемъ, я говорю здѣсь только объ относительной силѣ правительства, а не о его правильности; [6] потому что, напротивъ, чѣмъ магистратура многочисленнѣй, тѣмъ ближе воля корпоративная къ волѣ общей, тогда какъ при одномъ единственномъ правителѣ эта самая корпоративная воля, какъ я уже сказалъ, есть только воля частная. Такимъ образомъ,

съ одной стороны теряется то, что можетъ быть выиграно съ другой. Искусство законодателя и заключается въ умѣніи опредѣлить размѣры, при которыхъ сила и воля правительства, находясь постоянно во взаимномъ соотношеніи, сочетаются въ отношеніи, наиболѣе выгодномъ для государства [7].

---

[1] Чѣмъ больше количество чиновниковъ (государь), облеченныхъ исполнительной властью (правительство), тѣмъ власть каждаго изъ нихъ, по необходимости, становится все болѣе ограниченной и тѣмъ болѣе власть эта должна быть контролируема всѣмъ правительствомъ (смотри кн. III, гл. 1, пр. 13). Впрочемъ, какъ это будетъ указано дальше въ концѣ 3 гл., дѣло идетъ здѣсь только о „высшихъ" чиновникахъ, а не обо всемъ составѣ чиновниковъ.

[2] То-есть по мѣрѣ того, какъ онѣ сосредоточиваются въ меньшемъ количествѣ индивидовъ. Напримѣръ личная воля каждаго изъ насъ сконцентрирована максимальнымъ образомъ. Поэтому-то она, дѣйствительно, и наиболѣе активна.

[3] Принадлежащей всѣмъ гражданамъ, собраннымъ воедино.

[4] Такъ какъ частная воля, которая руководится интересами индивида, какъ индивида, имѣется въ наличности у каждаго человѣка въ отдѣльности и такъ какъ воля эта представляетъ въ немъ наиболѣе могущественную силу, то и вліяніе, которое она окажетъ на чиновника, будетъ имѣть больше значенія для государства, чѣмъ вліяніе, которое она окажетъ на обыкновеннаго частнаго человѣка по той причинѣ, что роль перваго въ государствѣ гораздо значительнѣе, чѣмъ роль второго. Въ этомъ Руссо видитъ неудобство созданія большого числа должностныхъ лицъ.

[5] Дѣло идетъ, какъ и раньше, только о верховныхъ начальникахъ.

[6] Ограниченіе чрезвычайно важное: слѣдуетъ разсматривать не только степень активности чиновниковъ, но и удостовѣряться также и въ томъ, что они примѣняютъ свою власть во всемъ согласно съ общей волей. Въ этомъ послѣднемъ заключается *правильность* ихъ воли.

[7] Примѣненіе здѣсь Руссо математическаго языка въ особенности замѣчательно. Руссо хочетъ сказать слѣдующее:—правиль-

ность воли чиновниковъ (то-есть согласіе этой воли съ волей общей) тѣмъ больше, чѣмъ больше число данныхъ чиновниковъ; но съ другой стороны, чѣмъ больше послѣднее число, тѣмъ слабѣе сила (или активность) всего правительства въ цѣломъ. Такимъ образомъ сила и воля (точнѣе правильность послѣдней) двѣ *величины*, обратно пропорціональныя. Такъ какъ, по мнѣнію Руссо, сила и правильность воли находятся въ необходимомъ соотношеніи съ (количествомъ) *числомъ* чиновниковъ, то эти два понятія онъ разсматриваетъ какъ количества, хотя они совершенно несоизмѣримы.

ГЛАВА III.

Дѣленіе правительствъ.

Въ предыдущей главѣ было указано, почему отдѣльные виды или формы правительства различаются по количеству составляющихъ ихъ членовъ; остается показать въ настоящей главѣ, какъ это дѣленіе производится.

Суверенъ можетъ, во-первыхъ, возложить функціи правительства на весь народъ или на большую часть народа, такъ что окажется больше гражданъ-чиновниковъ, чѣмъ гражданъ—простыхъ частныхъ лицъ. Такую форму правительства называютъ *демократіей*.

Во-вторыхъ, онъ можетъ сузить рамки правительства, ограничивая его небольшимъ числомъ лицъ такъ, чтобы простыхъ гражданъ было больше, чѣмъ должностныхъ лицъ. Такая форма называется *аристократіей*.

Наконецъ, онъ можетъ сосредоточить все правительство въ рукахъ одного должностного лица, отъ котораго получаютъ свою власть всѣ остальные чиновники. Эта третья форма, наиболѣе распростра-

ненная, называется *монархіей* или королевскимъ правительствомъ.

Необходимо замѣтить, что всѣ эти формы, или по крайней мѣрѣ, первыя двѣ, болѣе или менѣе и даже въ довольно значительной степени растяжимы потому что демократія можетъ охватить весь народъ и сузиться до половины всего народа. Аристократія, въ свою очередь, можетъ включать въ себя отъ половины народа до самаго незначительнаго числа. Даже королевская власть способна нѣкоторымъ образомъ къ дѣленію. Спарта имѣла по своей конституціи постоянно двухъ царей, а въ Римской имперіи наблюдались случаи, когда бывало по восьми императоровъ сразу, и въ то же время нельзя было сказать, что имперія раздѣлена. Итакъ, есть точка, гдѣ каждая форма правительства сливается со слѣдующей формой, и можно сказать, что подъ тремя только различными наименованіями правительство въ дѣйствительности можетъ принять столько различныхъ формъ, сколько въ государствѣ гражданъ.

Болѣе того: такъ какъ то же самое правительство въ извѣстныхъ отношеніяхъ можетъ подраздѣляться на дальнѣйшія части, изъ которыхъ одна управляется однимъ образомъ, а другая инымъ—то изъ комбинаціи трехъ названныхъ формъ можетъ быть образована масса смѣшанныхъ формъ, изъ которыхъ каждая способна помножаться на всѣ простыя формы.

Во всѣ времена много спорили относительно лучшей формы правительства, не принимая во вниманіе того, что каждая изъ этихъ формъ есть лучшая въ однихъ случаяхъ и худшая въ другихъ.

Если въ различныхъ государствахъ количество высшихъ чиновниковъ [1] должно находиться въ обратномъ отношеніи къ количеству гражданъ, то отсюда

слѣдуетъ, что, говоря вообще, демократическое правительство свойственно небольшимъ государствамъ, аристократическое — среднимъ, а монархическое — большимъ. Это правило вытекаетъ непосредственно изъ принципа. Но какъ учесть массу обстоятельствъ, которыя могутъ приводить къ исключеніямъ?

---

[1] Итакъ въ предшествующихъ двухъ главахъ вопросъ шелъ только о числѣ истинныхъ главъ правительства, такъ какъ общее число чиновниковъ не зависитъ совершенно отъ формы даннаго правительства. Это различіе, впрочемъ, возбуждаетъ не мало трудностей.

ГЛАВА IV.

О демократіи.

Тотъ, кто составляетъ законъ, знаетъ лучше, чѣмъ кто бы то ни было, какъ этотъ законъ долженъ быть выполненъ и истолкованъ. Казалось бы, что въ такомъ случаѣ не можетъ быть лучшей конституціи, чѣмъ та, при которой исполнительная власть соединена съ законодательной; но именно это соединеніе дѣлаетъ правительство въ извѣстныхъ отношеніяхъ недостаточнымъ, такъ какъ здѣсь не соблюдено различіе, которое должно существовать между извѣстными предметами, и государь и суверенъ, будучи однимъ и тѣмъ же лицомъ, образуютъ лишь, такъ сказать, правительство безъ правительства.

Не хорошо, чтобы тотъ, кто составляетъ законы, приводилъ ихъ въ исполненіе [1],—ни чтобы народъ отвращалъ свое вниманіе отъ общихъ вопросовъ,

для разсмотрѣнія частныхъ предметовъ. Нѣтъ ничего болѣе опаснаго, чѣмъ вліяніе частныхъ интересовъ въ общественныхъ дѣлахъ, и правительственное злоупотребленіе законами есть меньшее зло, чѣмъ развращеніе законодателя,—неизбѣжное слѣдствіе частныхъ интересовъ [2]. Разъ государство испорчено въ своей сущности, всякая реформа становится невозможной. Народъ, который никогда не будетъ злоупотреблять правительствомъ, не будетъ также злоупотреблять и независимостью; народъ, который управлялъ бы всегда хорошо, не нуждался бы въ томъ, чтобы быть управляемымъ.

Если принять терминъ „демократія" въ строгомъ смыслѣ слова, то никогда не существовало настоящей демократіи и никогда не будетъ существовать [3]. Не согласно съ естественнымъ порядкомъ, чтобы большое количество людей управляло, чтобы маленькое количество было управляемо. Нельзя себѣ представить, чтобы весь народъ все время проводилъ въ собраніяхъ, для обсужденія общественныхъ дѣлъ и легко видѣть, что онъ не могъ бы учредить коммисій для ихъ обсужденія не измѣняя формы правленія.

Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ кажется, возможнымъ установить принципъ, что, когда функціи правительства раздѣлены между многими учрежденіями, менѣе многолюдныя пріобрѣтутъ рано или поздно наибольшій авторитетъ, хотя бы только потому, что имъ легче справляться съ дѣлами. Впрочемъ, сколько различныхъ условій должно быть на лицо для такого правительства! Во-первыхъ, оно предполагаетъ очень маленькое государство, гдѣ легко было бы собрать народъ и гдѣ каждый гражданинъ легко могъ бы знать всѣхъ остальныхъ гражданъ; во-вторыхъ, большую простоту нравовъ, которая могла бы предупредить массу дѣлъ

и щекотливые дебаты; наконецъ, большое равенство въ положенiи и по имущественному состоянiю, безъ чего не могло бы долго существовать и равенство въ правахъ и власти; наконецъ, мало роскоши или полное ея отсутствiе, потому что роскошь или есть слѣдствiе богатствъ, или дѣлаетъ богатства необходимыми. Роскошь развращаетъ одновременно и богатаго и бѣднаго; перваго — обладанiемъ, а второго — завистью. Она предаетъ отечество нѣгѣ и суетности, отнимаетъ у государства всѣхъ его гражданъ, чтобы поработить однихъ другимъ, а всѣхъ вмѣстѣ — общественному мнѣнiю[4].

Вотъ почему одинъ знаменитый авторъ[5] считалъ принципомъ республики — добродѣтель, такъ какъ всѣ указанныя нами условiя не могли бы существовать безъ добродѣтели; но, не сдѣлавъ необходимыхъ различiй, этотъ прекрасный генiй часто оказывался не точнымъ, иногда не яснымъ, и не замѣтилъ, что, такъ какъ суверенная власть вездѣ одна и та же, то одинъ и тотъ же принципъ долженъ служить основанiемъ для всякаго хорошо устроеннаго государства[6], болѣе или менѣе, конечно, сообразно съ формой правительства. Прибавимъ, что нѣтъ правительства болѣе склоннаго къ гражданскимъ войнамъ и къ внутреннимъ волненiямъ, чѣмъ демократическое или народное, потому что нѣтъ ни одного правительства, которое стремилось бы такъ сильно и такъ постояннно къ измѣненiю формы правленiя, ни которое бы требовало для своего поддержанiя въ неизмѣнномъ видѣ больше смѣлости и бдительности. Въ этомъ государственномъ устройствѣ гражданинъ въ особенности долженъ быть вооруженъ силой и постоянствомъ и каждый день въ глубинѣ своего сердца повторять то,

что сказалъ добродѣтельный воевода *) на одномъ изъ польскихъ сеймовъ: Malo periculosam libertatem quam quietum servitium [7]. Если бы существовалъ народъ, состоящій изъ боговъ, то онъ управлялся бы демократически. Такое совершенное правительство не годится для людей [8].

---

[1] Руссо возвращается здѣсь къ принципу раздѣленія властей, принципу, надъ которымъ онъ насмѣхался въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ о японскихъ шарлатанахъ (кн. II-ая, гл. 2-ая). Но для Руссо исполнительная власть не является властью абсолютной въ такой же степени, какъ власть законодательная: первая есть только эманація второй. Суверенный народъ соединяетъ въ своемъ лицѣ всѣ власти, но одна только законодательная власть неотчуждаема и недѣлима и Руссо утверждаетъ даже, что для народа выгодно довѣрить исполнительную власть особымъ делегатамъ, чтобы не отвлекаться отъ своей существенной задачи, которая заключается въ законодательствѣ.

[2] Въ общемъ, необходимо выбирать между двухъ золъ: или поручить выполненіе законовъ ограниченной корпораціи магистратовъ и тогда надо опасаться, чтобы они не воспользовались въ своей личной выгодѣ частью власти, которая вручена имъ въ цѣляхъ общаго блага; или же поручить выполненіе законовъ всѣмъ гражданамъ и тогда послѣдніе, по необходимости, будутъ смущены въ своей законодательной работѣ мыслью о личныхъ выгодахъ, которыя каждый изъ гражданъ можетъ извлечь изъ примѣненія законовъ: можно поэтому опасаться, что граждане выработаютъ въ такомъ случаѣ дурные законы, основанные не на общемъ интересѣ, а на частныхъ интересахъ. Изъ этихъ двухъ золъ, второе гораздо болѣе серьезно, такъ какъ оно непоправимо и государство опорочивается имъ въ своемъ самомъ существенномъ принципѣ.

[3] Могутъ существовать только демократіи *смѣшанныя.*

[4] Руссо выражаетъ здѣсь въ гораздо болѣе краткой формѣ, тѣ же идеи, что и Монтескье, „*Духъ Законовъ* кн.“ VII, гл. 1-я.

[5] Монтескье „*Духъ Законовъ*“ кн. Ш, гл. 3-я.

*) Воевода Познанскій, отецъ короля польскаго — герцога Лотарингскаго.

[6] Для Руссо, дѣйствительно, каждое законное государство есть *республиканское* (см. кн. II, гл. 6-ю): слѣдовательно добродѣтель необходимо будетъ существовать во всѣхъ правительствахъ, но „болѣе или менѣе“. Руссо принимаетъ, такимъ образомъ, съ нѣкоторыми лишь измененіями, прекрасную и глубокую теорію Монтескье.

[7] „Я предпочитаю свободу съ ея опасностями спокойствію рабства“. Слова отца короля Станислава Лещинскаго.

[8] Еще разъ подчеркиваемъ,—въ своей чистой формѣ.

ГЛАВА V.

Объ аристократіи.

Здѣсь мы видимъ двѣ моральныя личности, совершенно различныя другъ отъ друга, а именно: правительство и суверенъ; и слѣдовательно двѣ общія воли; одна относится ко всѣмъ гражданамъ, а другая — только къ членамъ правительства. Такимъ образомъ, хотя правительство и можетъ урегулировать свое внутреннее устройство, какъ ему угодно, оно не можетъ обращаться къ народу иначе, какъ отъ имени суверена, т. е. отъ имени самого народа; этого не слѣдуетъ никогда забывать.

Первыя общества управлялись аристократически. Начальники родовъ обсуждали между собой общественныя дѣла. Молодые люди подчинялись безъ труда авторитету опытности. Отсюда произошли названія *жрецовъ, старѣйшинъ, сената, геронтовъ*[1]. Дикари Сѣверной Америки управляются такъ еще въ наше время, и управляются очень хорошо.

Но, по мѣрѣ того, какъ неравенство изъ естественнаго превратилось въ установленное, богатство и

могущество *) были предпочтены возрасту, и аристократія стала избирательной. Наконецъ, такъ какъ съ имуществомъ переходило отъ отца къ дѣтямъ и могущество и такимъ образомъ устанавливались патриціанскія фамиліи, то и правительство стало наслѣдственнымъ, и можно было видѣть сенаторовъ двадцати лѣтъ отъ роду.

Такимъ образомъ, есть три вида аристократіи: естественная, избирательная и наслѣдственная. Аристократія перваго рода годится только для народовъ простыхъ; аристократія третьяго рода—есть наихудшее изъ всѣхъ правительствъ; аристократія же второго рода есть—наилучшее правительство и она-то и есть аристократія въ собственномъ смыслѣ слова [2].

Кромѣ преимущества разграниченія двухъ властей, этотъ видъ правительства представляетъ еще преимущество въ томъ отношеніи, что его члены избираются; потому что въ народномъ правительствѣ всѣ граждане уже по рожденію должностныя лица, этотъ же видъ правительства ограничиваетъ количество должностей небольшимъ числомъ, да и тѣ замѣщаются только путемъ избранія**): средство, благодаря которому честность, образованіе, опытность и всѣ другія причины предпочтенія и общественнаго уваженія явля-

---

*) Ясно, что слово оптиматы (optimates) означало у древнихъ не лучшихъ, а наиболѣе могущественныхъ.

**) Необходимо тщательно регулировать законами формы избранія должностныхъ лицъ; потому что, предоставляя это избраніе волѣ государя, нельзя избѣгнуть опасности впасть въ наслѣдственную аристократію, какъ это случилось съ Венеціанской и Бернской республиками. Первая — какъ государство уже въ разложеніи; но вторая продолжаетъ существовать, благодаря крайней мудрости своего сената; это исключеніе очень почтенное, но и очень опасное.

ются новыми гарантіями того, что государство будетъ управляться мудро.

Кромѣ того, народныя собранія происходятъ болѣе удобнымъ образомъ; дѣла обсуждаются лучше, выполняютя съ большимъ порядкомъ и вниманіемъ; престижъ государства среди иностранныхъ державъ лучше поддерживается почтенными сенаторами, чѣмъ неизвѣстной или презираемой толпой.

Однимъ словомъ, наилучшій и самый естественный порядокъ тотъ, чтобы наиболѣе мудрые управляли толпой, когда можно быть увѣреннымъ, что они будутъ управлять ею для ея же блага, а не для своего собственнаго; не надо усложнять напрасно механизма, ни дѣлать съ двадцатью тысячами человѣкъ того, что сто избранныхъ людей могутъ сдѣлать гораздо лучше. Но необходимо замѣтить, что здѣсь интересы корпораціи [3] оставляютъ въ дѣлѣ руководства публичной силой меньше мѣста правиламъ установленнымъ общей волей и что создается другое, неизбѣжное стремленіе, лишающее законы части исполнительной силы.

Переходя къ деталямъ, необходимо замѣтить, что при аристократическомъ правительствѣ, государство не должно быть ни столь малымъ, ни народъ столь простымъ и столь прямымъ, чтобы выполненіе законовъ непосредственно истекало изъ общественной воли, какъ это имѣетъ мѣсто въ настоящей демократіи. Не нужно также, чтобы нація была особенно велика, дабы начальники, разсѣянные по разнымъ мѣстамъ, для управленія ею не могли отдѣлиться отъ суверена каждый въ своемъ округѣ и дѣлаться независимыми, становясь въ концѣ концовъ повелителями.

Но если аристократія требуетъ нѣсколькими добродѣтелями меньше, чѣмъ народное правительство, то

она въ свою очередь требуетъ другихъ добродѣтелей, свойственнныхъ ей одной, каковы: умѣренность богатыхъ людей и довольство своей судьбой бѣдныхъ [4]; мнѣ кажется, что слишкомъ строгое равенство было бы здѣсь не у мѣста; оно не соблюдалось даже въ Спартѣ.

Впрочемъ, если эта форма правительства и предполагаетъ извѣстное неравенство по имуществу, то для того лишь, чтобы въ общемъ управленіе общественными дѣлами было довѣрено тѣмъ, которые могутъ посвятить ему все свое время, а вовсе не потому, что, какъ увѣряетъ Аристотель, богачи всегда предпочитаются [5]. Напротивъ, необходимо, чтобы противоположное избраніе указывало иногда народу, что заслуги людей представляютъ гораздо болѣе важное основаніе для предпочтенія, чѣмъ богатство.

---

[1] Этимологически всѣ эти слова (prêtres, anciens, senat, gérontes) обозначаютъ старцевъ.

[2] Замѣтимъ, кстати, что, если держаться смысла, придаваемаго этимъ словамъ Руссо, то современный государственный строй Франціи, который мы называемъ республикой, будетъ *выборной аристократіей* или аристократіей въ собственномъ смыслѣ, а вовсе не демократіей. Но строй этотъ не является даже законнымъ, потому что суверенъ делегируетъ во Франціи своимъ представителямъ власть законодательную, которую Руссо объявилъ неотчуждаемой.

[3] Правящаго меньшинства. См. кн. Ш, гл. 2-я.

[4] Монтескье почти въ тѣхъ же выраженіяхъ говоритъ, что „умѣренность, основанная на добродѣтели" есть душа аристократическихъ правительствъ". *„Духъ законовъ"* кн. Ш, гл. 4-я.

[5] Руссо нѣсколько преувеличиваетъ въ данномъ случаѣ теорію Аристотеля, предпочтеніе котораго къ богатымъ было менѣе абсолютнымъ.

ГЛАВА VI.

О монархіи.

До сихъ поръ мы разсматривали государя, какъ моральную, коллективную личность, объединенную силой законовъ и обладающую въ государствѣ исполнительной властью. Теперь мы должны разсмотрѣть эту власть въ томъ видѣ, въ какомъ она объединена въ рукахъ естественной личности, реальнаго человѣка, который одинъ можетъ располагать ею согласно законамъ [1]. Это и есть то, что называется монархомъ или королемъ.

Въ полную противоположность другимъ видамъ управленія, гдѣ коллективное существо представляетъ индивида, въ данномъ случаѣ индивидъ представляетъ коллективное существо [2]; такъ что моральное единство, которое образуетъ государя, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и физическое единство, въ которомъ всѣ свойства, соединяемыя закономъ съ такимъ усиліемъ въ другомъ случаѣ, объединены здѣсь естественнымъ образомъ.

Такимъ образомъ, воля народа и воля государя, общественная сила государства и частная сила правительства—все направляется одной и той же двигательной силой; всѣ части машины управляются одной и той же рукой; все двигается къ одной и той же цѣли; нѣтъ совсѣмъ противоположныхъ движеній, которыя взаимно уничтожались бы, и нельзя себѣ представить другого государственнаго устройства, въ которомъ меньшее усиліе произвело бы дѣйствіе болѣе значительное. Сидящій спокойно на берегу и спускающій безъ труда на воду большой корабль—Архимедъ представляется мнѣ прообразомъ дѣятельнаго монарха,

управляющаго изъ кабинета своими обширными провинціями и заставляющаго все двигаться, причемъ самъ онъ по наружному виду остается неподвижнымъ.

Но если нѣтъ правительства, у котораго было бы больше силы, то съ другой стороны нѣтъ ни одного правительства, въ которомъ частная воля господствовала и повелѣвала бы болѣе легко надъ всѣми другими волями. Все направлено къ одной и той же цѣли; это вѣрно; но эта цѣль не есть вовсе общественное благо, и самая сила администраціи обращается безпрестанно во вредъ государства.

Короли хотятъ быть абсолютными, а еще издали имъ кричатъ, что лучшее средство стать таковыми— это заставить управляемые ими народы любить себя. Эта мысль прекрасна и даже вѣрна въ извѣстныхъ отношеніяхъ; къ несчастью надъ этой мыслью всегда будутъ издѣваться при дворахъ. Могущество, которое доставляется любовью народа — безъ сомнѣнія очень велико, но могущество это условно и непрочно; никогда государи не удовлетворятся имъ. Даже лучшіе короли желаютъ имѣть возможность быть, если имъ это будетъ угодно, злыми, не переставая въ то же время быть повелителями; политическій проповѣдникъ напрасно будетъ имъ говорить, что такъ какъ сила народа—ихъ сила, то величайшій ихъ интересъ въ томъ и заключается, чтобы народъ процвѣталъ, былъ многочисленъ и могучъ; они хорошо знаютъ, что это неправда. Личный интересъ монарховъ прежде всего заключается въ томъ, чтобы народъ былъ слабъ, бѣденъ и чтобы онъ никогда не могъ имъ сопротивляться. Я признаю, что если предположить, что подданные останутся всегда чрезвычайно покорными, то интересъ государя дѣйствительно заключался бы въ томъ, чтобы народъ былъ

могущественнымъ, дабы это могущество, будучи въ то же время собственнымъ могуществомъ монарха, внушало бы его сосѣдямъ страхъ передъ нимъ. Но такъ какъ этотъ интересъ играетъ только второстепенную и подчиненную роль и такъ какъ оба предположенія, могущество народа и въ то же время его безусловная покорность несовмѣстимы [3], то естественно, что государи отдаютъ всегда предпочтеніе правилу, представляющему для нихъ наибольшую непосредственную пользу. На это указывалъ рѣзко евреямъ Самуилъ [4]; это же наглядно доказалъ Маккіавели [5]. Дѣлая видъ, что онъ даетъ уроки королямъ, онъ далъ большіе уроки народамъ. „Князь“ Маккіавели есть книга республиканцевъ *). Мы нашли по общимъ основаніямъ, что монархія свойственна только большимъ государствамъ, и то же самое мы найдемъ, изслѣдуя монархію саму по себѣ. Чѣмъ многочисленнѣе общественная администрація, тѣмъ болѣе отношеніе правителя къ подданнымъ уменьшается и приближается къ равенству, такъ что это отношеніе становится въ демократіи равнымъ единицѣ, т. е. дѣлается равенствомъ [6]. То же отношеніе государя къ подданнымъ увеличивается по мѣрѣ того,

*) Маккіавели былъ честнымъ человѣкомъ и хорошимъ гражданиномъ, но, привязанный къ дому Медичисовъ, онъ былъ вынужденъ въ угнетенномъ отечествѣ своемъ скрывать свою любовь къ свободѣ. Самый выборъ его отвратительнаго героя довольно ясно указываетъ на его тайныя намѣренія; и противоположность мыслей, высказанныхъ имъ въ его книгѣ о *Князѣ* съ мыслями, которыя онъ высказалъ въ своихъ *Рѣчахъ о Титѣ Ливіи* и въ своей *Исторіи Флоренціи* доказываетъ, что этотъ глубокій политикъ имѣлъ до сихъ поръ только развращенныхъ или поверхностныхъ читателей. Римскій дворъ сурово запретилъ его книгу; я это отлично понимаю; этотъ-то дворъ онъ и обрисовалъ самымъ яснымъ образомъ.

какъ правительство суживается; оно достигаетъ своего *максимума*, когда правительство сосредоточено въ рукахъ одного человѣка. Тогда между государемъ и народомъ разстояніе становится слишкомъ большимъ, и у государства не достаетъ необходимыхъ связей. Чтобы образовать ихъ, необходимы посредствующія сословія, необходимы принцы, гранды, знать, чтобы наполнить ихъ ряды [7]; а все это не подъ силу маленькому государству, которое всѣ эти ступени разорили бы. Но если трудно, чтобы большое государство хорошо управлялось, то еще труднѣе, чтобы оно хорошо управлялось однимъ человѣкомъ; а каждый знаетъ, что происходитъ, когда король назначаетъ вмѣсто себя замѣстителей.

Неизбѣжнымъ и чувствительнымъ недостаткомъ монархическаго правительства, который всегда ставитъ это послѣднее ниже республиканскаго, заключается въ томъ, что въ республикѣ голосъ общества выдвигаетъ на первыя мѣста только людей способныхъ и образованныхъ, которые занимаютъ свои мѣста съ честью; тогда какь тѣ, которые выдвигаются въ первые ряды въ монархіяхъ, чаще всего суть только мелкіе смутьяны, мелкіе плуты, мелкіе интриганы; ихъ мелкіе таланты, доставляющіе при дворахъ крупныя мѣста, служатъ только для того, чтобы показать обществу всю неспособность ихъ, какъ только эти люди добьются высокихъ постовъ. Народъ ошибается гораздо меньше въ выборѣ, чѣмъ государь, и человѣкъ истинно заслуженный составляетъ такую же рѣдкость въ министерствѣ [8], какую составляетъ дуракъ во главѣ республиканскаго правительства. Поэтому-то, когда по какой нибудь счастливой случайности одинъ изъ людей рожденныхъ для власти, беретъ въ руки руль управленія въ монархіи, дове-

денной почти до гибели кучей этихъ милыхъ управителей, то всѣ приходятъ въ глубокое изумленіе отъ находимыхъ имъ рессурсовъ, и управленіе такого человѣка составляетъ эпоху въ странѣ [9].

Чтобы монархическое государство могло быть хорошо управляемо, необходимо, чтобы его величина или его территорія [10] была соразмѣрена со способностями того, кто управляетъ этимъ государствомъ. Гораздо легче завоевывать, чѣмъ управлять. Имѣя въ своемъ распоряженіи достаточной величины рычагъ, можно пальцемъ поколебать міръ, но чтобы поддержать его, нужны плечи Геркулеса. Пусть только государство будетъ достаточно велико, государь будетъ всегда слишкомъ малъ. Когда, напротивъ, государство слишкомъ мало для своего повелителя, что случается очень рѣдко, то оно все-таки плохо управляется, потомучто повелитель, принимая во вниманіе лишь ширь своихъ замысловъ, забываетъ интересы народовъ и злоупотребляя талантами, которыхъ у него слишкомъ много, дѣлаетъ ихъ не менѣе несчастными, чѣмъ начальникъ ограниченный—недостаткомъ талантовъ, которыхъ у него нѣтъ. Нужно было бы, чтобы королевство, такъ сказать, расширялось или сокращалось при всякомъ новомъ царствованіи, сообразно со способностями каждаго государя; тогда какъ, въ виду того, что таланты сената имѣютъ размѣры болѣе опредѣленные [11], государство можетъ обладать постоянными границами, и управленіе будетъ вестись всегда очень хорошо.

Наиболѣе чувствительное неудобство правительства одного человѣка заключается въ отсутствіи того постояннаго преемства, которое образуетъ въ двухъ другихъ формахъ непрерывную связь. Разъ король умеръ, нуженъ другой король; выборы оставляютъ

опасные промежутки; они проходятъ бурно; и если только граждане не обладаютъ честностью и неподкупностью, съ которыми это правительство не связано, въ выборы вмѣшивается подкупъ и интриги. Трудно, чтобы тотъ, кому государство себя продало, не продалъ бы его въ свою очередь не вернулъ бы себѣ за счетъ слабыхъ тѣ затраты, которыя заставили его произвести сильные. Рано или поздно все становится продажнымъ при подобномъ управленiи, и миръ, которымъ пользуются подъ управленiемъ такихъ королей, гораздо хуже, чѣмъ безпорядокъ междуцарствiй.

Что-же было предпринято, чтобы предупредить это зло? Сдѣлали короны наслѣдственными въ извѣстныхъ семьяхъ и установили порядокъ наслѣдiя, предупреждающiй всякiй споръ послѣ смерти королей. Это значитъ, что замѣняя неудобства выборовъ неудобствами регентства, народы предпочли наружное спокойствiе мудрому управленiю и сочли лучшимъ имѣть въ качествѣ главъ государства дѣтей, чудовищъ, дураковъ, чѣмъ спорить о выборѣ хорошихъ королей; при этомъ не обратили вниманiя на то, что подвергая себя, такимъ образомъ риску случая [12], народы имѣютъ почти всѣ шансы противъ себя. Очень разумнымъ былъ отвѣтъ молодого Дениса, которому отецъ упрекая его въ какомъ-то постыдномъ поступкѣ, сказалъ разъ: „Развѣ я тебѣ далъ примѣръ?—Ахъ, отвѣтилъ сынъ, вашъ отецъ не былъ королемъ“.

Все способствуетъ тому, чтобы отнять и справедливость и разумъ у человѣка воспитаннаго для того, чтобы повелѣвать другими. Говорятъ, что прилагается много старанiй, чтобы научить молодыхъ принцевъ искусству управлять; не видно однако, чтобы это воспитанiе принесло имъ пользу. Гораздо лучше было бы начать съ обученiя ихъ искусству повиноваться.

Величайшіе монархи, которыхъ прославила исторія, не были воспитаны для того, чтобы царствовать; это—наука, которою обладаютъ тѣмъ менѣе, чѣмъ больше ее изучаютъ, и которая гораздо лучше усвоивается путемъ повиновенія, чѣмъ путемъ властвованія. „Nam utilissimus idem ac brevissimus bonarum malarumque rerum delectus, cogitare quid aut nolueris sub alio principe, aut volueris“ [13].

Слѣдствіемъ этого отсутствія послѣдовательности, является непостоянство королевскаго правительства которое дѣйствуя, то по одному плану, то по другому, сообразно съ характеромъ государя, или лицъ, правящихъ вмѣсто него, не можетъ долго заниматься опредѣленнымъ предметомъ, ни вести себя послѣдовательно. Эта измѣнчивость заставляетъ всегда государство колебаться, переходить отъ одного правила къ другому, отъ одного проэкта къ другому, что не имѣетъ мѣста въ другихъ правительствахъ, въ которыхъ государь всегда одинъ и тотъ же. Поэтому въ общемъ можно замѣтить, что если дворъ проявляетъ больше хитрости, то сенатъ обнаруживаетъ больше мудрости, и что республики идутъ къ своимъ цѣлямъ по болѣе послѣдовательнымъ и болѣе постояннымъ планамъ; тогда какъ каждая революція въ министерствѣ производитъ революцію въ государствѣ, потому что правило, общее для всѣхъ министровъ и почти для всѣхъ королей—это во всякомъ дѣлѣ принимать рѣшенія, противоположныя рѣшеніямъ ихъ предшественниковъ.

Изъ этой безсвязности проистекаетъ также и софизмъ, къ которому очень склонны королевскіе политики. Софизмъ этотъ заключается не только въ сравненіи гражданскаго правительства съ управленіемъ домашнимъ и государя съ отцомъ семейства, ошибка уже опровергнутая [14], но и въ щедромъ надѣ-

леніи этого правителя всѣми добродѣтелями, которыя необходимы для него, и въ постоянномъ предположеніи, что государь всегда таковъ, какимъ онъ долженъ быть: предположеніе, при которомъ королевское правительство является очевидно предпочтительнѣе всякаго другого, потому что оно, неоспоримо, наиболѣе сильное и для того, чтобы быть еще и наилучшимъ, ему не достаетъ только корпоративной воли болѣе согласной съ общей волей. Но если, какъ увѣряетъ Платонъ, король по природѣ есть существо весьма рѣдкое, то сколько разъ природа и случайность совпадутъ для его коронованія. И если королевское воспитаніе по необходимости развращаетъ тѣхъ, которые его получаютъ, то чего ожидать отъ цѣлаго ряда людей, воспитанныхъ для того чтобы царствовать? Итакъ, только цѣною самообмана, можно смѣшивать королевское управленіе съ управленіемъ хорошаго короля. Чтобы видѣть, что такое это управленіе само по себѣ, необходимо его разсмотрѣть при государяхъ ограниченныхъ или злыхъ, потому что или они вступятъ такими на тронъ, или тронъ сдѣлаетъ ихъ таковыми.

Эти трудности не ускользнули отъ вниманія нашихъ авторовъ, но они этимъ не смутились. Исходъ, говорятъ они, заключается въ томъ, чтобы повиноваться безропотно [15]. Богъ посылаетъ дурныхъ королей въ гнѣвѣ своемъ и ихъ слѣдуетъ переносить, какъ небесную кару. Это поученіе, безъ сомнѣнія, очень назидательно, но оно, пожалуй, умѣстнѣе съ кафедры проповѣдника, чѣмъ въ политической книгѣ. Чтобы вы сказали о врачѣ, который обѣщаетъ чудеса и все искусство котораго заключается въ увѣщеваніи своего больного терпѣть? Всѣмъ хорошо извѣстно, что нужно терпѣть плохое правительство, разъ оно существуетъ,

но вопросъ вѣдь въ томъ, чтобы найти хорошее правительство.

---

[1] Такимъ образомъ, согласно Руссо законная монархія глубоко отличается отъ деспотизма. Власть короля вручена ему верховнымъ народомъ и король можетъ пользоваться ею только согласно закону. Сама монархія является республиканской.

[2] Слово „представляетъ" не должно быть принято здѣсь въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ суверенитетъ не делегируется и король представляетъ его въ такой же малой степени, какъ и любая коллегія магистратовъ: см. кн. II, гл. 1-я и кн. III, гл. 15-я. Руссо хочетъ сказать только, что въ аристократіи, напримѣръ, корпорація магистратовъ, существо коллективное, поступаетъ какъ индивидъ и что законъ, преодолѣвая большія затрудненія, пытается придать ей аттрибуты личности: чувствительность, волю, *я* (см. кн. III, гл. 1), тогда какъ въ монархіи реальная личность, живой индивидъ сосредоточиваетъ въ своемъ лицѣ всю исполнительную власть, довѣренную ему членами суверена.

[3] А именно: 1) чтобы подданные всецѣло подчинялись и 2) чтобы въ то же время народъ былъ настолько могуществен, насколько это возможно. Могущество народа предполагаетъ у отдѣльныхъ индивидовъ духъ инициативы и независимости.

[4] Слова Самуила евреямъ, требовавшимъ царя (I-я кн. Самуила гл. 8-я. стихи 10—18).

[5] Макіавель (1469—1527) знаменитый флорентинскій историкъ и политическій писатель; главныя сочиненія его: „Разсужденіе о Титѣ Ливіи" и „Князь". Толкованіе, которое Руссо даетъ въ этомъ примѣчаніи „макіавелистической" доктринѣ было также предложено и Дидро въ Энциклопедіи, но теперь это толкованіе почти цѣликомъ отвергнуто. Руссо намекаетъ здѣсь, главнымъ образомъ, на 2-ю гл. II-й кн. „Разсужденія о Титѣ Ливіи".

[6] Отношеніе обозначаетъ здѣсь разницу. Въ чистой демократіи, гдѣ каждый гражданинъ обладаетъ частью исполнительной власти, государь состоитъ изъ столькихъ же членовъ, сколько подданныхъ въ государствѣ: $G = E$ или $\frac{G}{E} = 1$. Но въ монархіи гдѣ $G = S$ разница между обоими членами отношенія достигаетъ своего максимума.

[7] Монтескье говоритъ точно также: „Власти промежуточныя

подчиненныя и зависимыя, составляютъ природу монархическаго правительства. „*Духъ Законовъ*" кн. II, гл. 4-я.

[8] Слово *министерство* примѣняется собственно къ должности помощниковъ и совѣтниковъ монарха, а не къ должности главъ республики.

[9] Комплиментъ по адресу тогдашняго перваго министра Франціи Шуазеля, благосклонность котораго Руссо, какъ онъ самъ объ этомъ заявляетъ въ „Исповѣди" часть II, кн. 10-я, хотѣлъ, такимъ образомъ, обезпечить себѣ. Весь этотъ параграфъ, впрочемъ, былъ вставленъ Руссо въ первоначальный текстъ въ послѣднюю минуту (Письмо къ Рею отъ 6 января 1762 г.). Это не спасло, однако, книгу отъ преслѣдованій.

[10] Величина государства зависитъ отъ числа жителей; его поверхность отъ занимаемой имъ территоріи.

[11] Прежде всего, потому, что избраніе гарантируетъ у всѣхъ сенаторовъ наличность извѣстнаго таланта; а затѣмъ, потому что между ними образуется что-то въ родѣ равнодѣйствующей.

[12] То есть риску, что дурные монархи наслѣдуютъ хорошимъ. Неблагопріятныхъ шансовъ гораздо больше, чѣмъ благопріятныхъ, какъ это показываетъ дальнѣйшее разсужденіе и приведенный анекдотъ.

[13] Тацитъ. Исторія. I, 16. „Ибо лучшее и въ то же время наиболѣе вѣрное средство, чтобы различить добро отъ зла—это задать себѣ вопросъ, чего бы ты захотѣлъ или не захотѣлъ, если бы не ты, а другой былъ королемъ".

[14] Кн. I, гл. 2-я.

[15] См. *Боссюэ* „Политика, извлеченная изъ св. писанія, кн. IV, §§ 1 и 2.

ГЛАВА VII.

О правительствахъ смѣшанныхъ.

Собственно говоря, правительства простого не существуетъ. Необходимо, чтобы единственный глава государства имѣлъ подчиненныхъ чиновниковъ; необхо-

димо, чтобы народное правительство имѣло главу. Такимъ образомъ, при раздѣленіи исполнительной власти, существуетъ всегда градація отъ большаго числа къ меньшему, съ той разницей, что иногда большее число зависитъ отъ меньшаго, а иногда меньшее отъ большаго.

Иногда происходитъ равное раздѣленіе, когда напр. составныя части находятся во взаимной зависимости, какъ въ англійскомъ правительствѣ [1] или когда власть каждой части независима, но не совершенна, какъ въ Польшѣ [2]. Эта послѣдняя форма—дурна, такъ какъ въ правительствѣ нѣтъ единства, а у государства нѣтъ связи.

Какое изъ правительствъ лучше, правительство простое или правительство смѣшанное? Этотъ вопросъ очень оживленно обсуждался политиками, и на этотъ вопросъ нужно дать тотъ же отвѣтъ, который я далъ выше относительно всякой формы правительства [3].

Правительство простое самое лучшее, само по себѣ, хотя бы по одному тому, что оно простое. Но когда исполнительная власть не зависитъ въ достаточной степени отъ законодательной, т. е., когда между государемъ и сувереномъ существуетъ большее отношеніе, чѣмъ между государемъ и народомъ [4], то этотъ недостатокъ пропорціональности слѣдуетъ исправить, раздѣливъ правительство; потому что тогда всѣ части его, вмѣстѣ взятыя, имѣютъ не меньше власти по отношенію къ подданымъ, раздѣленіе же этихъ частей дѣлаетъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ менѣе сильными по сравненію съ сувереномъ.

То же самое неудобство можно устранить путемъ учрежденія посредствующихъ должностей, которыя, оставляя правительство въ цѣлости, служатъ лишь для уравновѣшиванія обѣихъ силъ и для поддержанія ихъ

взаимныхъ правъ[5]. Въ такомъ случаѣ правительство будетъ не смѣшаннымъ, а—умѣреннымъ.

Подобными же средствами можно устранить и противоположныя неудобства, и создать трибуналъ для его концентраціи когда правительство слишкомъ слабосильно[6]. Это практикуется во всѣхъ демократіяхъ. Въ первомъ случаѣ, правительство дѣлятъ, чтобы его ослабить, во второмъ—чтобы усилить его; потому что высшая степень и силы, и слабости встрѣчается въ простыхъ правительствахъ, тогда какъ смѣшанныя формы даютъ среднюю силу.

---

[1] Власть палаты лордовъ и палаты общинъ теоретически почти одинакова. Но это—власть законодательная, а не исполнительная.

[2] При польскихъ выборахъ въ 17-мъ и 18 вѣкѣ требовалось единогласіе, такъ что оппозиціи одного только индивида было достаточно для того, чтобы помѣшать постановить какое бы то ни было рѣшеніе. Это и было то, что называли Liberum veto.

[3] См. III кн., гл. 3, конецъ.

[4] Если монархъ держится слишкомъ независимо и злоупотребляетъ въ своемъ личномъ интересѣ частью власти, довѣренной ему сувереномъ, то равенство отношеній, установленныхъ въ I гл. нарушено и $\frac{S}{G} >$ (больше) $\frac{G}{E}$. Власть, довѣренная сувереномъ монарху, не идетъ уже цѣликомъ на пользу государства.

[5] См. кн. IV, гл. 5-я „О трибунатѣ“.

[6] Подъ *трибуналами* разумѣется здѣсь корпорація чиновниковъ вобще. Руссо очевидно хочетъ указать на инспекціонныя и наблюдательныя коммисіи, назначеніе которыхъ обозначаетъ исполненіе законовъ.

ГЛАВА VIII.

О томъ, что не всякая форма правительства пригодна дла всякой страны.

Такъ какъ свобода не есть плодъ, свойственный всѣмъ климатамъ, то и не всѣ народы могутъ ею пользоваться. Чѣмъ больше думать надъ этимъ принципомъ, установленнымъ Монтескье [1], тѣмъ болѣе убѣждаешься въ его истинности; и чѣмъ болѣе онъ оспаривается, тѣмъ болѣе можно найти случаевъ для его подтвержденія путемъ новыхъ доказательствъ.

При всѣхъ правительствахъ міра общественная личность потребляетъ, но ничего не производитъ. Откуда же она получаетъ потребляемые ею предметы? Очевидно отъ труда своихъ членовъ. Изъ излишка частныхъ лицъ составляется необходимое для общества. Откуда вытекаетъ, что гражданское состояніе не можетъ существовать иначе, какъ поскольку трудъ людей производитъ больше, чѣмъ имъ самимъ нужно.

Но этотъ излишекъ не одинъ и тотъ же во всѣхъ странахъ міра; во многихъ странахъ онъ значителенъ; въ другихъ—не особенно великъ; въ третьихъ излишка вовсе нѣтъ; а въ иныхъ не хватаетъ и необходимаго. Это отношеніе зависитъ отъ качествъ климата, отъ свойствъ труда, требуемаго почвой, отъ природы ея произведеній, отъ силы жителей, отъ необходимаго для послѣднихъ большаго или меньшаго потребленія и отъ многихъ другихъ подобныхъ отношеній, изъ которыхъ слагается основное отношеніе между необходимымъ и излишкомъ.

Съ другой стороны—не всѣ правительства имѣютъ одну и ту же природу: есть болѣе или менѣе прожор-

ливыя; различія между ними основаны на томъ принципѣ, что, чѣмъ болѣе общественныя повинности удалены отъ своего источника, тѣмъ болѣе онѣ отяготительны. Эту тяжесть слѣдуетъ измѣрять не количествомъ налоговъ, но длиною пути, который они должны пройти, чтобы вновь возвратиться въ тѣ руки, изъ которыхъ они вышли [2]. Когда циркуляція эта хорошо установлена и происходитъ быстро, то неважно, платитъ ли народъ много или мало: онъ всегда остается богатымъ, и финансы находятся въ хорошемъ положеніи. Напротивъ какъ бы мало народъ ни платилъ, когда и это немногое вновь къ нему не возвращается, то, продолжая постоянно давать, народъ скоро истощается: государство въ такомъ случаѣ никогда не будетъ богато, а народъ всегда будетъ нищимъ.

Отсюда слѣдуетъ что чѣмъ болѣе увеличивается разстояніе между народомъ и правительствомъ, тѣмъ тягостнѣе становятся налоги: такимъ образомъ, въ демократіи народъ менѣе всего отягощенъ; въ аристократіи онъ отягощенъ въ большей степени, а въ монархіи онъ несетъ наибольшую тягость (налоговъ). Итакъ монархія пригодна только для націй богатыхъ; аристократія для государствъ посредственныхъ какъ по богатству, такъ и по величинѣ, а демократія для государствъ бѣдныхъ и небольшихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ больше мы размышляемъ, тѣмъ болѣе мы найдемъ различій въ данномъ отношеніи между государствами свободными и монархическими; въ первыхъ все направлено къ общей пользѣ, во вторыхъ силы общественныя и частныя взаимно противоположны и однѣ изъ нихъ увеличиваются путемъ ослабленія другихъ [3]). Наконецъ, вмѣсто того, чтобы управлять подданными съ цѣлью сдѣлать

ихъ счастливыми, деспотизмъ дѣлаетъ ихъ несчастными, дабы управлять ими.

Таковы во всякомъ климатѣ тѣ естественныя причины, по которымъ можно опредѣлить форму правительства, предуказываемую для данной страны характеромъ климата и даже указать, какой родъ жителей эта страна должна имѣть.

Мѣста неблагодарныя и безплодныя, гдѣ продуктъ не стоитъ затраченнаго на него труда, должны остаться необработанными и пустынными, или населенными одними дикарями; мѣста, гдѣ человѣческій трудъ доставляетъ только самое необходимое для существованія, должны быть населены народами варварскими: всякая государственная жизнь была бы тамъ невозможна; страны, гдѣ излишекъ продукта надъ затраченнымъ трудомъ средній, пригодны для свободныхъ народовъ; тѣ мѣста, гдѣ плодородная и обильная почва даетъ много продуктовъ при малой затратѣ труда, могутъ управляться монархически, чтобы, благодаря роскоши государя, потребить излишекъ, остающійся у подданныхъ, потому что лучше, чтобы этотъ излишекъ былъ поглощенъ правительствомъ, чѣмъ растраченъ частными лицами [4]. Бываютъ исключенія, я это знаю, но и въ этихъ исключительныхъ случаяхъ общее правило находитъ подтвержденіе, ибо исключенія кончаются рано или поздно революціями, которыя возстановляютъ естественный порядокъ вешей.

Будемъ всегда различать общіе законы отъ тѣхъ частныхъ причинъ, которыя могутъ измѣнить ихъ слѣдствія. Если бы даже весь югъ былъ покрытъ республиками, а весь сѣверъ деспотическими государствами, тѣмъ не менѣе, оставалось бы вѣрнымъ то, что, по климатическимъ условіямъ, деспотизмъ при-

годенъ для теплыхъ странъ, варварство для странъ холодныхъ, а правильная государственная жизнь для странъ промежуточныхъ. Я понимаю, что, соглашаясь съ принципомъ, можно спорить съ его примѣненіемъ: могутъ сказать, что есть страны холодныя очень плодородныя и страны южныя, весьма неблагодарныя. Но эта трудность является таковой только для тѣхъ, которые не изслѣдуютъ вещи во всѣхъ ея отношеніяхъ. Необходимо, какъ я уже сказалъ, принять во вниманіе отношенія труда, силъ, потребленія и т. д.

Предположимъ, что изъ двухъ равныхъ участковъ земли одинъ приноситъ пять, а другой десять. Если жители перваго участка потребляютъ четыре, а жители послѣдняго девять, то излишекъ перваго составитъ одну пятую часть всѣхъ продуктовъ, а второго одну десятую. Отношенія между этими излишками, будучи обратными отношенію между продуктами, участокъ, который производитъ только пять, даетъ двойной избытокъ сравнительно съ участкомъ, который приноситъ десять.

Но вопросъ идетъ не о двойномъ продуктѣ, и я не думаю, чтобы кто-нибудь рѣшился сравнить въ общемъ плодородіе странъ холодныхъ съ плодородіемъ странъ теплыхъ [5]. Тѣмъ не менѣе, допустимъ это равенство. Сравнимъ, если угодно, Англію съ Сициліей и Польшу съ Египтомъ. Далѣе, на югъ у насъ останется еще Африка и Индія, а на сѣверъ у насъ дальше ничего нѣтъ. При всемъ равенствѣ въ продуктѣ, какое различіе въ культурѣ! Въ Сициліи нужно только поцарапать землю; а въ Англіи сколько заботъ надо употребить для того, чтобы воздѣлать почву. А вѣдь тамъ, гдѣ нужно больше рукъ, чтобы получить тотъ же продуктъ, излишекъ долженъ быть по необходимости меньше.

Замѣтьте, кромѣ того, что то же количество людей потребляетъ гораздо меньше въ странахъ жаркихъ. Климатъ этихъ странъ требуетъ, чтобы жители были умѣренны въ ѣдѣ для того, чтобы быть здоровыми.

Европейцы, которые желаютъ жить тамъ какъ у себя, гибнутъ отъ дизентеріи и несваренія. „Мы, говоритъ Шарденъ [6], плотоядныя животныя, волки, въ сравненіи съ азіатами. Нѣкоторые приписываютъ умѣренность персіянъ тому, что ихъ страна менѣе обработана, а я, напротивъ, полагаю, что ихъ страна менѣе изобильна припасами потому, что жителямъ ихъ надо меньше. Если бы ихъ умѣренность, продолжаетъ онъ, была бы результатомъ неурожайности страны, то ѣли бы мало только бѣдняки, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности тамъ всѣ ѣдятъ мало; и ѣли бы больше или меньше въ каждой провинціи, сообразно съ плодородіемъ мѣстности, между тѣмъ одна и та же умѣренность господствуетъ во всемъ государствѣ. Они сильно хвалятся своимъ образомъ жизни, говоря, что достаточно только посмотрѣть на ихъ цвѣтъ лица, чтобы признать, насколько ихъ образъ жизни лучше образа жизни христіанъ. Въ самомъ дѣлѣ, цвѣтъ лица персіянъ ровный, кожа у нихъ красивая, тонкая и гладкая, тогда какъ цвѣтъ лица у армянъ, ихъ подданныхъ, которые живутъ по европейски, грубый, нечистый, а тѣла ихъ толсты и тяжелы".

Чѣмъ ближе къ экватору, тѣмъ меньше нужно людямъ. Они почти не ѣдятъ мяса; рисъ, маисъ, кускусъ, маніока, служатъ обыкновенной ихъ пищей. Въ Индіи есть милліоны людей, пища которыхъ не стоитъ и одного су въ день. Мы замѣчаемъ даже въ Европѣ чувствительную разницу въ аппетитѣ между народами сѣвера и юга. Испанецъ проживетъ восемь дней

обѣдомъ одного нѣмца. Въ странахъ, гдѣ люди болѣе прожорливы, роскошь обращена, главнымъ образомъ на предметы потребленія. Въ Англіи роскошь проявляется въ нагроможденіи на столъ мясныхъ блюдъ; въ Италіи васъ угощаютъ сахаромъ и цвѣтами.

Роскошь въ одеждахъ представляетъ подобное же различіе. Въ климатахъ, гдѣ перемѣны временъ года быстры и рѣзки, одежда лучше и проще. Въ странахъ, гдѣ одѣваются только для украшенія, стремятся больше къ блеску, чѣмъ къ пользѣ, самая одежда является роскошью. Въ Неаполѣ вы можете увидѣть каждый день на Позилиппо людей, прогуливающихся въ затканномъ золотомъ кафтанѣ, но безъ чулокъ. То же самое надо замѣтить и о зданіяхъ: когда нечего бояться непогоды, тогда все вниманіе обращается на великолѣпіе. Въ Парижѣ, въ Лондонѣ стремятся устраивать теплыя и удобныя квартиры; въ Мадридѣ устраиваютъ великолѣпные салоны, но зато нѣтъ закрывающихся оконъ, а спятъ въ крысиныхъ норахъ.

Въ теплыхъ странахъ пищевые продукты болѣе существенны и питательны; это третье различіе, которое не можетъ не оказать вліянія на второе. Почему ѣдятъ столько овощей въ Италіи? потому что овощи тамъ доброкачественны, питательны и очень вкусны. Во Франціи, гдѣ овощи питаются только водой, они сами не питательны и не имѣютъ почти никакого значенія въ обѣдѣ, а тѣмъ не менѣе они занимаютъ не меньшіе участки земли, а воздѣлывать ихъ стоитъ, по крайней мѣрѣ, такого же труда. Опытъ показалъ, что хлѣбныя растенія варварской страны, къ тому же низшіе качествомъ, чѣмъ хлѣбныя растенія Франціи, даютъ тѣмъ не менѣе гораздо больше муки; а хлѣбныя растенія Франціи, въ свою очередь, даютъ больше муки, чѣмъ хлѣбныя растенія сѣвера. Отсюда можно вывести за-

ключеніе что подобная постепенность наблюдается вообще по направленію отъ экватора къ полюсу. А развѣ это не очевидная невыгода получать изъ равнаго количества продуктовъ меньшее количество пищи?

Ко всѣмъ этимъ различнымъ соображеніямъ я могу прибавить еще одно, которое изъ нихъ вытекаетъ и ихъ подкрѣпляетъ; это—что теплыя страны менѣе нуждаются въ обитателяхъ, чѣмъ страны холодныя, кормить же могутъ больше. Это даетъ въ результатѣ двойной избытокъ, къ выгодѣ опять-таки деспотизма. Чѣмъ большее пространство занимаетъ одно и то же количество жителей, тѣмъ труднѣе становятся возстанія, потому что нельзя собраться ни быстро, ни тайно, и потому что правительству всегда легко разстроить проекты возстанія и отрѣзать пути сообщенія. Но чѣмъ теснѣе живетъ многочисленный народъ, тѣмъ менѣе правительство можетъ узурпировать права суверена: главари совѣщаются въ своихъ квартирахъ такъ же безопасно, какъ государь въ своемъ совѣтѣ, и толпа такъ же быстро собирается на площадяхъ, какъ войско въ своихъ казармахъ. Преимущество тиранническаго правительства проявляется въ томъ, что оно дѣйствуетъ на большихъ разстояніяхъ. Съ помощью имѣющихся въ его распоряженіи точекъ опоры, сила его на большихъ разстояніяхъ увеличивается, какъ сила рычага *). Сила же народа, напро-

---

*) Это не противорѣчитъ тому, что я сказалъ ранѣе (книга II, гл. IX) о неудобствахъ большихъ государствъ, потому что тамъ рѣчь шла о власти правительства по отношенію къ своимъ членамъ, а здѣсь дѣло идетъ о силѣ его, направленной противъ подданныхъ. Разсѣянные члены правительства служатъ ему точками опоры, чтобы воздѣйствовать въ отдаленныхъ мѣстахъ на народъ; но у него нѣтъ никакой точки опоры, чтобы прямо воздѣйство

тивъ, можетъ имѣть значенiе лишь въ томъ случаѣ, если она сконцентрирована; она испаряется и теряется, расширяясь, напоминая, такимъ образомъ, дѣйствiе пороха, разсыпаннаго по землѣ и воспламеняющагося отдѣльными зернами. Страны наименѣе населенныя— наиболѣе пригодны для тиранiи. Дикiе звѣри царятъ только въ пустыняхъ.

---

[1] „Духъ Законовъ“ кн. XIV и XVII.

[2] Если всякiй, собираемый съ гражданъ налогъ дѣйствительно израсходуется въ интересахъ общественныхъ, то налогъ возвращается гражданамъ подъ формой необходимыхъ услугъ. Такимъ образомъ, платить налогъ еще не значитъ бѣднѣть.

[3] „Общественныя силы“, довѣренныя правителю, противополагаются „силамъ частнымъ“ отдѣльныхъ индивидовъ, если государь заставляетъ первыя служить только своимъ личнымъ интересамъ. Въ такомъ случаѣ то, что выигрываетъ одинъ, теряетъ другой и наоборотъ.

[4] Ибо роскошь есть причина развращенности, (см. выше, кн. III, гл. 4) а такимъ образомъ, влiянiе роскоши оказывается болѣе ограниченнымъ.

[5] Руссо разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: если бы холодная страна произвела даже въ два раза больше продуктовъ, чѣмъ страна жаркая, то излишекъ все-таки могъ бы остаться большiй во второй странѣ, потому что жители жаркихъ странъ въ меньшемъ нуждаются и меньше потребляютъ. Но въ дѣйствительности гипотеза эта недопустима потому, что при самомъ усиленномъ напряженiи на сѣверѣ можно произвести только *столько*, сколько на югѣ можно добыть безъ всякаго труда. Такимъ образомъ заключенiе, которое дѣлаетъ Руссо, вытекаетъ изъ его разсужденiя еще съ большей силой.

вать на своихъ собственныхъ членовъ. Такимъ образомъ, въ одномъ случаѣ длина рычага составляетъ его слабость, а въ другомъ его силу.

[6] Шарденъ (1643—1713) сдѣлалъ нѣсколько путешествій по Персіи и опубликовалъ въ 1711 г. большой отчетъ о нихъ въ 3-хъ томахъ. Успѣхъ сочиненія Шардена былъ значительный. Монтескье широко черпалъ у Шардена.

ГЛАВА IX.

О признакахъ хорошаго правительства.

Когда ставятъ ребромъ вопросъ, какое правительство наилучшее, то задаютъ вопросъ въ такой же степени неразрѣшимый, какъ и неопредѣленный; или же, если угодно, вопросъ этотъ имѣетъ столько же вѣрныхъ рѣшеній, сколько есть возможныхъ комбинацій въ абсолютныхъ и относительныхъ положеніяхъ народовъ.

Но если бы спросили, по какимъ признакамъ можно узнать, что данный народъ хорошо или плохо управляется, то это было бы уже нѣчто другое, и вопросъ факта могъ бы быть разрѣшенъ.

Тѣмъ не менѣе вопросъ этотъ не разрѣшается, потому что каждый хочетъ разрѣшить его по-своему. Подданные хвалятъ общественное спокойствіе; граждане—свободу частныхъ лицъ [1]); одинъ предпочитаетъ неприкосновенность имущества, а другой неприкосновенность личности; одинъ увѣряетъ, что лучшее правительство должно быть и самымъ суровымъ, а другой — что оно должно быть самымъ мягкимъ; одинъ требуетъ, чтобы преступленія наказывались, а другой, чтобы они предупреждались; одинъ находитъ прекраснымъ, чтобы сосѣди боялись его, а другой

предпочитаетъ быть неизвѣстнымъ; одинъ доволенъ, когда деньги обращаются, а другой требуетъ, чтобы у народа былъ хлѣбъ. Даже если бы и пришли къ соглашенію по этимъ пунктамъ и другимъ подобнымъ, подвинулось-ли бы отъ этого дѣло впередъ? Разъ нѣтъ точной мѣрки для моральныхъ качествъ, то если бы и состоялось соглашеніе относительно признаковъ, какъ придти къ соглашенію относительно оцѣнки этихъ признаковъ?

Что касается меня, то я всегда удивляюсь тому, что не обращаютъ вниманія на слѣдующій простой признакъ или, что нарочно не хотятъ придти къ соглашенію относительно него. Какова цѣль политической ассоціаціи?—Сохраненіе и благоденствіе ея членовъ. А какой наиболѣе вѣрный признакъ того, что они сохраняются и благоденствуютъ? Это—количество ихъ и ростъ населенія. Не ищите въ другомъ мѣстѣ этотъ столь оспариваемый признакъ; при равныхъ прочихъ условіяхъ правительство, при которомъ безъ иностранной помощи, безъ натурализаціи, безъ колоній граждане размножаются и разселяются все больше и больше,—и есть безспорно наилучшее правительство. То правительство, при которомъ народъ уменьшается и погибаетъ—наихудшее. Математики, теперь дѣло за вами; считайте, измѣряйте и сравнивайте *).

---

[1] Подданные въ монархіи, граждане въ демократіи.

---

*) На основаніи того же принципа нужно судить о вѣкахъ, заслуживающихъ предпочтенія по отношенію къ благоденствію рода человѣческаго. Слишкомъ изумлялись тѣмъ вѣкамъ, въ ко-

торыхъ процвѣтали науки и искусства, не проникая въ тайныя причины этого процвѣтанія и не принимая во вниманіе его гибельныхъ результатовъ. „Idque apud imperitos humanitas vocabatur, quum pars servitutis esset"—(Люди необразованные называли человѣчествомъ и такое состояніе, когда часть народа находится въ рабствѣ. (Tac. Agricola 31). Развѣ мы никогда не видимъ въ книжныхъ максимахъ грубые интересы авторовъ, которые побуждаютъ ихъ высказываться извѣстнымъ образомъ? Нѣтъ, что бы они ни говорили, но когда, не смотря на внѣшній блескъ, населеніе въ странѣ уменьшается, то это неправда, что все идетъ хорошо; и вовсе недостаточно того, чтобы какой-нибудь поэтъ имѣлъ сто тысячъ ливровъ ренты, чтобы его вѣкъ считался лучшимъ изъ всѣхъ. Нужно обращать менѣе вниманія на внѣшнюю тишину и на спокойствіе начальниковъ, и болѣе—на благосостояніе цѣлыхъ націй и въ особенности на благосостояніе государствъ съ большимъ количествомъ населенія. Градъ разоряетъ нѣсколько округовъ, но рѣдко производитъ голодъ. Бунты, гражданскія войны сильно пугаютъ главъ государства, но не они являются причиной истинныхъ несчастій народовъ, которые могутъ оставаться даже спокойными въ то время, когда идетъ споръ о томъ, кто будетъ ихъ тиранить. Истинное процвѣтаніе или бѣдствіе народовъ возникаетъ лишь изъ ихъ постояннаго состоянія; когда все задавлено подъ ярмомъ, тогда именно все и погибаетъ, тогда именно начальники, разоряя народы, сколько имъ угодно „ubi solitudinem faciunt, pacem appellant" (Обращая страну въ пустыню, называютъ это возстановленіемъ мира. Tac. Agricola, 31). Когда распри вельможъ мутили французское королевство, и когда парижскій коадъюторъ ходилъ въ парламентъ съ кинжаломъ въ карманѣ, то это не помѣшало однако французскому народу жить счастливо въ честномъ и свободномъ благоденствіи. Когда-то Греція процвѣтала среди самыхъ жестокихъ войнъ; кровь текла ручьями, а вся страна была переполнена людьми. Казалось, говоритъ Маккіавели, что среди убійствъ, проскрипцій, гражданскихъ войнъ, наша республика становилась болѣе могущественной; добродѣтель гражданъ, ихъ нравы, ихъ независимость имѣли больше значенія для укрѣпленія республики, чѣмъ всѣ ихъ раздоры—для ея ослабленія. Немного возбужденія поднимаетъ души, и процвѣтанію людей въ дѣйствительности помогаетъ гораздо больше свобода, а не миръ.

ГЛАВА X.

О злоупотребленіи правительства и о наклонности его къ вырожденію.

Какъ частная воля безпрестанно противодѣйствуетъ волѣ общей, такъ и правительство постоянно направляетъ свои усилія противъ суверенитета. Чѣмъ значительнѣе это усиліе, тѣмъ болѣе подвергается порчѣ конституція, и такъ какъ въ данномъ случаѣ [1] нѣтъ другой корпоративной воли, которая, сопротивляясь волѣ государя, уравновѣсила бы послѣднюю, то рано или поздно долженъ наступить моментъ, когда государь подавитъ, наконецъ, суверена и нарушитъ общественный договоръ. Это и есть тотъ неизбѣжный и прирожденный порокъ, который съ момента рожденія политическаго организма стремится безпрестанно къ его разрушенію, точно такъ же, какъ старость и смерть разрушаютъ, наконецъ, человѣческое тѣло.

Есть два общихъ пути, слѣдуя по которымъ правительство вырождается, а именно: или когда оно концетрируется, или когда государство распадается.

Правительство концертрируется, когда оно переходитъ отъ большого количества людей къ небольшому, т. е. когда оно переходитъ отъ демократіи къ аристократіи и отъ аристократіи—къ королевству; это его естественный уклонъ *). Если бы правительство перехо-

---

*) Медленное образованіе и прогрессъ Венеціанской республики въ ея лагунахъ представляетъ разительный примѣръ этой послѣдовательности, и достойно удивленія, что вотъ уже 1200 лѣтъ, какъ Венеціанцы находятся только во второй стадіи, на-

чавшейся съ Serrar di consiglio въ 1198 г. Что касается древнихъ герцоговъ, которыми ихъ упрекаютъ, то, что бы ни говорила Squitinio della liberta veneta, все-таки доказано, что эти герцоги не были сувенерами.

Мнѣ навѣрное укажутъ на Римскую республику, которая по мнѣнію многихъ шла путемъ совершенно обратнымъ, переходя отъ монархіи къ аристократіи и отъ аристократіи къ демократіи. Я совершенно не склоненъ соглашаться съ этимъ.

Первымъ учрежденіемъ Ромула было смѣшанное правительство, которое быстро выродилось въ деспотизмъ. По причинамъ особеннымъ государство погибло преждевременно, какъ гибнетъ иногда новорожденный, не достигнувъ зрѣлаго возраста. Изгнаніе Тарквиніевъ было настоящей эпохой рожденія республики. Но она не приняла въ началѣ постоянной формы, такъ какъ патриціатъ не былъ отмѣненъ, и дѣло было сдѣлано только на-половину

Разъ такимъ образомъ, наслѣдственная аристократія, самое худшее изъ законныхъ правительствъ, находилось въ конфликтѣ съ демократіей, то форма правительства, оставаясь неясной и зыбкой, была точно опредѣлена, (какъ это доказалъ Маккіавели), лишь съ учрежденіемъ трибуната; тогда только появились истинное правительство и истинная демократія. Въ самомъ дѣлѣ, народъ былъ тогда не только сувереномъ, но также правителемъ, судьей; сенатъ былъ только подчиненнымъ трибуналомъ, назначеніе котораго было сдерживать и концентрировать правительство. И даже сами консулы, хотя и были патриціями и первыми магистратами и военачальниками, съ абсолютной властью во время войны, въ Римѣ были не больше, какъ президентами народа.

Съ этого времени правительство начало катиться подъ уклонъ и сильно стремиться къ аристократіи. Такъ какъ патриціатъ погибалъ самъ по себѣ, то аристократія заключалась не въ классѣ патриціевъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ Венеціи и Генуѣ, но въ сенатѣ, состоявшемъ изъ патриціевъ и плебеевъ и даже въ трибунатѣ, когда трибуны начали узурпировать въ свою пользу активную власть: ибо слова не мѣняютъ сущности дѣла, и когда народъ имѣетъ начальниковъ, которые управляютъ вмѣсто него, то какое бы имя эти начальники не носили, они всегда будутъ составлять аристократію.

Злоупотребленія аристократіи породили гражданскія войны и

дило отъ малаго числа лицъ къ большому, то можно было бы сказать, что оно ослабляется: но этотъ обратный ходъ невозможенъ.

Въ самомъ дѣлѣ, правительство измѣняетъ свою форму только тогда, когда, использовавъ всѣ свои силы, оно оказывается слишкомъ слабымъ, для того, чтобы быть въ состояніи сохранить прежнюю форму. Если бы, расширяясь [2], оно продолжало, такимъ образомъ, ослабляться, то его сила стала бы совершенно ничтожной, и оно просуществовало бы еще меньшее количество времени. Итакъ, необходимо вернуться назадъ и сжать пружины государства, по мѣрѣ того какъ онѣ ослабляются, иначе государство, которое это правительство поддерживаетъ, рухнетъ [3]. Распаденіе государства можетъ наступить двоякимъ образомъ.

Во-первыхъ, когда государь перестаетъ управлять государствомъ согласно законамъ и узурпируетъ верховную власть. Тогда происходитъ замѣчательная перемѣна; не правительство, а государство съуживается: я хочу сказать, что большое государство распадается и въ его средѣ образуется новое государство, состоящее только изъ членовъ правительства, которое, по отношенію ко всему остальному народу, является только его повелителемъ и тираномъ [4]. Такимъ образомъ, въ тотъ самый моментъ, когда правительство узурпируетъ суверенитетъ, общественный договоръ расторгнутъ и всѣ простые граждане, вернувшись по праву

тріумвиратъ. Сулла, Юлій Цезарь, Августъ стали фактически истинными монархами и, наконецъ подъ вліяніемъ деспотизма Тиверія государство разложилось. Римская исторія не опровергаетъ, такимъ образомъ, моего принципа, а лишь подтверждаетъ его.

въ состояніе естественной свободы, вынуждаются, но вовсе не обязаны, повиноваться [5].

Тотъ же случай наступаетъ и тогда, когда члены правительства, каждый отдѣльно узурпируютъ власть, которой они должны пользоваться только совмѣстно; такая узурпація является не меньшимъ нарушеніемъ законовъ и производитъ еще большій безпорядокъ. Тогда появляется, такъ сказать, столько же государей, сколько есть должностей и государство, раздѣленное на части не менѣе чѣмъ правительство, гибнетъ или измѣняетъ свою форму.

Когда государство разлагается, то злоупотребленіе правительства, каково бы оно ни было,носитъ общее имя *анархіи* [6]. Въ отдѣльности демократія вырождается въ *охлократію*, аристократія въ *олигархію* [7]; я могъ бы прибавить, что монархія вырождается въ *тиранію*, но послѣднее слово двусмысленно и нуждается въ объясненіи.

Въ вульгарномъ значеніи, тиранъ — это король, который управляетъ, примѣняя насиліе и не обращая никакого вниманія ни на справедливость, ни на законы. Въ своемъ точномъ смыслѣ слово тиранъ обозначаетъ частнаго человѣка, присвоивающаго себѣ королевскую власть, не имѣя на это права. Въ этомъ, именно, смыслѣ понимали слово тиранъ — греки. Они присвоивали его безразлично и добрымъ и злымъ государямъ, власть которыхъ не была законной *). Итакъ *тиранъ* и *узурпаторъ*—вполнѣ синонимы.

*) „Omnes enim et habentur et dicuntur tyranni, qui potestate utuntur perpetua in ea civitate quae libertate usa est". (Тиранами считаются и называются всѣ тѣ, которые пользуются не смѣняемой властью въ государствѣ, ранѣе пользовавшемся свободой Corn. Nep Miltiad., c. 8). Правда, Аристотель дѣлаетъ различіе между тираномъ и королемъ въ томъ отношеніи, что первый управляетъ для своей лич-

Чтобы дать различныя имена различнымъ вещамъ, я называю тиранomъ — узурпатора царской власти, а *деспотомъ*—узурпатора суверенной власти. Тиранъ— это тотъ, кто внѣдряется въ государство вопреки закона, для того чтобы управлять по законамъ. Деспотъ же—это тотъ, кто ставитъ себя выше самихъ законовъ. Такимъ образомъ тиранъ можетъ и не быть деспотомъ, но деспотъ въ то же время всегда и тиранъ.

---

[1] То есть между сувереномъ и государемъ; всякая новая магистратура составляетъ часть тѣла государя. Это мѣсто находится въ противорѣчіи съ тѣмъ мѣстомъ VII главы этой же книги, гдѣ Руссо именно и говоритъ о промежуточныхъ корпораціяхъ, дѣлающихъ правительство „умѣреннымъ“. Здѣсь Руссо беретъ такой случай, когда никакое еще лекарство въ этомъ родѣ не было испробовано.

[2] Ибо дѣйствительная мощь правительства находится въ обратномъ отношеніи къ числу членовъ его (кн. III, гл. 2).

[3] Во всемъ этомъ отрывкѣ рѣчь идетъ только объ эволюціи, къ которой стремятся правительства въ силу „естественной наклонности“. Но суверенъ всегда въ состояніи реагировать противъ этой тенденціи потому, что онъ обладаетъ правомъ „ограничивать, измѣнять и отобрать обратно, когда ему заблагоразсудится“ власть, которую онъ довѣрилъ государю какъ своему делегату (кн. III, гл. 1-я) и Руссо нѣсколько дальше (кн. IV, гл. 18-я) разсмотритъ средства, которыя обезпечиваютъ суверену дѣйствительное пользованіе этимъ правомъ.

[4] Ибо государство, по необходимости, состоитъ изъ членовъ суверена и только изъ нихъ. Если граждане теряютъ свой сувере-

---

ной пользы, а второй лишь для пользы своихъ подданныхъ. Но помимо того, что всѣ греческіе авторы употребляли вообще слово тиранъ въ другомъ смыслѣ, какъ это доказывается въ особенности Гіерономъ изъ Ксенофонта, изъ различія, проводимаго Аристотелемъ, можно было бы вывести то заключеніе, что съ сотворенія міра не существовало до сихъ поръ ни одного короля.

нитетъ они исчезаютъ изъ государства или, вѣрнѣе, государство уничтожается.

[5] Можно было бы даже прибавить, что они „вынуждены" сопротивляться и провозгласить, при наличности государственнаго переворота, возстаніе долгомъ. Если Руссо не дѣлаетъ здѣсь этого вывода, то можетъ быть потому, что онъ не вѣритъ, чтобы народъ, допустившій, чтобы у него отняли свободу, былъ въ состояніи вновь отвоевать ее (Ср. кн. II, гл. 8-я).

[6] Теперь словомъ *анархія* обозначаютъ отсутствіе всякаго правительства. Но правительства, которыя разсматриваетъ здѣсь Руссо, могутъ быть названы анархическими, потому что у нихъ нѣтъ больше законной власти, разъ они порвали связь, которая ставила ихъ въ зависимость отъ суверена.

[7] *Охлократія*—правленіе черни; олигархія—правленіе немногихъ. Эти слова пріобрѣли неблагопріятное значеніе.

ГЛАВА XI.

О смерти политическаго тѣла.

Таково естественное и неизбѣжное паденіе наилучше устроенныхъ правительствъ. Если Спарта и Римъ погибли, то какое государство можетъ надѣяться вѣчно существовать? Если мы желаемъ образовать прочное учрежденіе, не будемъ думать, что мы можемъ сдѣлать его вѣчнымъ. Чтобы имѣть успѣхъ, не слѣдуетъ стремиться къ невозможному, ни думать, что можно придать дѣлу рукъ человѣческихъ такую прочность, какая человѣческому произведенію не доступна.

Политическій организмъ точно такъ же, какъ и человѣческое тѣло, начинаетъ умирать съ момента своего рожденія и носитъ въ самомъ себѣ причины своего разрушенія. Но и тотъ и другой организмъ

можетъ имѣть болѣе или менѣе крѣпкую конституцію, приспособленную къ тому, чтобы сохранить тѣло болѣе или менѣе продолжительное время. Конституція человѣка есть дѣло природы; конституція государства—произведеніе искусства [1]. Не отъ людей зависитъ продолжить ихъ жизнь, но отъ нихъ зависитъ продолжить жизнь государства на сколько возможно дольше, давъ ему возможно лучшую конституцію. Наилучше устроенное государство придетъ къ концу, но позже чѣмъ другое, если какой нибудь непредвидѣнный случай не погубитъ его преждевременно.

Принципъ политической жизни заключается въ суверенной власти. Законодательная власть есть сердце государства; исполнительная власть—его мозгъ, приводящій въ движеніе всѣ его части. Мозгъ можетъ быть парализованъ, а индивидъ будетъ все еще жить. Человѣкъ становится идіотомъ и все-таки живетъ, но какъ только сердце прекратило свои функціи, животное умираетъ.

Существованіе государства поддерживается не законами, а законодательной властью [2]. Вчерашній законъ не обязываетъ сегодня, но молчаніе понимается какъ молчаливое согласіе, и считается, что суверенъ безпрестанно подтверждаетъ законы, которыхъ онъ не отмѣняетъ, хотя и въ состояніи это сдѣлать. Все, что суверенъ объявилъ какъ свою волю одинъ разъ, продолжаетъ быть его волей, пока онъ ея не отмѣнитъ.

Почему же относятся съ такимъ уваженіемъ къ старымъ законамъ? Именно, по вышеизложеннымъ основаніямъ. Надо думать, что только превосходство выраженныхъ въ старину желаній могло ихъ сохранить въ теченіе столь продолжительнаго времени: если бы суверенъ не признавалъ ихъ постоянно спасительными, то онъ тысячу разъ отмѣнилъ бы ихъ.

Вотъ почему, вмѣсто того чтобы ослабляться, законы пріобрѣтаютъ безпрестанно все большую силу въ каждомъ хорошо устроенномъ государствѣ; предразсудокъ древности [3] дѣлаетъ ихъ каждый день все болѣе и болѣе почтенными; тогда какъ вездѣ, гдѣ законы, старѣя, вмѣстѣ съ тѣмъ и ослабляются, ослабленіе это служитъ доказательствомъ, что законодательной власти тамъ больше не существуетъ и что государство больше не живетъ.

---

[1] Это не значитъ, однако, чтобы государство было всецѣло искусственнымъ созданіемъ. Условія общественнаго договора опредѣлены, какъ мы видѣли, природой вещей. Но конституція, которая регулируетъ форму этого государства, зависитъ отъ воли суверена и, какъ всякое произведеніе искусственное, она болѣе или менѣе совершена въ зависимости отъ того, больше или меньше приспособлена она къ естественнымъ условіямъ.

[2] Законъ обязателенъ только въ томъ случаѣ, если у народа всегда имѣется власть для его измѣненія; наличность этой власти свидѣтельствуетъ, что законъ соотвѣтствуетъ волѣ народа. Ясно выраженное или молчаливое согласіе суверена есть всегда единственное основаніе власти закона.

[3] То есть благопріятное мнѣніе, которое внушаетъ намъ одна только ихъ древность и больше ничего.

ГЛАВА XII.

О томъ, какъ поддерживается суверенная власть.

Такъ какъ у суверена нѣтъ другой власти, кромѣ законодательной, то онъ дѣйствуетъ только черезъ посредство законовъ; а такъ какъ законы суть только подлинные акты [1] общей воли, то суверенъ можетъ

дѣйствовать лишь когда народъ собранъ. Скажутъ, что собранный вмѣстѣ народъ — химера. Да, это химера теперь, но это не было химерой 2000 лѣтъ тому назадъ. Развѣ люди измѣнились по своей природѣ? Границы возможнаго въ вещахъ моральныхъ менѣе узки, чѣмъ это намъ кажется; ихъ съуживаютъ наши предразсудки, наши слабости, наши пороки. Низкія души не вѣрятъ въ великихъ людей; подлые рабы улыбаются съ насмѣшливымъ видомъ при словѣ *свобода*.

На основаніи того, что было, посмотримъ, что можетъ произойти; я не буду говорить о древне-греческихъ республикахъ, но Римская республика была, кажется мнѣ, большимъ государствомъ, а городъ Римъ—большимъ городомъ. Послѣдняя перепись насчитала въ Римѣ 400 тысячъ гражданъ, способныхъ носить оружіе, а послѣдняя перепись имперіи—болѣе четырехъ милліоновъ гражданъ, не считая подданныхъ, иностранцевъ, женщинъ, дѣтей, рабовъ.

Какихъ препятствій не выдумали бы, чтобы только не собирать часто многочисленный народъ этой столицы и ея окрестностей! А между тѣмъ не проходило и нѣсколькихъ недѣль, чтобы римскій народъ не былъ собранъ даже нѣсколько разъ. И онъ не только пользовался правами суверенитета, но и частью правъ правительственныхъ. Онъ рѣшалъ извѣстныя дѣла, судилъ въ извѣстныхъ случаяхъ, и весь этотъ народъ на общественной площади былъ также часто правителемъ, какъ и гражданиномъ.

Восходя къ первымъ временамъ существованія націй, мы найдемъ, что большая часть древнихъ правительствъ даже монархическихъ, каковыми были правительства македонцевъ и франковъ, обладали подобными совѣтами. Какъ бы тамъ ни было, но этотъ

единый, неопровержимый фактъ отвѣчаетъ на всѣ затрудненія: заключеніе отъ существующаго къ возможному кажется мнѣ логическимъ [2].

---

[1] То есть облеченные въ установленныя формы, чтобы можно было быть увѣреннымъ, что они дѣйствительно исходятъ изъ общей воли.

[2] Изъ того, что данная власть существовала, очевидно можно заключить, что она возможна.

ГЛАВА XIII.

Продолженіе.

Недостаточно чтобы народъ, собравшись, установилъ разъ на всегда конституцію государства, санкціонируя уложеніе законовъ; недостаточно также, чтобы онъ установилъ постоянное правительство или чтобы онъ разъ на всегда озаботился выборомъ должностныхъ лицъ. Кромѣ чрезвычайныхъ собраній, которыя могутъ вызываться непредвидѣнными случаями, необходимо, чтобы были опредѣленныя періодическія собранія, которыхъ ничто не могло бы ни отмѣнить, ни отсрочить, чтобы въ опредѣленный день народъ былъ законно созываемъ по закону, и чтобы для этого не было необходимости въ какомъ либо иномъ формальномъ созывѣ. Но внѣ этихъ собраній законныхъ уже по самому сроку ихъ созыва [1]), всякое народное собраніе, не созванное властями, поставленными для выполненія этой функціи и состоявшееся внѣ предписанныхъ формъ, должно считаться незаконнымъ, и все, что тамъ будетъ сдѣлано, должно

считаться нидѣйствительнымъ, такъ какъ самый приказъ о собранiи долженъ исходить отъ закона.

Что-же касается того, какъ часто должны происходить законныя собранія, то это зависитъ отъ стольких соображенiй, что дать точныя правила по этому предмету было бы затруднительно. Можно въ общемъ сказать только одно, что чѣмъ правительство сильнѣе, тѣмъ чаще долженъ проявлять себя суверенъ.

Скажутъ, что это можетъ быть пригодно для одного города, но что дѣлать, когда въ государствѣ имѣется много городовъ; надо ли тогда раздѣлить суверенную власть или же сконцентрировать ее въ одномъ городѣ и поработить все остальное? Я отвѣчу, что не надо дѣлать ни того, ни другого. Во-первыхъ, суверенная власть проста и едина, и ее нельзя раздѣлить, не разрушая ее. Во вторыхъ, одинъ городъ, какъ и одна нація, не можетъ законнымъ образомъ быть подвластнымъ другому городу, потомучто сущность политическаго тѣла заключается въ согласованiи повиновенія и свободы, а слова,—*подданный* и *суверенъ*, суть понятія и идентичныя и соотносительныя, идея ихъ объединяется въ одномъ словѣ *гражданинъ* [2].

Я отвѣчу также, что нецѣлесообразно соединять много городовъ въ одну гражданскую общину и что, если мы желаемъ учредить такой союзъ, то не надо обманывать себя, думая избѣгнуть проистекающаго отсюда естественнаго неудобства. Не нужно выставлять большія государства въ качествѣ возраженія тому, кто желаетъ, чтобы государства имѣли малые размѣры [3]. Но какъ придать небольшимъ государствамъ достаточно силы, чтобы они были въ состоянiи сопротивляться большимъ, какъ нѣкогда греческіе города противостояли персидскому царю, и

какъ еще недавно Голландія и Швейцарія сопротивлялись австрійскому дому? [4]

Тѣмъ не менѣе, если нельзя ввести государство въ правильныя границы, то остается еще одинъ исходъ—это не допускать существованія столицы, а обязывать правительство имѣть мѣстопребываніе послѣдовательно въ каждомъ городѣ и собирать также въ каждомъ изъ этихъ городовъ по очереди штаты страны [5].

Заселяйте равномѣрно территорію, предоставьте повсюду одни и тѣ же права, внесите повсюду изобиліе и жизнь,—и государство сразу станетъ такимъ сильнымъ и столь хорошо управляемымъ, насколько это для него вообще возможно. Вспомните, что стѣны городовъ образуются только изъ развалинъ сельскихъ домовъ. При видѣ каждаго дворца, который воздвигается въ столицѣ, мнѣ кажется, что я вижу, какъ цѣлая страна покрывается развалинами.

---

[1] То есть, что одной даты достаточно, чтобы сдѣлать ихъ законными, такъ какъ дата эта установлена закономъ.

[2] См. кн. I, гл. 6, конецъ.

[3] Руссо уже заявилъ о своемъ предпочтеніи къ маленькимъ государствамъ, такъ какъ демократія возможна только въ очень небольшихъ государствахъ.

[4] То есть посредствомъ конфедерацій и союзовъ. Объ этомъ важномъ вопросѣ смотри ниже, кн. III, гл. 15, конецъ и примѣчаніе.

[5] Въ „Проектѣ конституціи для Корсики“ Руссо настаивалъ, чтобы столица была въ небольшомъ городѣ, который не привлекалъ бы жителей. Онъ предложилъ избрать для столицы городъ Кортъ вслѣдствіе центральнаго расположенія этого города.

ГЛАВА XIV.

Продолженіе.

Какъ только народъ законно собрался, какъ суверенный органъ, всякая юридикція правительства прекращается, дѣйствіе исполнительной власти пріостановлено, и личность послѣдняго гражданина такъ же священна и неприкосновенна, какъ и личность перваго должностнаго лица, потому что тамъ, гдѣ находится представляемый, нѣтъ болѣе представителя [1]. Большая часть смутъ, которыя возникали въ Римѣ во время комицій, происходили отъ того, что или не знали этого правила или не обращали на него вниманія. Консулы были тогда только предсѣдателями народа; трибуны—простыми ораторами *), а сенатъ не имѣлъ никакого значенія.

Эти періодическія пріостановки власти, когда государь признаетъ или долженъ признать дѣйствительнаго начальника, всегда страшили его; а народныя собранія, которыя служатъ оплотомъ для политическаго тѣла и уздой для правительства, во всѣ времена приводили въ ужасъ главъ государства; поэтому-то они никогда не щадили ни заботъ, ни возраженій, ни затрудненій, ни обѣщаній, чтобы отбить у гражданъ охоту къ нимъ. Когда граждане скупы, трусливы, малодушны, болѣе любятъ покой, чѣмъ свободу, то они не долго сопротивля-

---

*) Приблизительно въ томъ же смыслѣ, какой придаютъ этому слову въ англійскомъ парламентѣ. (Президентъ палаты общинъ называется speaker или ораторъ). Сходство функцій возбудило бы конфликтъ между консулами и трибунами, хотя бы всякая юрисдикція и была пріостановлена.

ются повторнымъ усиліямъ правительства, а такъ какъ сила давленія со стороны правительства безпрестанно увеличивается, то суверенная власть въ концѣ концовъ исчезаетъ и большая часть гражданскихъ общинъ приходитъ въ упадокъ и погибаетъ преждевременно.

Но между суверенной властью и произвольнымъ правительствомъ иногда становится средняя власть, о которой нужно поговорить.

---

[1] Эта концепція Руссо напоминаетъ монархическій институтъ королевскихъ засѣданій (lits de justice): когда король самъ предсѣдательствовалъ въ парламентѣ, всякая власть назначенныхъ имъ чиновниковъ прекращалась и воля короля осуществлялась безъ помѣхи и безъ ограниченія. Впрочемъ теорія эта, примѣненіе которой вызвало бы много затрудненій, какъ кажется, вовсе не представляетъ необходимости въ системѣ Руссо. Разъ всѣ старые законы остаются въ силѣ до формальной отмѣны ихъ (кн. III, гл. 11), то почему бы магистратамъ не слѣдить, чтобы они выполнялись даже во время народныхъ собраній? Въ этотъ моментъ, какъ и во всякій другой и даже болѣе, чѣмъ во всякій другой, права гражданъ должны быть дѣйствительно охраняемы общественными властями.

ГЛАВА XV.

О депутатахъ или представителяхъ.

Какъ только общественное служеніе перестаетъ быть главнымъ занятіемъ гражданъ, и они предпочитаютъ служить своимъ кошелькомъ, чѣмъ своей особой, государство близится къ гибели. Нужно ли идти въ сраженіе, они нанимаютъ войска, а сами остаются

дома; нужно ли идти въ совѣтъ, они назначаютъ депутатовъ и остаются дома. Наконецъ, вслѣдствіе лѣни и благодаря деньгамъ они пріобрѣтаютъ солдатъ, чтобъ поработить отечество и представителей, чтобы его продать.

Хлопоты торговли и ремеслъ, жадный интересъ къ барышамъ, нѣга и любовь къ удобствамъ переводятъ личныя повинности на деньги. Уступаютъ часть своей прибыли, для того чтобы спокойно увеличивать послѣднюю. Дайте денегъ и скоро вы будете въ оковахъ. Слово *финансы*—есть слово рабское; оно не извѣстно въ гражданской общинѣ [1]. Въ странѣ дѣйствительно свободной граждане все дѣлаютъ своими руками, а не деньгами. Вмѣсто того, чтобы платить за освобожденіе ихъ отъ обязанностей, они заплатили бы, чтобы имѣть возможность самимъ ихъ выполнить. Я очень далекъ отъ общераспространенныхъ идей; я считаю натуральныя повинности работой менѣе противными свободѣ, чѣмъ налоги [2].

Чѣмъ лучше государство устроено, тѣмъ болѣе въ умахъ гражданъ общественныя дѣла берутъ верхъ надъ частными. Да и частныхъ дѣлъ въ такихъ государствахъ гораздо меньше, потому что, разъ сумма общаго блага предоставляетъ каждому индивиду болѣе значительную часть, уже нѣтъ такой необходимости добиваться благосостоянія посредствомъ частныхъ заботъ [3]. Въ хорошо устроенной гражданской общинѣ каждый стремится на собраніе; при дурномъ правительствѣ никто не хочетъ сдѣлать и одного шага, чтобы пойти на собраніе, такъ какъ никто не интересуется тѣмъ, что тамъ дѣлается; а не интересуется, потому что можно заранѣе предвидѣть, что общая воля не будетъ тамъ господствовать, и потому, наконецъ, что домашнія заботы поглощаютъ все вниманіе.

Хорошіе законы ведутъ за собой еще лучшіе; дурные законы еще худшіе. Если кто нибудь говоритъ о государственныхъ дѣлахъ: „какое мнѣ дѣло?"—то нужно считать, что государство погибло.

Охлажденіе любви къ отечеству, большее проявленіе частныхъ интересовъ, огромные размѣры государствъ, завоеванія, злоупотребленія правительства привели къ учрежденію депутатовъ или представителей народа въ національныхъ собраніяхъ. Въ известной странѣ ихъ рѣшаются называть третьимъ сословіемъ (tiers état) [4]. Такимъ образомъ, частный интересъ двухъ сословій поставленъ на первый и второй планъ, общественный же интересъ—только на третій.

Суверенитетъ не можетъ быть представленъ по той же самой причинѣ, по которой онъ не можетъ быть отчуждаемъ [5]. Онъ заключается исключительно въ общей волѣ, а воля не можетъ быть представлена; это—или та же самая воля, или другая; средины здѣсь нѣтъ. Народные депутаты не суть и не могутъ быть представителями народа; они только его коммисары; они ничего не могутъ постановлять окончательно [6]; всякій законъ, котораго народъ не ратификовалъ самолично—недѣйствителенъ; это даже не законъ. Англійскій народъ считаетъ себя свободнымъ; онъ горько ошибается; онъ свободенъ только во время выборовъ членовъ парламента; какъ только они выбраны, онъ становится рабомъ, онъ—ничто [7]. То примѣненіе, которое онъ дѣлаетъ изъ своей свободы въ краткіе моменты пользованія ею, заслуживаетъ того, чтобы онъ ее терялъ.

Идея представительства—идея современная; она идетъ отъ феодальнаго правленія [8], этого несправедливаго и абсурднаго правленія, въ которомъ

родъ человѣческій униженъ и въ которомъ самое имя человѣка обезчещено [9]. Въ древнихъ республикахъ и даже монархіяхъ народъ никогда не имѣлъ представителей, и даже это слово не было извѣстно [10]. Замѣчательно, что въ Римѣ, гдѣ трибуны были столь священны, нельзя было даже и представить себѣ, чтобы они могли узурпировать функціи народа, и что среди такой огромной массы они никогда не попытались провести по собственному почину хотя бы одинъ плебисцитъ. А какія затрудненія причиняла иногда толпа, можно видѣть хотя бы по тому, что происходило во времена Гракховъ, когда одна часть гражданъ подавала свои голоса съ крышъ.

Тамъ, гдѣ право и свобода--все, неудобства не имѣютъ никакого значенія. У такого мудраго народа, какимъ былъ римскій, все было поставлено на свое истинное мѣсто; онъ позволялъ своимъ ликторамъ дѣлать то, чего бы не осмѣлились сдѣлать трибуны; онъ не боялся, что его ликторы захотятъ его представлять [11].

Чтобы объяснить всетаки, какимъ образомъ трибуны представляли иногда народъ, достаточно понять, какимъ образомъ правительство представляетъ суверена. Такъ какъ законъ есть ни что иное, какъ объявленіе общей воли, то ясно, что въ своей законодательной власти народъ не можетъ быть представленъ, но онъ можетъ и долженъ быть представленъ въ своей исполнительной власти, которая есть лишь сила присоединенная къ закону. Это показываетъ, что, изслѣдуя хорошо суть вещей, мы найдемъ, что очень мало націй имѣютъ законы [12]. Какъ бы тамъ ни было, несомнѣнно, что трибуны, не обладая ни малѣйшей долей исполнительной власти, никогда не могли представлять римскій народъ на осно-

ваніи правъ, присвоенныхъ ихъ должности,—они могли это сдѣлать лишь узурпируя права сената [13].

У грековъ все, что народъ долженъ былъ дѣлать, онъ дѣлалъ самъ; онъ безпрестанно собирался на площади. Онъ жилъ въ мягкомъ климатѣ, онъ не былъ жаденъ; рабы выполняли всѣ работы; его великимъ занятіемъ была его свобода. Разъ нѣтъ на лицо тѣхъ же преимуществъ, то какъ могутъ быть сохранены тѣ же права? Вашъ болѣе суровый климатъ увеличиваетъ число потребностей *). Шесть мѣсяцевъ въ году общественная площадь не пригодна для собраній; звуки вашего языка такъ глухи, что они не могутъ быть разслышаны на открытомъ воздухѣ; вы заботились больше о вашей прибыли, чѣмъ о вашей свободѣ и вы боитесь гораздо менѣе рабства, чѣмъ бѣдности.

Какъ! свобода поддерживается только опираясь на рабство[14]? Можетъ быть. Крайности соприкасаются. Все, что не есть природа, имѣетъ свои неудобства, а гражданское общество имѣетъ болѣе неудобствъ, чѣмъ все остальное. Есть такія несчастныя положенія, когда можно сохранить свою собственную свободу только за счетъ свободы другихъ, и гражданинъ можетъ быть истинно свободнымъ, лишь когда рабъ находится въ крайне рабскомъ положеніи. Таково было положеніе Спарты. Что касается васъ, современные народы, то у васъ нѣтъ рабовъ, но вы сами—рабы; вы оплачиваете ихъ свободу своей свободой; вы можете хвастать этимъ преимуществомъ сколько вамъ угодно, я же

---

*) Желать примѣнять въ странахъ холодныхъ роскошь и нѣгу жителей востока, это желать въ то же время налагать на себя и ихъ оковы: это значитъ быть по необходимости въ еще большемъ подчиненіи, чѣмъ эти жители.

нахожу, что въ немъ больше трусости, чѣмъ гуманности [15].

Я вовсе не хочу всѣмъ этимъ сказать, что нужно имѣть рабовъ, ни что право рабства законно, такъ какъ я доказалъ противоположное [16]; я указываю только причины, почему современные народы, которые считаютъ себя свободными, имѣютъ представителей, и почему древніе народы не имѣли таковыхъ. Какъ бы тамъ ни было, какъ только народъ даетъ себѣ представителей, онъ уже не свободенъ; какъ народъ, онъ уже не существуетъ.

Разсмотрѣвъ внимательно все, я не считаю возможнымъ, чтобы въ наше время и при нашихъ условіяхъ суверенъ могъ сохранить пользованіе своими правами, если только гражданская община не очень мала. Но если она невелика, то не будетъ-ли она покорена? Нѣтъ. Я покажу ниже *), какъ можно соединить внѣшнее могущество великаго народа съ счастливымъ управленіемъ и хорошимъ порядкомъ маленькаго государства [17].

---

[1] Руссо соединяетъ здѣсь пренебрежительное отношеніе къ цивилизаціи, которое онъ высказалъ еще въ первыхъ трудахъ своихъ съ составляющей душу „общественнаго договора" любовью къ свободѣ и потому завѣдомо приноситъ въ жертву, во имя чистоты государства, всѣ условія, необходимыя для матеріальнаго, научнаго, артистическаго и т. д. прогресса. Въ „Проектѣ конституціи для Корсики" Руссо пишетъ: „я смотрю на финансы, какъ на жировой слой политическаго тѣла, который... дѣлаетъ его болѣе тяжелымъ, чѣмъ сильнымъ. Я хочу, чтобы государство

---

*) Я предполагалъ сдѣлать это въ продолженіи этого трактата, а именно, когда, при обсужденіи внѣшнихъ отношеній, я бы перешелъ къ вопросу о конфедераціяхъ. Предметъ совершенно новый, принципы котораго слѣдуетъ еще установить.

питалось пищей болѣе здоровой...". „Что дѣлаетъ финансовую систему особенно гибельной,—это финансисты... въ государствѣ не должно существовать откупщиковъ".

[2] При старомъ порядкѣ натуральныя повинности стали гораздо болѣе непопулярными, чѣмъ подушныя подати или налоги. Въ 18-мъ вѣкѣ безпрестанно раздавались крики: „Долой натуральныя повинности!" (A bas la corvée!).

[3] Въ идеальномъ государствѣ Руссо должно быть возможно меньше торговли, внѣшней и внутренней и совсѣмъ не должно быть денегъ въ монетѣ или ихъ должно быть очень мало.

[4] Этимъ именемъ обозначали во Франціи представителей буржуазіи въ генеральныхъ штатахъ, такъ какъ знать и духовенство составляли первыя два сословія.

[5] Принципъ этотъ былъ доказанъ выше во II кн., гл. 1-я: Руссо разсматриваетъ здѣсь только примѣненіе этого принципа.

[6] Такимъ образомъ, по мнѣнію Руссо, представители могутъ образовать только что-то въ родѣ „государственнаго совѣта" назначеніе котораго подготовлять и составлять законы. Но мнѣніе самого народа должно быть, во всякомъ случаѣ, узнано, хотя бы путемъ „референдума", какъ на современномъ политическомъ языкѣ называется такой опросъ. Этотъ принципъ былъ примѣнецъ въ конституціи I-го года республики, конституціи, которая, впрочемъ, не была осуществлена на дѣлѣ.

[7] То же самое сужденіе, очевидно, Руссо высказалъ бы и о современной французской конституціи.

[8] Руссо намекаетъ здѣсь на институтъ генеральныхъ штатовъ, гдѣ всѣ три сословія довѣряли свою власть избраннымъ делегатамъ, изъ которыхъ нѣкоторые получили даже что-то въ родѣ императивныхъ мандатовъ. Онъ основательно видитъ здѣсь начало современнаго парламентаризма.

[9] Въ феодальную эпоху слово человѣкъ (homme) указывало на отношенія зависимости или вассальности: всякій былъ „чьимъ-нибудь человѣкомъ". Отсюда произошло и значеніе слова hommage (почтеніе, уваженіе).

[10] Это вѣрно только теоретически и въ самыхъ общихъ чертахъ. На афинскій сенатъ дѣйствительно было возложено изготовленіе законовъ, но въ Афинахъ, какъ и въ Римѣ и почти во всѣхъ древнихъ государствахъ, одна только воля народа, въ теоріи, по крайней мѣрѣ, придавала силу закона рѣшеніямъ сената.

[11] Такъ какъ собранія по куріямъ постепенно теряли свое

значеніе и свой авторитетъ, то въ эпоху Цицерона патриціи сами не ходили на эти собранія и каждая курія была представлена по-просту своимъ ликторомъ. Болѣе подробно это будетъ выяснено самимъ Руссо въ IV кн., гл. 4.

12) То есть настоящіе законы, дѣйствительно проистекающіе изъ общей воли и изъ одной только законодательной власти.

13 Римскій сенатъ дѣйствительно былъ исполнительнымъ совѣтомъ, а вовсе не законодательнымъ собраніемъ. Относительно римскихъ учрежденій см. ниже кн. IV, гл. 4.

14 То есть опираясь только на населеніе изъ рабовъ, которое предоставляетъ гражданамъ необходимый для пользованія свободой досугъ.

15 Здѣсь ясно можно видѣть утопическій характеръ нѣкоторыхъ концепцій Руссо или точнѣе, здѣсь можно видѣть, что концепціи эти радикально противорѣчатъ нѣкоторымъ наиболѣе существеннымъ условіямъ современной жизни.

16 Кн. I, гл. 2 и 4.

17 Заключеніе, которое Руссо выводитъ изъ всѣхъ этихъ, на первый взглядъ противорѣчивыхъ, размышленій сводится въ общемъ къ слѣдующему: народъ свободенъ только тогда, когда граждане пользуются сами своей властью, составляя свои законы сами; между тѣмъ, условія жизни въ современныхъ большихъ государствахъ, принимая, въ особенности, во вниманіе совершенное отсутствіе рабовъ, дѣлаютъ такое устройство государства неосуществимымъ; поэтому свобода стала теперь возможной только въ очень маленькихъ, очень бѣдныхъ общинахъ, съ простыми и цѣломудренными нравами, которыя для защиты отъ иностранныхъ завоевателей могли бы образовать конфедераціи.

ГЛАВА XVI.

О томъ, что учрежденіе правительства не есть договоръ.

Разъ законодательная власть установлена, то необходимо точно также установить власть исполни-

тельную, потому что послѣдняя, дѣйствуя только посредствомъ частныхъ актовъ и не будучи частью первой, естественно отдѣлена отъ нея. Еслибы было возможно, чтобы суверенъ, какъ таковой, обладалъ и властью исполнительной, то право и дѣйствительность смѣшались бы такимъ образомъ, что нельзя было бы болѣе разобрать, что законъ и что — не законъ; и искаженное такимъ образомъ политическое тѣло было бы очень скоро предоставлено въ жертву насилію, противъ котораго оно установлено [1].

Такъ какъ всѣ граждане, согласно общественнаго договора, равны, то всѣ могутъ предписать то, что всѣ должны исполнить; тогда какъ никто не имѣетъ права требовать [2], чтобы другой сдѣлалъ то, чего онъ самъ не сдѣлаетъ. Вотъ именно это право, необходимое для того, чтобы политическое тѣло жило и двигалось, суверенъ и передаетъ государю, учреждая правительство.

Многіе увѣряли [3], что актъ этого учрежденія есть договоръ между народомъ и начальниками, которыхъ онъ назначаетъ себѣ, договоръ, посредствомъ котораго обѣ стороны устанавливаютъ условія, причемъ одна сторона обязывается повелѣвать, а другая—повиноваться. Надо, я думаю, согласиться, что это довольно странный способъ заключать договоры. Но, посмотримъ, насколько это мнѣніе выдерживаетъ критику.

Во-первыхъ, верховная власть точно такъ же не можетъ измѣняться, какъ и отчуждаться; ограничивать ее—это значило бы ее разрушать. Было бы нелѣпымъ противорѣчіемъ, еслибы суверенъ призналъ надъ собой начальника. Обязаться повиноваться господину, значитъ возвратиться въ состояніе полной свободы [4].

Кромѣ того очевидно, что подобный договоръ

народа съ опредѣленными личностями былъ бы актомъ частнымъ, откуда слѣдуетъ, что этотъ договоръ не могъ быть ни закономъ, ни актомъ суверенитета, а слѣдовательно онъ былъ бы незаконннымъ [5].

Очевидно также, что договаривающіяся стороны были бы связаны между собой исключительно только естественнымъ закономъ, безъ всякой гарантіи взаимныхъ обязательствъ, что со всѣхъ точекъ зрѣнія противно гражданскому состоянію; такъ какъ исполнителемъ всегда будетъ тотъ, въ чьихъ рукахъ сила то можно было бы назвать договоромъ актъ человѣка, который сказалъ бы другому: „я вамъ отдаю все мое имущество подъ условіемъ, что вы мнѣ вернете то, что вамъ будетъ угодно“ [6].

Есть только одинъ договоръ въ государствѣ: это договоръ ассоціаціи [7]; онъ самъ по себѣ исключаетъ возможность всякаго другого. Нельзя себѣ представить никакого другого общественнаго договора, который бы не былъ нарушеніемъ перваго.

---

[1] Эти идеи были изложены уже выше кн. III, гл. 1 и 2.

[2] Въ качествѣ члена суверена, который можетъ издавать только *общіе* законы.

[3] Въ особенности Альтузій, Гоббесъ, Локкъ, Жюрье и т. д.

[4] Ибо это означало бы отказъ отъ общественнаго договора. По этому договору граждане обязываются абсолютно повиноваться общей волѣ: нельзя поэтому обязаться въ то же время повиноваться и отдѣльному повелителю. Это значило бы отказаться отъ правъ и обязанностей общества и возвратить себѣ свою *естественную* свободу.

[5] Кн. II, гл. 4 и 6.

[6] См. кн. I, гл. 4.

[7] То есть договоръ, заключенный между собою всѣми членами ассоціаціи или политическаго тѣла.

ГЛАВА XVII.

Объ учрежденіи правительства.

Какъ же нужно смотрѣть на актъ, которымъ учреждается правительство? Я замѣчу съ самаго начала, что это актъ сложный, или составленный изъ двухъ другихъ актовъ, а именно: установленія закона и исполненія закона.

Посредствомъ перваго акта, суверенъ постановляетъ, что будетъ созданъ правительственный корпусъ въ такой-то и такой-то формѣ. Ясно, что этотъ актъ есть законъ.

Посредствомъ второго акта, народъ назначаетъ начальниковъ, на которыхъ будутъ возложены функціи установленнаго правительства. Такъ какъ это назначеніе есть актъ частный, то это не новый законъ, а лишь продолженіе перваго и въ то же время правительственное дѣйствіе.

Трудно только понять, какимъ образомъ возможенъ правительственный актъ ранѣе, чѣмъ правительство существуетъ, и какимъ образомъ народъ, который есть только или суверенъ, или подданный, можетъ стать въ извѣстныхъ случаяхъ государемъ или правителемъ [1].

Здѣсь раскрывается передъ нами еще одно изъ удивительныхъ свойствъ политическаго тѣла, посредствомъ котораго оно сочетаетъ дѣйствія, по внѣшнему виду противорѣчивыя. Эта операція производится посредствомъ внезапнаго превращенія суверенности въ демократію, такъ что безъ всякаго чувствительнаго измѣненія, однимъ лишь новымъ отношеніемъ всѣхъ ко всѣмъ, граждане, ставъ правителями, пере-

ходятъ отъ актовъ общихъ къ актамъ частнымъ и отъ закона—къ его исполненію [2].

Это измененіе отношеній вовсе не есть отвлеченная тонкость безъ практическаго примѣненія. Оно имѣетъ мѣсто ежедневно въ англійскомъ парламентѣ [3], гдѣ нижняя палата въ извѣстныхъ случаяхъ превращается въ большой комитетъ, чтобы лучше обсудить дѣла,—и становится, такимъ образомъ изъ сувереннаго собранія, какимъ она была въ предыдущій моментъ, простой коммисіей; такъ что потомъ она дѣлаетъ докладъ самой себѣ, какъ палатѣ общинъ, о томъ, что она постановила въ качествѣ большого комитета и снова обсуждаетъ, при одномъ титулѣ, то, что она уже постановила при другомъ.

Въ томъ-то и заключается преимущество демократическаго правительства, что оно можетъ быть установлено на дѣлѣ простымъ актомъ общей воли, послѣ чего это временное правительство продолжаетъ владѣть властью, если такова принятая форма, или учреждаетъ именемъ суверена правительство, предписанное закономъ. Такимъ образомъ все происходитъ правильно [4]; нѣтъ возможности установить правительство какимъ-нибудь другимъ законнымъ способомъ, не отказываясь отъ установленныхъ выше началъ.

---

[1] Безвыходныя трудности, въ которыхъ запутывается здѣсь Руссо въ общемъ чисто словесныя и заключаются въ стремленіи согласить *опредѣленія*, данныя Руссо законодательной и исполнительной властямъ съ гипотетической организаціей правительства. Какъ возможно обосновать правительство, не отнимая на время у словъ то значеніе, которое придалъ имъ Руссо?

[2] Руссо выдвигаетъ здѣсь тонкую теорію, изложенную раньше его Гоббесомъ (De Cive гл. 8). Чтобы ее понять нужно вернуться къ опредѣленіямъ. Предметомъ общаго закона и дѣломъ суверена

является выборъ формы правительства, но назначеніе членовъ правительства составляетъ, напротивъ, предметъ частнаго декрета который, какъ таковой, можетъ исходить только отъ исполнительной власти. А между тѣмъ, только въ чистой демократіи граждане облечены одновременно, или точнѣе по-очередно и властью законодательной, и властью исполнительной. Такимъ образомъ, народъ самъ можетъ выбирать своихъ начальниковъ только въ томъ случаѣ, если онъ предварительно конституировался въ демократію. Такъ что учрежденіе всякаго правительства состоитъ по необходимости изъ трехъ фазъ: 1) суверенъ постановляетъ закономъ, что онъ конституируется въ демократію; 2) этотъ законъ вручаетъ членамъ суверена исполнительную власть и превращаетъ ихъ въ правителей; 3) эти послѣдніе могутъ тогда приступить къ выборамъ своихъ начальниковъ. Нѣсколькими строчками ниже будетъ видно, что эта сложная теорія ведетъ къ неразрѣшимымъ затрудненіямъ.

3 Эта процедура и теперь еще примѣняется палатой общинъ въ Англіи.

4 Этотъ видъ политическаго фокусничества наталкивается, какъ мнѣ кажется, на неразрѣшимое затрудненіе, котораго Руссо какъ будто не замѣчаетъ. Что бы тамъ онъ ни говорилъ, но, согласно выставленнымъ имъ же принципамъ, совершенно невозможно, чтобы какой-нибудь народъ могъ *законно* конституироваться въ аристократію или въ монархію. Въ самомъ дѣлѣ только что было указано, что для того, чтобы вручить себѣ необходимую для назначенія начальниковъ исполнительную власть народъ долженъ, прежде всего, конституироваться въ демократію. Но исполнительная власть можетъ только примѣнить законъ, принятый законодательной властью. А разъ послѣдняя вотировала учрежденіе демократіи, то народъ и не можетъ назначить короля или сенатъ, не нарушая того самаго закона, которымъ народу вручена исполнительная власть. Если предположить, что суверенъ отмѣняетъ выраженную имъ раньше волю и новымъ закономъ учреждаетъ *монархію*, напримѣръ, то одновременно вѣдь тѣмъ же закономъ граждане лишаются исполнительной власти и не имѣютъ больше права назначить себѣ короля. Въ общемъ, если народъ хочетъ *короля*, то ему надо, прежде всего, конституироваться въ демократію и тогда у него *нѣтъ больше права стремиться* къ назначенію короля. Мнѣ кажется невозможнымъ логически выпутаться изъ этого тупика и согласно съ принципами

Руссо учреждено *законнымъ образомъ* можетъ быть только чисто-демократическое правительство, которое однако „не годится для людей“. (Кн. III, гл. 4-я).

ГЛАВА XVIII.

Средства предупредить узурпаціи правительства.

Изъ этихъ объясненій слѣдуетъ, въ подтвержденіе высказаннаго въ главѣ XVI-ой, что актъ учрежденія правительства есть не договоръ, а—законъ; что хранители исполнительной власти являются не господами народа, а его чиновниками; что народъ можетъ назначить ихъ и смѣнить, когда ему угодно; что ихъ роль вовсе не въ томъ, чтобы договариваться, а въ томъ, чтобы повиноваться; и что, принимая на себя функціи, возлагаемыя на нихъ государствомъ, они выполняютъ свой гражданскій долгъ, не имѣя ни въ какомъ случаѣ права спорить относительно условій.

Когда же случается, что народъ устанавливаетъ, правительство наслѣдственное, будь то монархическое въ одной династіи, будь то аристократическое въ одномъ сословіи гражданъ, то это не значитъ, что онъ принимаетъ на себя обязательства; онъ даетъ лишь временную форму администраціи до тѣхъ поръ, пока ему не будетъ угодно устроить ее иначе.

Правда, эти перемѣны всегда опасны, и не слѣдуетъ никогда касаться установленнаго правительства, если только оно не становится несовмѣстимымъ съ общественнымъ благомъ. Но эта осмотрительность есть политическое правило, а не положеніе права, и государство точно такъ же мало обязано

оставлять гражданскую власть въ рукахъ своихъ начальниковъ, какъ военную власть—въ рукахъ своихъ генераловъ.

Правда и то, что въ подобномъ случаѣ слѣдуетъ соблюдать наивозможно болѣе заботливо всѣ установленныя формальности для отличія правильнаго и законнаго акта отъ мятежа и воли всего народа отъ возгласовъ одной партіи. Въ такихъ случаяхъ опасныхъ положеній нужно предоставлять лишь то, въ чемъ нельзя отказать по всей строгости права; и изъ этого-то обязательства государь извлекаетъ большія преимущества, служащія ему для сохраненія своей власти вопреки народу; причемъ нельзя даже сказать, что онъ власть узурпировалъ, потому что, пользуясь внѣшнимъ образомъ только своими правами, онъ очень легко можетъ ихъ расширить и помѣшать, подъ предлогомъ общественнаго спокойствія, собраніямъ, назначеннымъ для возстановленія истиннаго порядка; такъ что, онъ извлекаетъ пользу изъ молчанія, которое онъ самъ же мѣшаетъ нарушить, или изъ неправильностей, которыя онъ совершаетъ, для того, чтобы учесть въ свою пользу согласіе тѣхъ, которыхъ страхъ заставляетъ молчать, и чтобы наказать тѣхъ, которые осмѣливаются говорить. Такимъ, именно, образомъ децемвиры, будучи сначала выбраны только на одинъ годъ, затѣмъ, когда полномочія ихъ были возобновлены еще на годъ, сдѣлали попытку удержать свою власть навсегда, не позволяя больше комиціямъ собираться; и этимъ же легкимъ способомъ всѣ правительства міра, разъ облеченныя общественными полномочіями, узурпируютъ рано или поздно суверенную власть.

Періодическія собранія, о которыхъ я раньше говорилъ, способны предупредить или устранить это не-

счастье, въ особенности, когда они не нуждаются въ формальномъ созывѣ; потому что тогда государь не сумѣлъ бы помѣшать имъ иначе, какъ объявивъ себя открыто нарушителемъ законовъ и врагомъ государства.

Открытіе такихъ собраній, которыя имѣютъ предметомъ только сохраненіе общественнаго договора, должно начинаться двумя предложеніями, которыхъ никогда нельзя отмѣнить и которыя должны голосоваться каждое отдѣльно.

Первое: „Угодно ли суверену сохранить существующую форму правительства"? Второе: „Угодно ли народу оставить управленіе въ рукахъ тѣхъ, на которыхъ оно теперь возложено"? Я предполагаю здѣсь то, что, какъ мнѣ кажется, я доказалъ, а именно: что нѣтъ въ государствѣ ни одного основного закона, который не могъ бы быть отмѣненъ, не исключая и общественнаго договора; потому что если бы всѣ граждане собрались, чтобы разрушить этотъ договоръ по взаимному соглашенію, то нельзя сомнѣваться, что расторженіе его произошло бы вполнѣ законно. Гроцій полагаетъ даже, что каждый можетъ отказаться отъ государства, членомъ котораго онъ состоитъ и получить обратно свою естественную свободу и свое имущество, удаляясь изъ страны *). Было бы нелѣпо думать, что всѣ граждане вмѣстѣ не могутъ сдѣлать того, что можетъ отдѣльно каждый изъ нихъ.

---

*) Конечно, не оставляютъ страны, чтобы ускользнуть отъ выполненія долга и отказаться служить отечеству въ моментъ, когда оно въ васъ нуждается. Бѣгство было бы тогда преступнымъ и наказуемымъ и оно было бы не уходомъ, а дезертирствомъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА I.

О томъ, что общая воля неразрушима.

До тѣхъ поръ пока извѣстное число соединившихся людей смотрятъ на себя какъ на одно цѣлое, у нихъ только одна воля, которая заботится о сохраненіи этого цѣлаго и объ общемъ благѣ. Весь государственный механизмъ въ такомъ случаѣ силенъ и простъ; принципы государства ясны и опредѣленны; у него нѣтъ запутанныхъ и противорѣчивыхъ интересовъ; общее благо очевидно для всѣхъ, и нуженъ только здравый смыслъ, чтобы видѣть его. Миръ, единеніе, равенство—враждебны политическимъ тонкостямъ. Людей прямыхъ и простыхъ трудно обмануть благодаря ихъ простотѣ; приманки, утонченные предлоги не вліяютъ на нихъ; они даже не достаточно хитры, чтобы поддаваться обману. Когда у самого счастливаго народа въ мірѣ можно видѣть, какъ толпы крестьянъ собравшись подъ дубомъ рѣшаютъ государственныя дѣла [1] и всегда мудро ведутъ себя, то можно ли не проникнуться презрѣніемъ къ утонченностямъ другихъ націй, которыя съ такимъ искусствомъ и таинственностью дѣлаютъ самихъ себя знаменитыми и несчастными?

Управляемое такимъ образомъ государство нуждается въ очень небольшомъ количествѣ законовъ, и по мѣрѣ того, какъ является необходимость въ опубликованіи новыхъ законовъ, эта необходимость становится очевидной повсюду. Первый, кто ихъ предложитъ, скажетъ только то, что всѣ уже чувствуютъ и не надо ни ухищреній, ни краснорѣчія, чтобы превратить въ законъ то, что каждый рѣшилъ сдѣлать, убѣдившись, что другіе поступятъ такъ же, какъ онъ.

Умствующихъ людей вводитъ въ заблужденіе то, что имѣя предъ глазами одни лишь государства, плохо устроенныя съ самаго начала, они убѣждаются въ невозможности сохранить въ нихъ подобное устройство. Они изощряются въ измышленіи всевозможныхъ глупостей, въ которыхъ ловкій плутъ и беззастѣнчивый говорунъ сумѣетъ убѣдить парижскую или лондонскую толпу. Они не знаютъ, что Кромвель былъ бы наказанъ бернскимъ народомъ, а герцогъ Бофоръ высѣченъ женевцами.

Но когда общественныя узы начинаютъ ослабѣвать, а государство ослабляться, когда частные интересы начинаютъ оказывать свое воздѣйствіе, и маленькія общества начинаетъ вліять на большое,— общій интересъ затуманивается и находитъ себѣ противниковъ: въ голосованіяхъ нѣтъ больше единогласія; общая воля не есть уже воля всѣхъ[2]; возникаютъ противорѣчія, споры и самое лучшее мнѣніе не проходитъ безъ пререканій.

Наконецъ, когда государство, близкое уже къ гибели, существуетъ лишь какъ пустая и кажущаяся форма; когда общественная связь порвана во всѣхъ сердцахъ; когда самые низкіе интересы нагло присваиваютъ себѣ священное имя общественнаго блага,— тогда общая воля нѣмѣетъ; всѣ, руководимые тайными

мотивами, уже не разсуждаютъ, какъ граждане, какъ будто государство никогда не существовало, и подъ именемъ законовъ мошенническимъ образомъ проводятъ несправедливые декреты, которые имѣютъ цѣлью лишь частные интересы.

Слѣдуетъ ли отсюда, что общая воля уничтожена или развращена? Нѣтъ,—она всегда постоянна, неизмѣнна и чиста, но она подчинена другимъ волямъ, которыя ее осиливаютъ [3]. Каждый, отдѣляя свой интересъ отъ интереса общаго, хорошо понимаетъ, что онъ не можетъ совершенно отдѣлить его; но та часть общаго зла, которая придется на его долю, кажется ему ничтожной въ сравненіи съ исключительными благами, которыя онъ намѣревается себѣ присвоить. За исключеніемъ этого личнаго блага, онъ стремится къ общему благу изъ за своего личнаго интереса такъ же сильно, какъ и всякій другой. Даже продавая свой голосъ за деньги, онъ не угашаетъ въ себѣ общей воли; онъ ее устраняетъ. Ошибка, которую онъ совершаетъ, заключается въ томъ, что онъ измѣняетъ положеніе вопроса и отвѣчаетъ совершенно не на тотъ вопросъ, который ему предлагаютъ; такъ что, вмѣсто того, чтобы сказать своимъ голосованіемъ: *„это выгодно для государства“*, онъ говоритъ: *„выгодно для такого-то человѣка или для такой-то партіи, чтобы такое-то мнѣніе прошло“*. Такимъ образомъ, законъ общественнаго порядка въ собраніяхъ [4] заключается не столько въ томъ, чтобы поддерживать общую волю, какъ въ томъ, чтобы именно эту волю всегда спрашивали, и чтобы она всегда отвѣчала.

Я могъ бы здѣсь высказать много соображеній о простомъ правѣ голосованія въ каждомъ актѣ суверенитета,—правѣ, котораго ничто не можетъ отнять у гражданъ; а также относительно права обсужденія,

*

предложенія, раздѣленія и оспариванія, которое правительство всегда и тщательно предоставляетъ только своимъ членамъ. Но для изложенія этого важнаго предмета потребовалось бы отдѣльное изслѣдованіе, а всего сказать здѣсь я не могу.

---

[1] Въ Швейцаріи этотъ родъ народныхъ собраній сохранился до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ кантонахъ.

[3] См. кн. II, гл. 3.

[4] Даже когда всѣ вожделѣнія отдѣльныхъ лицъ разнузданы, общая воля остается „постоянной, неизмѣнной и чистой“ не только въ абстрактномъ и абсолютномъ видѣ, то-есть въ томъ смыслѣ, что общій интересъ продолжаетъ существовать, даже когда имъ пренебрегаютъ, но она сохраняетъ и свою психологическую реальность: общая воля продолжаетъ существовать въ душахъ всѣхъ, но вмѣсто того, чтобы господствовать надъ частными интересами, она подчинена имъ. Отсюда и происходитъ все зло. См. кн. II, гл. 3.

[5] Выраженіе очень темное. Говорится ли здѣсь о положительномъ законѣ, регулирующемъ способъ охраненія порядка въ собраніяхъ, законѣ, для изданія котораго необходимо предварительное согласіе народа на народномъ собраніи? Но какимъ же образомъ тогда могъ бы такой законъ принудить общую волю „отвѣчать“ и проявляться? Къ тому же до сихъ поръ въ трактатѣ объ этомъ и рѣчи не было и Руссо ясно высказалъ, что всякая власть магистратовъ во время народныхъ собраній прекращается (кн. III, гл. 14). Впрочемъ, необходимость объясненія подтверждается и заключительнымъ небольшимъ параграфомъ.

ГЛАВА II.

О голосованіяхъ.

Въ предыдущей главѣ было указано, что способъ, какимъ рѣшаются общія дѣла, можетъ дать довольно

вѣрное указаніе относительно современнаго состоянія нравовъ и здоровья политическаго тѣла. Чѣмъ болѣе царитъ въ собраніяхъ согласіе, т. е. чѣмъ болѣе взгляды приближаются къ единогласію, тѣмъ болѣе господствуетъ общая воля; но долгіе дебаты, разногласія, шумъ указываютъ на преобладаніе частныхъ интересовъ и на упадокъ государства[1].

Это представляется менѣе очевиднымъ, когда государство состоитъ изъ двухъ или болѣе сословій, какъ патриціи и плебеи въ Римѣ, ссоры которыхъ часто нарушали порядокъ комицій даже въ самыя лучшія времена республики; но это исключеніе болѣе кажущееся, чѣмъ реальное; потому что въ такомъ случаѣ, благодаря присущему политическому тѣлу пороку, имѣются въ наличности, такъ сказать, два государства въ одномъ, и то, что не вѣрно по отношенію къ обоимъ вмѣстѣ, вѣрно по отношенію къ каждому отдѣльно. И въ самомъ дѣлѣ, даже во времена наиболѣе бурныя, народные плебисциты, если только сенатъ не впутывался въ нихъ, проходили всегда спокойно при громадномъ большинствѣ голосовъ. Такъ какъ граждане имѣли одинъ общій интересъ, то и народъ имѣлъ только одну волю.

На другомъ концѣ круга единогласіе возвращается, а именно, когда граждане, впавъ въ рабство, не обладаютъ больше ни свободой, ни волей. Тогда страхъ и лесть обращаютъ голосованіе въ восклицанія; обсужденія больше нѣтъ: либо обожаютъ, либо проклинаютъ. Таковъ былъ отвратительный способъ обсужденія въ сенатѣ при императорахъ. Иногда это производилось съ смѣшными предосторожностями. Тацитъ замѣчаетъ[2], что при Оттонѣ сенаторы, осыпая Вителія проклятіями, въ то же время старались произвести ужасающій шумъ, дабы, если бы случайно

Вителій сталъ повелителемъ, онъ не могъ знать, что каждый изъ нихъ сказалъ.

Изъ такихъ различныхъ соображеній вытекаютъ правила, на основаніи которыхъ необходимо регулировать способъ подсчета голосовъ и сравненія мнѣній, сообразно большей или меньшей легкости распознаванія общей воли и большаго или меньшаго паденія государства.

Есть только одинъ единственный законъ, который по своей природѣ требуетъ всеобщаго согласія: это общественный договоръ; потому что гражданская ассоціація есть наиболѣе добровольный актъ въ мірѣ. Такъ какъ всякій человѣкъ рожденъ свободнымъ и воленъ распоряжаться собственной личностью, то никто не можетъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ поработить его безъ его согласія. Рѣшить, что сынъ раба рождается рабомъ—это постановить, что онъ не рождается человѣкомъ.

Если же въ моментъ созданія общественнаго договора находятся противники его, то ихъ оппозиція не опорочиваетъ договора, а препятствуетъ только тому, чтобы эти противники были включены въ него: это иностранцы между гражданами [3]. Когда государство учреждено, то согласіе опредѣляется мѣстомъ жительства; жить на извѣстной территоріи, это значитъ подчиняться суверенитету *).

---

*) Это все должно относиться къ свободному государству, потому что иначе семья, имущество, отсутствіе пристанища, необходимость, могутъ удержать обитателя въ странѣ вопреки его волѣ, тогда его пребываніе въ странѣ не предполагаетъ его согласія договоръ.

Кромѣ этого первоначальнаго договора, рѣшеніе большинства обязываетъ всѣхъ остальныхъ: это послѣдствіе самого договора[4]. Но является вопросъ, какимъ образомъ человѣкъ можетъ быть свободнымъ— и принужденнымъ подчиняться чужой волѣ? какимъ образомъ противники даннаго закона остаются свободными—и подчиненными въ то же время законамъ, на которые они не давали своего согласія?

Я отвѣчаю, что вопросъ неправильно поставленъ. Гражданинъ даетъ свое согласіе на всѣ законы, и на тѣ, которые изданы *помимо* его воли и даже на тѣ, которые наказываютъ его, когда онъ осмѣливается нарушить какой нибудь изъ нихъ.

Постоянная воля всѣхъ членовъ государства есть общая воля; благодаря этой общей волѣ они—граждане и свободны*). Когда предлагается законъ въ собраніи народа, то ихъ спрашиваютъ вовсе не о томъ, одобряютъ ли они предложеніе или отвергаютъ его, но согласно ли это предложеніе съ общей волей, которая есть и ихъ воля, или нѣтъ: каждый[5], подавая свой голосъ, высказывается по этому вопросу и изъ подсчета голосовъ вытекаетъ изъявленіе общей воли. Такимъ образомъ, когда мнѣніе противоположное моему побѣждаетъ, то это доказываетъ только то, что я ошибся, и то, что я считалъ общей волей, не было таковой. Если бы мое частное мнѣніе побѣдило, я сдѣлалъ бы нѣчто другое чѣмъ то, что я хотѣлъ сдѣлать. И именно тогда я не былъ бы свободнымъ[6].

---

*) Въ Генуѣ на стѣнахъ тюремъ и на кандалахъ каторжниковъ начертано слово „свобода“; такое примѣненіе девиза—прекрасно и справедливо; въ самомъ дѣлѣ, только преступники всѣхъ сословій мѣшаютъ гражданину быть свободнымъ. Въ странѣ, гдѣ всѣ эти господа были бы на галерахъ, царила бы наиболѣе совершенная свобода.

Правда, это предполагаетъ, что всѣ свойства общей воли еще содержатся въ большинствѣ [7]; когда они перестаютъ въ немъ заключаться, то, какое бы рѣшеніе мы ни приняли, свободы уже нѣтъ.

Указавъ выше [8], какъ въ публичныхъ обсужденіяхъ общая воля замѣняется волями частными, я въ то же время достаточно ясно указалъ средства, способныя предупредить это злоупотребленіе; объ этомъ я поговорю еще и ниже [9]. По отношенію къ вопросу о числѣ голосовъ, достаточномъ для объявленія данной воли—волей общей, я также указалъ принципы, по которымъ можно опредѣлить это число. Разница въ одномъ голосѣ нарушаетъ равенство; одинъ противникъ нарушаетъ единогласіе, но между единогласіемъ и равенствомъ есть еще много неравныхъ дѣленій и каждое изъ нихъ можно принять за норму, сообразно съ состояніемъ и нуждами политическаго тѣла [10].

Два общихъ правила могутъ служить для регулированія этихъ отношеній; первое, что чѣмъ болѣе важны и серьезны рѣшенія, тѣмъ болѣе мнѣніе побѣждающее должно приближаться къ единогласію; второе, что чѣмъ болѣе возбужденный вопросъ нуждается въ скоромъ рѣшеніи, тѣмъ важнѣе съузить устанавливаемую разницу при раздѣленіи мнѣній: при рѣшеніяхъ, которыя должны быть приняты немедленно, перевѣсъ одного голоса долженъ быть достаточенъ. Первое изъ этихъ правилъ кажется болѣе примѣнимымъ по отношенію къ законамъ, а второе—по отношенію къ частнымъ дѣламъ [11]. Какъ бы тамъ ни было, на основаніи комбинаціи указанныхъ правилъ, устанавливается лучшее отношеніе, которое можно дать большинству, для того чтобы оно могло рѣшать.

[1] Руссо, кажется, не предвидѣлъ и еще менѣе могъ допустить, чтобы нормальная жизнь цвѣтущаго народа была совмѣстима съ антагонизмомъ нѣсколькихъ партій.

[2] Тацитъ, Исторія, I, 85.

[3] Въ отрывкахъ, которыми сопровождается „проектъ конституціи для Корсики", находится слѣдующее любопытное мѣсто: „Корсиканцы, молчите: я буду говорить отъ имени всѣхъ... Пусть несогласные *удалятся*, а согласные поднимутъ руку". А затѣмъ слѣдуетъ формула присяги на вѣрность общественному договору.

[4] Такимъ образомъ въ дѣйствительности общая воля является только волей большинства. Руссо стремится оправдать власть большинства. Во власти этой онъ видитъ очевидное слѣдствіе общественнаго договора. Въ самомъ дѣлѣ посредствомъ этого договора, требующаго единогласія, всѣ граждане признали другъ за другомъ равное право выражать общую волю; каждый членъ есть „недѣлимая часть цѣлаго". Разъ это такъ, то достаточно сосчитать голоса. Обязанность подчиняться закону большинства составляетъ само собой разумѣющуюся часть принятаго на себя всякимъ въ моментъ заключенія общественнаго договора обязательства.

[5] Необходимо вспомнить первыя главы II-ой книги, въ которыхъ дано опредѣленіе и сдѣланъ анализъ общей воли, въ особенности гл. 3 и 4.

[6] Ибо (согласно опредѣленію) я хотѣлъ сдѣлать то, что мнѣ казалось согласнымъ съ общимъ интересомъ. Между тѣмъ опрошенный народъ высказалъ противоположное мнѣніе. Ошибался слѣдовательно я, такъ какъ общая воля непогрѣшима (кн. II, гл. 3). Такимъ образомъ я былъ *морально* несвободенъ, такъ какъ мой разумъ былъ затемненъ предразсудками и плохо управлялъ моимъ поведеніемъ.

[7] Это значитъ, что большинствомъ гражданъ руководитъ одна только забота объ общихъ интересахъ. Если партіи или клики искажаютъ непосредственное выраженіе общей воли, то значитъ нѣтъ необходимыхъ условій для сохраненія свободы.

[8] Въ особенности кн. II, гл. 3.

[9] Кн. IV, гл. 3 и 4.

[10] Въ идеально совершенномъ государствѣ можно было бы требовать для всякаго рѣшенія единогласія. По мѣрѣ удаленія отъ идеала приходится уменьшить и необходимое большинство и удовольствоваться $4/5$, $3/4$, $2/3$ и даже при крайней необходимости $1/2 + 1$.

[11] Послѣднее можетъ быть примѣнимо только въ чистой демократіи, въ которой народъ есть не только законодатель, но и магистратъ.

ГЛАВА III.

О выборахъ.

По отношенію къ избранію государя и должностныхъ лицъ, являющихся, какъ я уже сказалъ [1], актами сложными, существуетъ два способа, а именно: выборы и жребій. И тотъ и другой примѣнялись въ различныхъ республикахъ и теперь еще существуетъ очень сложное смѣшеніе обѣихъ системъ въ выборѣ венеціанскаго дожа [2].

„Выборы путемъ жребія, говоритъ Монтескье[3], свойственны демократіи". Я согласенъ, но какъ? „Жребій, продолжаетъ онъ, есть способъ избранія никого не оскорбляющій; онъ даетъ каждому гражданину основательную надежду послужить отечеству". Это не доводы.

Если обратить вниманіе на то, что избраніе начальниковъ есть функція правительства, а не суверенитета, то понятно, почему избраніе жребіемъ ближе демократіи, въ которой администрація тѣмъ лучше, чѣмъ акты ея менѣе сложны [4].

Въ настоящей демократіи должности не есть преимущество, а тяжелая повинность, которую по справеливости нельзя наложить на одного въ большей степени, чѣмъ на другого. Одинъ только законъ можетъ возложить эту повинность на того, на кого упадетъ жребій; а такъ какъ тогда условія равны для всѣхъ и выборъ не зависитъ ни отъ чьей чело-

вѣческой воли, то и нѣтъ частичнаго отступленія, которое нарушало бы всеобщность закона.

При аристократическомъ образѣ правленія государь избираетъ государя; правительство сохраняется само собой, и выборы здѣсь умѣстны [5].

Примѣръ выборовъ венеціанскаго дожа подтверждаетъ, а вовсе не разрушаетъ это различіе: эта смѣшанная форма [6] пригодна для смѣшаннаго правительства, потому что ошибочно считать венеціанское правительство истинной аристократіей. Если народъ не принимаетъ тамъ никакого участія въ правительствѣ, то знать и представляетъ тамъ собой народъ. Толпа бѣдныхъ Барнаботовъ [7] никогда не получала никакихъ должностей, и вся ея знатность даетъ ей только пустой титулъ превосходительства и право присутствовать въ большомъ совѣтѣ. Такъ какъ этотъ большой совѣтъ такъ же многочисленнъ, какъ нашъ генеральный совѣтъ въ Женевѣ [8], то его знатные члены имѣютъ не больше привилегій, чѣмъ наши простые граждане. Вѣрно и то, что если оставить въ сторонѣ крайнія различія обѣихъ республикъ, то женевская буржуазія представляетъ точную копію венеціанскаго патриціата. Наши мѣстные уроженцы и жители напоминаютъ горожанъ и народъ въ Венеціи; наши крестьяне напоминаютъ континентальныхъ подданныхъ Венеціи; съ какой бы стороны мы ни разсматривали эту республику, (оставивъ въ сторонѣ ея величину), правительство ея не болѣе аристократическое, чѣмъ наше. Все различіе заключается въ томъ, что, при отсутствіи пожизненнаго главы государства, намъ не нужно метать жребій.

Выборы путемъ жребія представляли бы мало неудобствъ въ настоящей демократіи, въ которой при всеобщемъ равенствѣ, какъ въ правахъ, такъ и въ

талантахъ, какъ по принципамъ, такъ и по богатству, выборъ сталъ бы почти безразличенъ. Но я уже сказалъ, что истинной демократіи не существуетъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда выборы и жребій соединены, путемъ первыхъ слѣдуетъ заполнять мѣста, требующія особыхъ талантовъ, каковы военныя должности; а путемъ второго—тѣ мѣста, гдѣ достаточны здравый смыслъ, справедливость, честность, каковы должности судейскія; потому что въ хорошо устроенномъ государствѣ всѣ эти качества свойственны всѣмъ гражданамъ [9].

Ни метаніе жребія, ни выборы не примѣняются при монархическомъ правительствѣ. Такъ какъ монархъ является по праву единственнымъ главою государства и должностнымъ лицомъ, то выборъ помощниковъ принадлежитъ только ему. Когда аббатъ де-Сенъ-Пьеръ предложилъ пополнить совѣты французскаго короля и выбирать членовъ ихъ посредствомъ голосованія [10], то онъ не замѣтилъ того, что предлагаетъ измѣнить форму правительства.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о способѣ подачи и подсчета голосовъ въ народномъ собраніи; но быть можетъ исторія римскаго управленія выяснитъ въ этомъ отношеніи всѣ правила гораздо яснѣе, чѣмъ я ихъ съумѣю установить. Внимательному читателю будетъ умѣстно посмотрѣть немного подробнѣе, какимъ образомь рѣшались общественныя и частныя дѣла въ совѣтѣ, состоявшемъ изъ двухъ сотъ тысячъ человѣкъ.

---

[1] Кн. III, гл. 17.

[2] Начиная съ XIII вѣка и до конца республики избраніе дожей производилось почти постоянно слѣдующимъ образомъ: 1) Большой совѣтъ *выбиралъ 30* гражданъ; 2) эти 30 *выбирали* въ свою очередь 9; 3) эти 9 *выбирали* 40; 4) изъ этихъ 40 *по жребію*

выбиралось 12; 5) эти 12 *выбирали* 25; 6) посредствомъ *жребія* эти 25 сокращались до 9; 7) эти 9 *выбирали* еще разъ 25; 8) *по жребію* изъ этихъ 25 выбиралось 11; 9) эти 11 *выбирали* 41; 10) а эти 41 производили уже *выборы* дожа.

[3] „Духъ Законовъ", кн. II, 2.

[4] Назначеніе должностныхъ лицъ посредствомъ жребія доводитъ до минимума вмѣшательство народа въ администрацію, вмѣшательство, которое, будучи частымъ, ведетъ къ неудобствамъ, такъ какъ народу гораздо труднѣе принимать рѣшенія, составляющія акты администраціи по частнымъ случаямъ, чѣмъ издавать общіе законы. См. кн. II, 6 и кн. III, 17.

[5] Такъ какъ избраніе начальниковъ, какъ это еще разъ считаетъ нужнымъ повторить Руссо, есть актъ управленія, а не суверенитета, то производить эти выборы могутъ одни только должностные лица, надѣленные уже сувереномъ исполнительной властью. Такимъ образомъ назначать высшихъ чиновниковъ или монарха будетъ всегда корпорація чиновниковъ. Для такого режима пригодны выборы. См. кн. III, 5.

[6] Какъ указано было на предыдущей страницѣ, выборы соединялись въ Венеціи съ метаніемъ жребія.

[7] Точнаго объясненія этого термина я найти не могъ. Вольтеръ упрекаетъ Руссо въ томъ, что онъ примѣнилъ къ благороднымъ венеціанцамъ „презрительное прозвище барнабитовъ", но и онъ не объясняетъ значеніе этого прозвища *).

[8] Общій женевскій совѣтъ, включавшій всѣхъ гражданъ и буржуа никогда не насчитывалъ въ теченіе всего 18 вѣка болѣе 1.600 членовъ.

[9] Это происходитъ не потому, что одни только здравомыслящіе люди пользуются правомъ гражданства, а напротивъ именно потому, что разъ въ хорошо устроенномъ государствѣ „всѣ равны другъ другу какъ нравами", такъ и талантами, то всѣ граждане обладаютъ „здравымъ смысломъ, справедливостью, честностью". Руссо приписываетъ соціальной организаціи способность вызывать къ жизни индивидуальныя добродѣтели.

[10] Это было главнымъ предметомъ „Разсужденія о полисинодѣ" (Discours sur la Polyzynodie) опубликованнаго въ 1728 г. и послужившаго причиной исключенія аббата Сенъ-Пьера изъ французской академіи.

---

*) По объясненію Дживилегова, мелкіе дворяне, жившіе въ кварталѣ св. Варнавы. *Прим. ред. пер.*

ГЛАВА IV.

О римскихъ комиціяхъ.

У насъ не осталось никакихъ достовѣрныхъ памятниковъ о первыхъ временахъ Рима. Есть даже большое вѣроятіе, что большинство исторій, которыя разсказываютъ о нихъ,—басни *). И, въ общемъ, наиболѣе поучительная часть народныхъ лѣтописей,—исторія возникновенія народовъ, есть, именно, та часть, которой у насъ больше всего не хватаетъ. Ежедневный опытъ показываетъ намъ, по какимъ причинамъ возникаютъ революціи въ имперіяхъ: но такъ какъ народовъ больше не образуется, то намъ остается лишь строить догадки, чтобы объяснить, какъ они сформировались.

Обычаи, которые мы находимъ уже установившимися, свидѣтельствуютъ, по крайней мѣрѣ, что эти обычаи откуда-то произошли. Изъ традицій, которыя восходятъ до временъ этого происхожденія, тѣ, которыя поддерживаются наибольшими авторитетами и которыя подкрѣпляются наиболѣе сильными соображеніями, должны считаться и наиболѣе вѣроятными. Вотъ тѣ правила, которыми я пытался руководиться въ своихъ изысканіяхъ о томъ, какимъ образомъ наиболѣе свободный и наиболѣе могущественный народъ въ мірѣ отправлялъ свою вывшую власть.

Послѣ основанія Рима[2], зарождающаяся республика, т. е. армія основателя, составленная изъ албанцевъ,

---

*) Имя Римъ (Roma), которое, какъ говорятъ, происходитъ отъ слова Ромулъ есть слово греческое и означаетъ силу [1]. Имя Нума тоже греческое и означаетъ законъ. Какое вѣроятіе въ томъ, что оба первыхъ царя этого города уже заранѣе носили имена, такъ хорошо обозначающія то, что они сдѣлали?

сабинцевъ и иностранцевъ, была раздѣлена на три класса, которые, на основанiи этого дѣленiя, были названы *трибами.* Каждая изъ этихъ трибъ была подраздѣлена на десять курiй, а каждая курiя—на декурiи, а во главѣ ихъ были поставлены начальники, называвшiеся *курiонами* и *декурiонами.*

Кромѣ того, изъ каждой трибы былъ составленъ корпусъ въ сто всадниковъ, или рыцарей, называвшiйся центурiей; откуда видно, что эти дѣленiя, мало нужныя для города, были вначалѣ только военными дѣленiями. Но, кажется, что инстинктъ величiя толкалъ маленькiй городъ Римъ уже заранѣе къ гражданскому устройству, достойному мiровой столицы.

Изъ этого перваго дѣленiя возникло скоро неудобство: дѣло въ томъ, что такъ какъ триба албанцевъ *) и триба сабинцевъ **) оставались въ одномъ и томъ же положенiи, а триба иностранцевъ ***) безпрестанно возрастала благодаря постоянному наплыву послѣднихъ [3], то эта послѣдняя не замедлила превзойти первыя двѣ. Реформа, которую Сервiй примѣнилъ для устраненiя этого опаснаго неудобства, состояла въ измѣненiи дѣленiя и въ замѣнѣ уничтоженнаго имъ дѣленiя на расы—другимъ, по мѣстамъ города, занятымъ каждой трибой. Вмѣсто трехъ трибъ онъ учредилъ четыре. Каждая изъ нихъ занимала одинъ изъ римскихъ холмовъ и носила его имя. Такимъ образомъ, устраняя существовавшее неравенство, онъ предупредилъ его и на будущее время, а чтобы это дѣленiе было дѣленiемъ не только мѣстъ, но и людей, онъ запретилъ жителямъ одного квар-

*) Rammenses.
**) Tatienses.
***) Luceres.

тала переселяться въ другой, а это помѣшало слiянiю расъ.

Онъ удвоилъ также три старыя центурiи всадниковъ и прибавилъ къ нимъ еще двѣнадцать, но все-таки сохранивъ за ними старыя имена; средство простое и справедливое, благодаря которому онъ закончилъ отдѣленiе сословiя всадниковъ отъ народа, не возбуждая въ послѣднемъ ропота. Къ этимъ четыремъ городскимъ трибамъ Сервiй прибавилъ 15 другихъ, названныхъ имъ трибами деревенскими, потому что онѣ были образованы изъ деревенскихъ жителей, раздѣленныхъ на такое же количество кантоновъ. Въ послѣдующее время учредили столько же новыхъ трибъ; такъ что въ концѣ концовъ римскiй народъ оказался раздѣленнымъ на тридцать пять трибъ, число, которое осталось неизмѣннымъ до конца республики.

Это различiе городскихъ трибъ и трибъ деревенскихъ оказало извѣстное влiянiе, которое необходимо отмѣтить, потому что другого такого примѣра нѣтъ и потому что этому факту Римъ обязанъ былъ сохраненiемъ своихъ нравовъ и ростомъ своей имперiи. Можно было бы думать, что городскiя трибы присвоятъ себѣ очень скоро силу и почести и не замедлятъ унизить деревенскiя трибы, но оказалось наоборотъ. Извѣстна склонность первыхъ римлянъ къ деревенской жизни. Эту склонность внушилъ имъ мудрый реформаторъ, который соединилъ свободу съ военными и земледѣльческими трудами и предоставилъ, такъ сказать, городу искусство, ремесла, интриги, богатство и рабство.

И такъ какъ все, что въ Римѣ было выдающагося, жило въ деревнѣ и занималось земледѣлiемъ, то привыкли искать только тамъ опору республики.

Этотъ образъ жизни, которому слѣдовали наиболѣе достойные патриціи, былъ почитаемъ всѣми. Простая и трудолюбивая жизнь сельчанъ предпочиталась бездѣльной и развратной жизни римскихъ горожанъ; и тотъ, кто былъ бы въ городѣ только несчастнымъ пролетаріемъ, будучи въ деревнѣ земледѣльцемъ, становился уважаемымъ гражданиномъ. Не безъ основанія, говоритъ Варронъ, наши великодушные предки устроили изъ деревни питомникъ тѣхъ сильныхъ и могучихъ людей, которые защищали ихъ въ военное время и кормили ихъ во время мира. Плиній положительно указываетъ, что деревенскія трибы пользовались почетомъ благодаря людямъ, входившимъ въ ихъ составъ; тогда какъ въ городскія трибы переводили изъ презрѣнія тѣхъ, которыхъ хотѣли унизить. Сабинецъ Аппій Клавдій, явившись въ Римъ, чтобы тамъ поселиться, былъ осыпанъ почестями и записанъ въ деревенскую трибу, которая впослѣдствіи приняла имя его семьи. Наконецъ, всѣ вольноотпущеники вступали въ городскія трибы и никогда—въ сельскія; и въ теченіе всего времени существованія республики не было ни одного примѣра, чтобы кто-нибудь изъ этихъ вольноотпущениковъ добился какой-нибудь должности, хотя бы онъ и сталъ гражданиномъ.

Это правило было превосходно, но оно было проводимо такъ строго, что произошло наконецъ измѣненіе и, конечно, злоупотребленіе въ управленіи.

Во-первыхъ, цензоры, издавна присвоивши себѣ право произвольно переписывать гражданъ изъ одной трибы въ другую, позволяли бо́льшей части гражданъ записываться въ ту трибу, въ какую имъ было угодно. Позволеніе это ни къ чему хорошему не привело и отняло у цензуры одно изъ самыхъ могучихъ ея средствъ. Кромѣ того, такъ какъ сильные и богатые

люди, всѣ вписывались въ деревенскія трибы, а ставшіе гражданами вольноотпущенники оставались вмѣстѣ съ черныю въ городскихъ трибахъ, то трибы, въ общемъ, не имѣли ни опредѣленнаго мѣста, ни опредѣленной территоріи, но всѣ до того смѣшались, что членовъ каждой изъ нихъ можно было отличить только по спискамъ, такъ что идея слова „триба" перешла изъ области отношеній реальныхъ въ область отношеній личныхъ [4] или скорѣе стала почти химерой.

Произошло еще и то, что городскія трибы, будучи ближе къ государственнымъ дѣламъ, часто оказывались и сильнѣе въ комиціяхъ и продавали государство тѣмъ, кто хотѣлъ покупать голоса мошенниковъ, составлявшихъ эти трибы.

Что касается курій, то, такъ какъ учредитель ихъ [5] установилъ десять курій въ каждой трибѣ, весь римскій народъ, заключавшійся тогда въ стѣнахъ города, оказался раздѣленнымъ на тридцать курій, изъ которыхъ каждая имѣла свои храмы, своихъ боговъ, своихъ начальниковъ, своихъ жрецовъ и свои праздники, называвшіеся compitalia, похожіе на тѣ праздники, которые впослѣдствіи происходили въ деревенскихъ трибахъ (paganalia).

Такъ какъ при новомъ раздѣленіи Сервія это число тридцать не могло раздѣлиться на равныя части, на четыре трибы, то онъ и не захотѣлъ касаться этого дѣленія и независимыя отъ трибъ куріи стали другимъ дѣленіемъ римскихъ обитателей: но о куріяхъ не возникало вопроса ни въ средѣ деревенскихъ трибъ, ни въ средѣ входившаго въ ихъ составъ народа, потому что разъ трибы стали учрежденіемъ чисто гражданскимъ, а для наборовъ войскъ было введено особое управленіе, то военныя дѣленія Ромула оказались излишними. Такимъ образомъ, хотя каждый

гражданинъ и былъ записанъ въ трибу, этого все-таки было недостаточно, чтобы каждый состоялъ и въ куріи [6].

Сервій произвелъ еще третье дѣленіе, которое не имѣло никакого отношенія къ двумъ предшествующимъ, но по своимъ результатамъ оказалось наиболѣе важнымъ. Онъ раздѣлилъ весь римскій народъ на шесть классовъ, между которыми онъ не сдѣлалъ различія ни по мѣсту жительства, ни по происхожденію, но по имуществу; такъ что два первыхъ класса состояли изъ богатыхъ, послѣдніе—изъ бѣдныхъ, а средніе—изъ тѣхъ, кто обладалъ среднимъ состояніемъ. Эти шесть классовъ были раздѣлены, въ свою очередь, на сто девяносто три группы, называвшіяся центуріями, а группы эти были такъ распредѣлены, что первый классъ составлялъ больше половины ихъ, а послѣдній образовалъ только одну центурію. Такимъ образомъ, оказалось, что классъ, наименѣе многочисленный по входящему въ него количеству людей, составлялъ наибольшее число центурій, а весь послѣдній классъ считался только за одно подраздѣленіе, хотя онъ одинъ заключалъ болѣе половины жителей Рима. Дабы народъ менѣе могъ разобраться въ послѣдствіяхъ этой реформы, Сервій постарался придать ей военный видъ [7]. Онъ вписалъ во второй классъ двѣ центуріи оружейныхъ мастеровъ, а въ четвертый классъ двѣ центуріи мастеровъ военныхъ сооруженій. Въ каждомъ классѣ, за исключеніемъ послѣдняго, онъ раздѣлилъ молодыхъ и старыхъ, т. е. тѣхъ, которые были обязаны отбывать воинскую повинность и тѣхъ, которые, согласно закону, по возрасту освобождались отъ этой повинности. Это различіе гораздо болѣе, чѣмъ различіе по имуществу вызвало необходимость частаго возобновленія ценза или переписи. Наконецъ, онъ постановилъ, что народное собраніе должно происходить на

Марсовомъ полѣ, и чтобъ тѣ, которые по возрасту должны были служить въ арміи, являлись на собранія вооруженными.

Причина, по которой онъ не провелъ и въ послѣднемъ классѣ дѣленія на молодыхъ и старыхъ, заключалась въ томъ, что онъ не присвоилъ черни, изъ которой этотъ классъ былъ составленъ, чести носить оружіе за отечество. Необходимо было имѣть очагъ, для того чтобы получить право защищать его и изъ среды многочисленныхъ толпъ бродягъ, которыми блещутъ современныя королевскія арміи, не нашлось бы вѣроятно ни одного солдата, который не былъ бы съ презрѣніемъ исключенъ изъ римской когорты: солдаты были тогда защитниками свободы.

Впрочемъ, въ послѣднемъ классѣ отличали тѣмъ не менѣе пролетаріевъ отъ тѣхъ, которыхъ называли capite censi. Первые, не совсѣмъ низведенные до нуля, доставляли, по крайней мѣрѣ, государству гражданъ, а иногда даже, въ случаяхъ крайней необходимости, и солдатъ. Что же касается тѣхъ, которые ничѣмъ не владѣли и которыхъ можно было считать только поголовно [5], то ихъ значеніе было низведено до нуля и Марій первый осмѣлился вербовать ихъ въ войска. Не рѣшая здѣсь вопроса о томъ, была ли эта третья перепись хороша или дурна сама по себѣ, я могу все-таки, какъ мнѣ кажется, утверждать, что только простые нравы первыхъ римлянъ, ихъ безкорыстіе, ихъ склонность къ земледѣлію, ихъ презрѣніе къ торговлѣ и къ погонѣ за барышами, могли сдѣлать ее примѣнимой на практикѣ. Гдѣ тотъ современный народъ, у котораго ужасающая жадность, безпокойный духъ, интриги, постоянныя перемѣщенія, вѣчныя колебанія въ имущественномъ положеніи могли бы дать возможность существовать подобному установленію въ теченіе

20-ти лѣтъ безъ того, чтобы все государство не было приведено въ смятеніе? Надо, кромѣ того, отмѣтить и то, что нравы и цензура, болѣе сильные, чѣмъ вышеописанный институтъ, исправили его недостатки въ Римѣ, и что какой-нибудь богачъ могъ очутиться въ классѣ бѣдныхъ за то, что онъ слишкомъ выставлялъ на-показъ свое богатство.

Изъ всего этого легко понять, почему всегда упоминается только о пяти классахъ, тогда какъ въ дѣйствительности ихъ было шесть. Такъ какъ шестой классъ не доставлялъ солдатъ въ армію, не голосовалъ на Марсовомъ полѣ *) и почти не находилъ себѣ примѣненія въ республикѣ, то онъ рѣдко и принимался въ разсчетъ.

Таковы были различныя подраздѣленія римскаго народа. Посмотримъ теперь, какой результатъ давали они въ народныхъ собраніяхъ. Эти собранія, законно созванныя, назывались комиціями: они происходили на Римской площади [10] или на Марсовомъ полѣ и раздѣлялись на комиціи по куріямъ, по центуріямъ и по трибамъ въ зависимости отъ одной изъ тѣхъ трехъ формъ, по которой они созывались. Комиціи куріатскія были учреждены Ромуломъ; комиціи по центуріямъ—Сервіемъ, и комиціи по трибамъ—народными трибунами. Ни одинъ законъ не могъ быть санкціонированъ, ни одинъ чиновникъ—избранъ, иначе какъ въ комиціяхъ; и такъ какъ не было ни одного гражданина, который не былъ бы записанъ въ курію, или въ центурію или въ трибу, то отсюда слѣдовало, что

*) Я говорю на марсовомъ полѣ, потому что въ этомъ именно мѣстѣ собирались центуріатскія комиціи; въ двухъ другихъ формахъ народъ собирался на форумѣ или въ другомъ мѣстѣ, и тогда capite censi имѣли столько же вліянія и авторитета, сколько и первые граждане [9].

ни одинъ гражданинъ не былъ лишенъ права голоса, и что римскій народъ былъ дѣйствительно сувереномъ и по праву и въ дѣйствительности.

Для того чтобы комиціи были законно собраны и для того чтобы то, что тамъ дѣлалось, имѣло силу закона, необходимы были три условія: первое—чтобы учрежденіе или чиновникъ, созывающій ихъ, былъ облеченъ необходимой для этого властью; во-вторыхъ, чтобы собраніе состоялось въ одинъ изъ дней, опредѣленныхъ закономъ для такихъ собраній, и въ-третьихъ, чтобы предсказанія были благопріятны.

Основаніе перваго правила не нуждается въ объясненіи; второе есть вопросъ порядка [11]; такъ не позволялось устраивать комиціи въ праздничные и базарные дни, когда крестьяне, являясь въ Римъ для устройства своихъ дѣлъ, не могли провести весь день на общественной площади; посредствомъ третьяго правила, сенатъ держалъ въ уздѣ гордый и подвижной народъ и умѣрялъ во-время горячность пылкихъ трибуновъ; но послѣдніе нашли очень много средствъ, чтобы освободиться отъ этой помѣхи.

Изданіе законовъ и выборы начальниковъ были не единственными дѣлами, подлежавшими сужденію комицій. Такъ какъ римскій народъ захватилъ въ свои руки самыя важныя правительственныя функціи [12], то можно сказать, что на этихъ собраніяхъ рѣшалась судьба Европы. Это различіе въ предметахъ вызвало и появленіе различныхъ формъ, которыя принимали эти собранія, сообразно съ вопросами, относительно которыхъ имъ слѣдовало высказаться.

Чтобы судить объ этихъ различныхъ формахъ, достаточно ихъ сравнить. Учреждая куріи, Ромулъ имѣлъ въ виду сдерживать сенатъ посредствомъ народа и народъ посредствомъ сената, господствуя одинаково

надъ обоими. Посредствомъ этой формы онъ предоставилъ народу весь авторитетъ количества, чтобы уравновѣсить авторитетъ могущества и богатства, предоставленный патриціямъ [13]. Но, слѣдуя духу монархіи, онъ предоставилъ все-таки болѣе преимуществъ патриціямъ путемъ вліянія ихъ кліентовъ на многочисленность голосовъ [14]. Это удивительное учрежденіе патроновъ и кліентовъ было шедевромъ политики и человѣчности, безъ котораго патриціатъ, столь противный республиканскому духу, не могъ бы существовать. Римъ одинъ только имѣлъ честь дать міру прекрасный примѣръ, который никогда не порождалъ злоупотребленій, и которому однако никогда не слѣдовали [15].

Такъ какъ та же форма курій существовала при царяхъ до Сервія, и такъ какъ царство послѣдняго Тарквинія не считалось законнымъ, то за царскими законами вообще сохранилось имя leges curiatae (куріатскихъ законовъ).

При республикѣ куріи, оставаясь ограниченными только четырьмя городскими трибами и включая въ свой составъ только римскую чернь, не могли нравиться ни сенату, который стоялъ во главѣ патриціевъ, ни трибунамъ, которые хотя и были плебеями, но стояли во главѣ состоятельныхъ гражданъ. Онѣ потеряли все свое значеніе; ихъ паденіе было такъ велико, что тридцать ликторовъ, собранные со всѣхъ курій, рѣшали то, что должны были рѣшать комиціи по куріямъ.

Дѣленіе по центуріямъ было такъ выгодно аристократіи, что сначала трудно понять, какъ сенатъ не побѣждалъ всегда въ комиціяхъ по центуріямъ, которыя избирали консуловъ, цензоровъ и другихъ курульныхъ чиновниковъ [16]. Въ самомъ дѣлѣ, изъ ста

девяносто трехъ центурій, образовавшихъ шесть классовъ всего римскаго народа, одинъ первый классъ образовывалъ девяносто восемь центурій[17], а такъ какъ голоса считались только по центуріямъ, то одинъ первый классъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи большее число голосовъ, чѣмъ всѣ остальныя. Когда всѣ эти центуріи приходили къ соглашенію, то прекращали даже дальше собирать голоса, и то, что рѣшало незначительное число, выдавалось за рѣшеніе массы; и можно сказать, что въ комиціяхъ по центуріямъ дѣла рѣшались скорѣе по большинству денегъ, чѣмъ по большинству голосовъ.

Но это крайнее владычество умѣрялось двумя средствами. Во-первыхъ, такъ какъ трибуны обыкновенно и большое число плебеевъ постоянно были въ классѣ богатыхъ, то они уравновѣшивали вліяніе патриціевъ въ этомъ первомъ классѣ.

Второе средство заключалось въ томъ, что вмѣсто того, чтобы центуріи голосовали съ самаго начала по порядку, что заставило бы постоянно начинать съ первой, назначали центурію по жребію, и избранная такимъ образомъ центурія одна только*) производила выборы [18], послѣ чего всѣ центуріи, созванныя на другой день по ихъ рангу, повторяли то же избраніе и обыкновенно подтверждали его. Такимъ образомъ, отнимали авторитетъ примѣра у ранга, чтобы передать авторитетъ этотъ жребію, согласно принципамъ демократіи. Изъ этого обычая вытекало и еще одно преимущество, а именно; у гражданъ, жившихъ въ деревняхъ, было время между двумя выборами освѣдо-

---

*) Эта центурія, указанная такимъ образомъ жребіемъ, называлась прерогативной, потому что она первая подавала голосъ и отсюда-то произошло слово прерогатива.

миться о заслугахъ предварительно выставленнаго кандидата, и такимъ образомъ голосовать сознательно. Но подъ предлогомъ ускоренія, въ концѣ концовъ, отмѣнили этотъ обычай, и оба избранія производились въ одинъ и тотъ же день.

Комиціи по трибамъ были собственно совѣтомъ римскаго народа; онѣ созывались только трибунами, здѣсь избирались трибуны и здѣсь же трибуны проводили свои плебисциты. Не только сенатъ не занималъ въ нихъ особаго положенія, но онъ не имѣлъ права даже присутствовать [19] на нихъ, и сенаторы, обязанные повиноваться законамъ, которыхъ они не имѣли возможности даже голосовать, были въ этомъ отнощеніи менѣе свободными, чѣмъ послѣдніе граждане. Эта несправедливость совершенно не сознавалась и ея одной было достаточно, чтобы признать недѣйствительными декреты учрежденія, на которое всѣ члены его не были даже допущены. Если бы всѣ патриціи присутствовали на этихъ комиціяхъ, пользуясь правомъ, которымъ они обладали какъ граждане, ставшіе, такимъ образомъ, обыкновенными частными лицами, то они не оказали бы никакого вліянія на форму голосованія, которая производилась поголовно и при которой самый незначительный пролетарій имѣлъ такое же значеніе, какъ первый сенаторъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что кромѣ порядка въ смыслѣ собиранія голосовъ, явившагося результатомъ различныхъ подраздѣленій столь многочисленнаго народа, эти подраздѣленія не сводились къ формамъ самимъ по себѣ безразличнымъ, но каждая изъ нихъ давала результаты, соотвѣтственные тѣмъ видамъ, изъ-за которыхъ она предпочиталась. Не входя по этому вопросу въ дальнѣйшія детали, изъ предыдущихъ указаній ясно все-таки, что комиціи по

трибамъ были болѣе благопріятны для народнаго правительства, а комиціи по центуріямъ—для аристократіи. Что касается комицій по куріямъ, въ которыхъ большинство образовывала одна римская чернь, то, такъ какъ онѣ годились только для содѣйствія тиранніи и для преступныхъ намѣреній, онѣ должны были потерять свое значеніе, потому что даже бунтовщики воздерживались отъ средства, которое слишкомъ открывало бы ихъ проекты. Нѣтъ сомнѣнія, что все величіе римскаго народа воплощалось только въ комиціяхъ по центуріямъ, которыя однѣ только включали весь народъ; тогда какъ въ комиціи по куріямъ не входили деревенскія трибы, а въ комиціи по трибамъ—сенатъ и патриціи.

Что касается способа собиранія голосовъ, то у первыхъ римлянъ онъ былъ такъ же простъ, какъ ихъ нравы, хотя и менѣе простъ, чѣмъ въ Спартѣ. Каждый подавалъ свой голосъ громко, а писецъ постепенно записывалъ ихъ; большинство голосовъ въ каждой трибѣ опредѣляло голосованіе трибы; большинство голосовъ трибъ опредѣляло голосованіе народа; точно также происходило и въ куріяхъ и въ центуріяхъ. Этотъ обычай былъ хорошъ только до тѣхъ поръ, пока среди гражданъ царила честность, и пока каждый стыдился подавать публично свой голосъ за несправедливое предложеніе или за недостойнаго человѣка. Но когда народъ развратился, и голоса начали покупаться, то болѣе удобной стала тайная подача голосовъ, чтобы сдерживать покупателей путемъ недовѣрія и дать возможность плутамъ не быть измѣнниками [20].

Я знаю, что Цицеронъ порицаетъ эту перемѣну и частью приписываетъ ей гибель республики. Но хотя я и понимаю все значеніе, которое долженъ

имѣть въ данномъ случаѣ авторитетъ Цицерона, я не могу согласиться съ нимъ; я, напротивъ, думаю, что гибель государства ускорилась, потому что не было произведено достаточно подобныхъ измѣненій. Такъ какъ режимъ здоровыхъ людей не годится для больныхъ, то не нужно хотѣть править развращеннымъ народомъ посредствомъ тѣхъ же законовъ, которые хороши для народа добродѣтельнаго. Ничто не доказываетъ лучше этого правила, какъ длительность Венеціанской республики, подобіе которой существуетъ и теперь единственно потому, что ея законы годятся только для порочныхъ людей.

Итакъ, гражданамъ раздавали дощечки, посредствомъ которыхъ каждый могъ голосовать такъ, чтобы нельзя было знать, каково его мнѣніе. Были установлены также новыя формальности для сбора дощечекъ, для счета голосовъ, для сравненія чиселъ и т. д. Это не помѣшало однако тому, чтобы добросовѣстность чиновниковъ, отправлявшихъ эти функціи *), не подвергалась часто сомнѣнію. Наконецъ, для того, чтобы помѣшать плутнямъ и продажѣ голосовъ, были изданы особые эдикты, масса которыхъ доказываетъ ихъ безполезность.

Въ послѣднія времена республики часто бывали вынуждены прибѣгать къ чрезвычайнымъ средствамъ, для того, чтобы восполнить недостатки законовъ. То предполагали чудеса, но это средство, которое могло имѣть вліяніе на народъ, не имѣло вліянія на тѣхъ, которые управляли имъ; то собраніе созывалось внезапно, пока кандидаты не успѣвали еще обдѣлать свои плутни; то цѣлое засѣданіе посвящалось разговорамъ, когда по всѣмъ признакамъ народъ готовъ

*) Custodes, diribitores, rogatores suffragiorum.

былъ принять дурное рѣшеніе; но честолюбіе, въ концѣ концовъ, умѣло устранить всѣ препятствія; и представляется невѣроятнымъ, какъ среди такого множества злоупотребленій этотъ огромный народъ, уважая свои древніе законы, не переставалъ выбирать чиновниковъ, издавать законы, судить преступленія, рѣшать дѣла частныя и общественныя почти съ такой же легкостью, какъ это могъ дѣлать самъ сенатъ.

---

[1] Современная критика отвергла эту этимологію.

[2] Современные историки измѣнили по многимъ пунктамъ изложенныя здѣсь теоріи, бывшія классическими въ эпоху Руссо и остающіяся въ главныхъ чертахъ вѣрными и теперь. Руссо хорошо зналъ и понималъ римскую исторію. Онъ руководился „Разсужденіемъ о Титѣ Ливіѣ" Маккіавели и въ особенности трактатомъ Сигонія „De legibus romanis" („о римскихъ законахъ"). Я отмѣчу только наиболѣе важныя мѣста, въ которыхъ придется отбросить эти теоріи.

[3] Моммсенъ думаетъ, что и эта третья триба была точно также латинскаго происхожденія.

[4] Составъ трибъ, опредѣлявшійся вначалѣ дѣйствительнымъ мѣстожительствомъ гражданъ, впослѣдствіи все болѣе и болѣе сталъ опредѣляться богатствомъ и выборомъ, то есть личными соображеніями. Въ дѣйствительности полномочія собранія по трибамъ все увеличивались вмѣстѣ съ ростомъ демократіи.

[5] Ромулъ.

[6] Значеніе собраній по куріямъ, преобладающее въ эпоху царей постепенно затѣмъ падало.

[7] Это не было, безъ сомнѣнія, одной только внѣшностью, хитростію, а и очень реальнымъ дѣломъ. Нужды военной организаціи явились главной побудительной причиной реформы Сервія. Но вѣрно и то, что эта реформа впослѣдствіи повлекла очень большія политическія послѣдствія.

[8] По-латыни „capite censi" значитъ сосчитанные поголовно.

[9] Тѣмъ не менѣе нѣтъ сомнѣнія, что плебеи не имѣли доступа въ куріатскія собранія, и, какъ доказано, вліяніе пролетаріевъ въ собраніяхъ по трибамъ установилось только постепенно.

[10] Forum. (Форумъ).

[11] То есть эта регламентація не преслѣдовала иной цѣли, кромѣ обезпеченія порядка и регулярности собраній.

[12] Исполнительная власть принадлежала дѣйствительно вначалѣ царямъ и очень немногочисленной патриціанской аристократіи, среди которой рекрутировался сенатъ.

[13] Извѣстно, что Ромулъ вѣроятно есть чисто легендарное лицо. Собранія по куріямъ въ первыя времена носили вѣроятно всегда характеръ аристократическій и патриціанскій; весьма вѣроятно также, что плебеи были исключены изъ нихъ.

[14] Какъ кажется голоса собирались не поголовно, а по семьямъ, такъ что глава рода (gens) голосовалъ только самъ и за своихъ родственниковъ, и за своихъ кліентовъ.

[15] Теорія въ высшей степени спорная.

[16] „Курульными", то есть имѣвшими право на курульное кресло магистратами были: консулы, преторы, цензоры, курульные эдилы и диктаторы.

[17] Включая и *всадниковъ*, которые были внѣ классовъ и образовывали 18 центурій.

[18] Эта реформа была осуществлена Каемъ Гракхомъ.

[19] Вѣроятно это былъ только обычай, длившійся только до тѣхъ поръ, пока собранія по трибамъ играли второстепенную роль. Патриціи, долго воздерживавшіеся отъ посѣщенія этихъ собраній по причинѣ ихъ плебейскаго характера, начали на нихъ присутствовать съ того времени, какъ рѣшенія трибъ получили силу закона (начиная съ 449 до Р. Х.).

[20] Это измѣненіе было произведено табеллярными законами (leges tabellariae 139—107 до Р. Хр.).

ГЛАВА V.

О трибунатѣ.

Когда нельзя установить точной пропорціи между составными частями государства, или когда прочно укоренившіяся причины измѣняютъ безпрестанно отношенія частей въ государствѣ, тогда учреждается

особенная магистратура, которая не находится ни въ какой связи съ другими, но которая перемѣщаетъ всякій членъ пропорціи на его настоящее мѣсто и образуетъ связь, или средній членъ пропорціи,—или между государемъ и народомъ, или между государемъ и сувереномъ, или, если это необходимо, между тѣми и другими [1].

Это учрежденіе, которое я назову трибунатомъ [2], является охранителемъ законовъ и законодательной власти. Иногда оно служитъ для охраны суверена противъ правительства [3], какъ это дѣлали въ Римѣ народные трибуны, иногда онъ служитъ для поддержанія правительства противъ народа [4], какъ это дѣлаетъ теперь въ Венеціи совѣтъ десяти, а иногда для того, чтобы поддержать равновѣсіе и съ той и съ другой стороны, какъ это дѣлали эфоры въ Спартѣ.

Трибунатъ не есть составная часть гражданской общины и онъ не долженъ принимать никакого участія ни въ исполнительной ни въ законодательной власти: но, именно, поэтому его власть обширнѣе обѣихъ вышеупомянутыхъ, ибо, не будучи въ состояніи ничего сдѣлать, трибунатъ можетъ всему помѣшать. Будучи защитникомъ законовъ, онъ власть болѣе священная и болѣе почитаемая, чѣмъ государь, который ихъ выполняетъ, и чѣмъ суверенъ, который ихъ издаетъ. Это ясно было видно въ Римѣ, когда гордые патриціи, презиравшіе постоянно весь народъ, были принуждены склоняться предъ простымъ народнымъ чиновникомъ, который не обладалъ ни юрисдикціей, ни правомъ гаданій [5].

Трибунатъ, разумно умѣренный, является наиболѣе прочной опорой хорошаго государственнаго управленія; но, усиливаясь хотя бы въ незначительной степени болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, онъ опрокидываетъ все. Что

же касается слабости, то она не въ его природѣ, и если онъ имѣетъ хоть какое-нибудь значеніе, то это значеніе никогда не меньше должнаго.

Трибунатъ вырождается въ тираннію, когда онъ узурпируетъ исполнительную власть, которую онъ долженъ только умѣрять, и когда онъ стремится отмѣнять законы, которые онъ долженъ только охранять. Огромная власть эфоровъ, бывшая безопасной, пока Спарта сохраняла свои нравы, ускорило начавшееся развращеніе ея. Агисъ, убитый этими тиранами, былъ отомщенъ своимъ преемникомъ. Преступленіе и наказаніе эфоровъ въ одинаковой степени ускорили гибель республики, и послѣ Клеомена Спарта потеряла все свое значеніе [6]. Римъ погибъ точно такимъ же образомъ, и чрезвычайная власть трибуновъ, постепенно узурпируемая, послужила, наконецъ, при помощи законовъ, созданныхъ для охраны свободы, орудіемъ безопасности для императоровъ, которые разрушили свободу [7]. Что касается венеціанскаго совѣта десяти, то это — кровавый трибуналъ, одинаково ужасный какъ для патриціевъ, такъ и для народа, который вмѣсто того, чтобы твердо охранять законы, служитъ лишь, послѣ уничтоженія ихъ, къ тому, чтобы наносить въ темнотѣ удары, которыхъ не осмѣливаются даже замѣчать.

Трибунатъ ослабляется, какъ и правительство, если количество членовъ его увеличивается. Когда трибуны римскаго народа, бывщіе сначала въ числѣ двухъ, затѣмъ пяти, вознамѣрились удвоить это число, то сенатъ не поставилъ имъ никакихъ препятствій, такъ какъ онъ былъ увѣренъ, что сможетъ удержать однихъ посредствомъ другихъ. Такъ оно, конечно и произошло.

Лучшее средство для предупрежденія узурпаціи

столь могущественнаго учрежденія, средство, которымъ никакое правительство до сихъ поръ еще не пользовалось, было бы не дѣлать этого учрежденія постояннымъ, но регулировать промежутки, во время которыхъ оно прекращало бы свое существованіе. Эти промежутки, которые не должны были бы быть особенно большими, дабы не дать времени укрѣпиться злоупотребленіямъ, могутъ быть опредѣлены закономъ такъ, чтобы было легко сократить ихъ въ случаѣ необходимости посредствомъ комиссій. Это средство не представляетъ, какъ мнѣ кажется, неудобства, потому что, какъ я сказалъ, трибунатъ, не входя составной частью въ конституцію, можетъ быть отмѣненъ не внося разстройства въ нее; средство это мнѣ кажется дѣйствительнымъ потому, что вновь возстановленные чиновники не берутъ отправнымъ пунктомъ своей дѣятельности власть, которую имѣли ихъ предшественники, но ту, которую даетъ имъ законъ [8].

---

[1] Функція этой промежуточной корпораціи заключается въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы вся мощь суверена была сконцентрирована въ рукахъ государя и чтобы послѣдній примѣнялъ ее всю цѣликомъ исключительно въ интересахъ государства. Такимъ образомъ въ серію отношеній, установленныхъ въ III кн. гл. 1-ой (см. также гл. 3 и 7), вставляется новый членъ и если мы обозначимъ трибунатъ буквой T, то мы получимъ слѣдующія двѣ новыя пропорціи $\frac{S}{T} = \frac{T}{G}$ и $\frac{G}{T} = \frac{T}{E.}$

[2] Значеніе, которое Руссо даетъ здѣсь слову „трибунатъ“, совершенно отлично отъ того значенія, какое оно имѣло у римлянъ и еще болѣе отлично отъ значенія, приданнаго ему въ конституціяхъ консулата и имперіи. Учрежденіе, проектированное Руссо, никогда не было осуществлено.

[3] Помогая суверену проявлять и давать преобладающее значеніе своей волѣ.

[4] Помогая правительству принуждать народъ къ повиновенію.

[5] Трибуны римскаго народа не имѣли ни внѣшнихъ знаковъ, ни связокъ, ни ликторовъ; при избраніи ихъ не производилось гаданій (ауспицій), такъ какъ магистратура ихъ была плебейскаго происхожденія. Они обладали тѣмъ не менѣе извѣстной судебной властью.

[6] См. исторію спартанскихъ революцій при Агисѣ и Клеоменѣ къ концу III столѣтія до Р. Х.

[7] Цезарь и Августъ заставили облечь ихъ властью трибуновъ, и ихъ наслѣдники подражали имъ въ этомъ.

[8] Долговременное отправленіе извѣстной магистратуры создаетъ привычки и традиціи, которыя постепенно могутъ совершенно измѣнить характеръ, приданный данной магистратурѣ вначалѣ закономъ. Періодическія магистратуры не подвергались бы подобному неудобству.

ГЛАВА VI.

О диктатурѣ.

Отсутствіе въ законахъ гибкости, которое мѣшаетъ имъ приспособляться къ событіямъ, можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ дѣлать ихъ гибельными и привести государство къ крушенію во времена кризисовъ. Установленный порядокъ и медленность соблюденія формъ требуютъ извѣстнаго промежутка времени, а событія иногда не терпятъ отлагательствъ. Могутъ поедставиться тысячи случаевъ, которыхъ законодатель совершенно не предвидѣлъ, и крайне необходимо имѣть въ виду, что всего предвидѣть нельзя.

Не слѣдуетъ поэтому стремиться къ укрѣпленію политическихъ учрежденій до такой степени, чтобы отнимать возможность временнаго прекращенія ихъ дѣйствія. Даже Спарта пренебрегала иногда своими законами. Но только большія опасности могутъ

уравновѣсить опасность, проистекающую отъ измѣненія общественнаго порядка, а священную власть законовъ слѣдуетъ останавливать только въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о спасеніи отечества. Въ этихъ рѣдкихъ и ясно опредѣленныхъ случаяхъ охрана общественной безопасности вручается особымъ актомъ наиболѣе достойному. Это порученіе можетъ быть дано двумя способами, въ зависимости отъ рода опасности.

Если для того, чтобы устранить опасность, достаточно увеличить дѣятельность правительства, то всѣ отрасли управленія концентрируются въ рукахъ одного или двухъ членовъ его и, такимъ образомъ, пріостанавливается не дѣйствіе законовъ, а измѣняется только форма управленія на основаніи этихъ законовъ. Но если опасность столь велика, что аппаратъ законовъ является препятствіемъ для ея устраненія, тогда назначается верховный начальникъ, который заставляетъ умолкнуть всѣ законы и устраняетъ на время верховную власть. Въ подобныхъ случаяхъ общая воля несомнѣнна, такъ какъ очевидно, что главное стремленіе народа заключается въ томъ, чтобы государство не погибло. Такимъ образомъ, временное устраненіе законодательной власти не отмѣняетъ ея; правительство которое заставляетъ ее умолкнуть, не можетъ заставить ее говорить; оно господствуетъ надъ ней, но оно лишено возможности быть ея представителемъ. Оно можетъ сдѣлать все за исключеніемъ законовъ [1].

Первое средство примѣнялось римскимъ сенатомъ, когда онъ снабжалъ консуловъ особой властью посредствомъ специальной формы, гласившей, чтобы консулы заботились о спасеніи республики; второй способъ примѣнялся, когда одинъ изъ двухъ консуловъ назна-

чалъ диктатора *), обычай, заимствованный Римомъ отъ Альбы.

Въ первыя времена республики къ диктатурѣ прибѣгали очень часто, потому что государство не обладало еще достаточно опредѣленнымъ устройствомъ, чтобы быть въ состояніи держаться одной силой своей конституціи. Такъ какъ нравы того времени дѣлали излишними цѣлый рядъ предосторожностей, которыя были бы необходимы въ другое время, то не боялись ни того, что диктаторъ злоупотребитъ своей властью, ни что онъ попытается сохранить ее дольше означеннаго срока. Казалось, напротивъ, что такая огромная власть была тягостна для облеченнаго ею, настолько онъ спѣшилъ отдѣлаться отъ нея, какъ будто бы замѣнять законы было постомъ, слишкомъ труднымъ и слишкомъ опаснымъ.

Поэтому не опасность злоупотребленій, но опасность упадка побуждаютъ меня порицать частыя примѣненія этой высшей магистратуры въ первыя времена [2]. Можно было опасаться, что, часто назначая диктаторовъ, и для выборовъ, и для празднествъ, и для выполненія голыхъ формальностей [3], можно было опасаться что эта мѣра станетъ менѣе грозной въ случаѣ необходимости и что общество привыкнетъ смотрѣть, какъ на пустой титулъ, на то назначеніе, которое примѣнялось только для пустыхъ церемоній.

Къ концу республики римляне, ставъ болѣе подозрительными, примѣняли диктатуру столь же скудно какъ раньше злоупотребляли ею [4]. Пріятно было убѣдиться, что боязнь ихъ была мало обоснована, что слабость столицы являлась гарантіей безопасно-

---

*) Это назначеніе дѣлалось ночью и тайно, какъ будто стыдились поставить человѣка выше законовъ.

*

сти ея противъ посягательствъ магистратовъ, пребывавшихъ въ ней, что въ извѣстныхъ случаяхъ диктаторъ могъ защитить общественную свободу, не будучи никогда въ состояніи посягнуть на нее, и что оковы для Рима оказались выковаными не въ самомъ Римѣ, а въ средѣ его армій.

Незначительное сопротивленіе, оказанное Маріемъ Суллѣ и Помпеемъ Цезарю, ясно показало, чего можно ожидать отъ власти внутри при борьбѣ съ внѣшней силы.

Эта ошибка заставила римскій народъ сдѣлать нѣсколько крупныхъ промаховъ; такимъ промахомъ было, напримѣръ, нежеланіе назначить диктатора во время дѣла Катилины, такъ какъ въ данномъ случаѣ вопросъ шелъ только о самомъ Римѣ и самое большее о какой-нибудь итальянской провинціи, такъ что при той безграничной власти, которую законы предоставляли диктатору, онъ легко раскрылъ бы заговоръ, подавленный только благодаря стеченію счастливыхъ обстоятельствъ, на что человѣческая мудрость никогда не должна разсчитывать. Вмѣсто этого сенатъ удовольствовался тѣмъ, что передалъ всю свою власть консуламъ, а изъ этого получилось то, что Цицеронъ, чтобы дѣйствовать съ успѣхомъ, принужденъ былъ превысить предоставленную ему власть въ одномъ изъ существенныхъ пунктовъ и, если первые взрывы радости привели къ одобренію его поведенія, то вполнѣ справедливо было то, что впослѣдствіи потребовали у него объясненія за пролитую имъ вопреки законамъ кровь гражданъ,—упрекъ, котораго нельзя было бы сдѣлать диктатору [5]. Но краснорѣчіе консула увлекло всѣхъ, и такъ какъ самъ онъ, хотя и римлянинъ, любилъ славу больше своего отечества, то и стремился не столько къ тому, чтобы оты-

скать наиболѣе вѣрное средство для спасенія отечества, сколько къ тому, чтобы присвоить себѣ честь всего этого дѣла *). Поэтому онъ по справедливости былъ почтенъ, какъ освободитель Рима и по справедливости же былъ наказанъ, какъ нарушитель закона. Какимъ бы блестящимъ ни было возстановленіе его въ правахъ, несомнѣно, что это было помилованіе.

Впрочемъ, какимъ бы образомъ это важное порученіе [6] ни давалось, необходимо ограничить его продолжительность небольшимъ срокомъ, который ни въ коемъ случаѣ не могъ бы быть продолженъ. Во время кризисовъ, которые приводятъ къ установленію диктатуры, государство или быстро разрушается или спасается; а разъ настоятельная необходимость прошла, то диктатура становится или тиранической или ненужной. Въ Римѣ диктаторы назначались только на шесть мѣсяцевъ, и большая часть отказывалась отъ должности еще до окончанія этого срока. Если бы срокъ былъ болѣе продолжителенъ, то они можетъ быть и попытались бы продолжить его еще дольше, какъ это сдѣлали децемвиры, попытавшись продолжить свои годичныя полномочія. Диктаторъ имѣлъ только время, чтобы выполнить тѣ обязанности, для исполненія которыхъ онъ былъ выбранъ; но у него не было времени, чтобы думать о другихъ предпріятіяхъ.

---

[1] Въ самомъ дѣлѣ рѣшеніе пріостановить дѣйствіе всѣхъ своихъ предыдущихъ рѣшеній или законовъ принимаетъ сама общая

---

*) Въ этомъ-то онъ и не могъ быть увѣренъ, если бы онъ предложилъ диктатора, такъ какъ назначить самого себя онъ не осмѣлился бы, а быть увѣреннымъ въ томъ, что его назначитъ его коллега, онъ тоже не могъ.

воля; она же вручаетъ диктатору исполнительную власть, не ограниченную никакимъ текстомъ закона. Такимъ образомъ мандатъ диктатора вполнѣ легальный. Онъ не становится все-таки представителемъ суверена, потому что суверенитетъ передаваться не можетъ, и всѣ рѣшенія свои диктаторъ принимаетъ отъ собственнаго имени, исключительно потому, что считаетъ ихъ полезными, не считаясь вовсе съ тѣмъ, отвѣчаютъ ли они общей волѣ или нѣтъ. Единственнымъ объектомъ этой общей воли является тогда безпрекословное повиновеніе. Нѣтъ надобности добавлять, что подобное положеніе можетъ быть лишь исключительнымъ и длиться недолго, иначе возникнетъ опасеніе, что всякая свобода уничтожится.

[2] Римской республики.

[3] Кромѣ случаевъ войны или возстанія диктаторовъ назначали и для того, чтобы предсѣдательствовать при извѣстныхъ религіозныхъ актахъ или при извѣстныхъ гражданскихъ церемоніяхъ, и они отказывались отъ должности немедленно послѣ выполненія своихъ функцій. Конечно, у нихъ общимъ съ абсолютными начальниками, къ которымъ прибѣгали лишь въ случаяхъ крайней опасности, было одно только имя.

[4] Тѣмъ не менѣе Сулла и Цезарь получили титулъ диктаторовъ: но тогда это были настоящія „новыя магистратуры, подготовившія переходъ отъ республики къ имперіи.

[5] Цицеронъ дѣйствительно былъ обвиненъ, а позднѣе и изгнанъ за то, что беззаконно казнилъ сообщниковъ Катилины: онъ добился осужденія ихъ отъ сената, хотя послѣдній и не былъ облеченъ судебной властью.

[6] Диктатура.

ГЛАВА VII.

О цензурѣ.

Подобно тому, какъ изъявленіе общей воли происходитъ путемъ закона, такъ изъявленіе общественнаго приговора производится посредствомъ цензуры [1]. Общественное мнѣніе есть своего рода законъ, мини-

стромъ котораго служитъ цензоръ, примѣняющій подобно государю законъ къ частнымъ случаямъ [2].

Цензорскій трибуналъ далеко не является такимъ образомъ судьей общественнаго мнѣнія; онъ только глашатай этого мнѣнія, и лишь только онъ отклоняется въ сторону, какъ рѣшенія его становятся пустыми и лишенными вліянія [3].

Безполезно проводить различіе между нравами націи и предметами ея почитанія, потому что все это связано однимъ и тѣмъ же принципомъ и по необходимости сливается. У всѣхъ народовъ міра выборъ предметовъ удовольствія опредѣляетъ не природа, а мнѣніе. Поднимите мнѣнія людей, и нравы ихъ очистятся сами по себѣ. Люди всегда любятъ то, что прекрасно или что они находятъ таковымъ; но именно въ этомъ сужденіи ошибаются, а поэтому вопросъ сводится къ тому, чтобы направить это сужденіе. Кто судитъ о нравахъ—судитъ о чести, а кто судитъ о чести—тотъ мѣриломъ беретъ мнѣніе [4].

Мнѣнія народа возникаютъ изъ его конституціи. Хотя законъ и не регулируетъ нравовъ, но возникаютъ они благодаря законодательству. Когда законодательство ослабляется, нравы вырождаются; но тогда приговоръ цензоровъ не произведетъ того дѣйствія, которое не могла произвести сила законовъ.

Отсюда вытекаетъ, что цензура можетъ быть полезной для сохраненія нравовъ, но не имѣетъ никакого значенія для ихъ возстановленія. Назначайте цензоровъ, пока законы имѣютъ силу; какъ только они ее потеряли, все окажется безнадежнымъ. Ничто закономѣрное не будетъ имѣть силы, когда этой силы не имѣютъ сами законы.

Цензура поддерживаетъ нравы, мѣшая мнѣніямъ развращаться, сохраняя правильность ихъ мудрыми

дѣйствіями, иногда даже установляя эти мнѣнія, когда они еще не опредѣлились. Обычай замѣщать себя другими въ дуэляхъ, доведенный до безумія во Французскомъ королевствѣ, былъ отмѣненъ слѣдующими только словами одного изъ королевскихъ эдиктовъ; „что касается тѣхъ, которые такъ трусливы, что приглашаютъ замѣстителей...". Это сужденіе, предупреждая сужденіе общества, опредѣлило сразу направленіе его; но когда тѣ же эдикты хотѣли постановить, что такой же трусостью является сама дуэль, что совершенно вѣрно, но что противно общепринятому мнѣнію, то общество начало только издѣваться надъ рѣшеніемъ вопроса, по которому сужденіе общества было уже сдѣлано.

Въ другомъ мѣстѣ я сказалъ *), что, такъ какъ общественное мнѣніе не можетъ быть принуждаемо къ чему-нибудь, то для трибунала, учрежденнаго для того чтобы представлять общественное мнѣніе не нужно было никакого принужденія. Нельзя выразить достаточнаго изумленія передъ тѣмъ, съ какимъ искусствомъ этотъ стимулъ, совершенно затерянный у современныхъ народовъ, пускался въ ходъ римлянами, а еще лучше лакедемонянами.

Когда человѣкъ безнравственный высказывалъ мудрыя замѣчанія въ спартанскомъ совѣтѣ, то эфоры, не обращая какъ будто вниманія на говорящаго, заставляли гражданина добродѣтельнаго высказать то же мнѣніе. Какая честь для одного, какое предостереженіе для другого, хотя ни тотъ, ни другой не получали ни похвалы, ни порицанія. Какіе-то пьяницы съ Самоса загрязнили трибуналъ эфоровъ. На другой день публичнымъ эдиктомъ самосцамъ разрѣшено

*) Въ этой главѣ я только намѣчаю то, что я болѣе подробно разсмотрѣлъ въ письмѣ къ г. д'Аламберу.

было быть грубіянами. Настоящее наказаніе было бы менѣе суровымъ, чѣмъ подобная безнаказанность. Когда Спарта высказывала свое сужденіе относительно того, что честно и что безчестно, то Греція не протестовала.

---

[1] Руссо понимаетъ здѣсь подъ *цензурой* магистратуру, исключительнымъ назначеніемъ которой было бы наблюденіе за чистотой нравовъ посредствомъ порицанія актовъ, которые, не будучи наказуемыми по закону, оскорбляютъ все-таки общественную мораль. Это и было дѣйствительно одной изъ главныхъ функцій римскихъ цензоровъ.

[2] Цензоръ есть истолкователь „неписаннаго" закона; онъ придаетъ лишь офиціальное выраженіе само собой складывающимся сужденіямъ общественнаго мнѣнія.

[3] Если общественное мнѣніе несогласно съ постановленіемъ цензора, то оно естественно уничтожаетъ это постановленіе, не давая ему санкціи дѣйствительнаго опозоренія виновнаго.

[4] То есть, если извѣстно обычное поведеніе людей (нравы), то извѣстно въ то же время и что они почитаютъ и что презираютъ (честь), такъ какъ въ общемъ поведеніе людей опредѣляется этими именно чувствами; и самыя эти чувства являются результатомъ не природы вещей, а убѣжденій, то есть традиціонныхъ и общихъ привычекъ ума, зависящихъ въ свою очередь отъ политическаго строя даннаго народа. Нравы народа косвенно зависятъ такимъ образомъ отъ его законодательства: истинной гарантіей добродѣтели народа служатъ хорошіе законы. Поэтому функціи цензора всегда будутъ имѣть второстепенное значеніе.

ГЛАВА VIII.

О гражданской религіи.

У людей съ самаго начала не было другихъ царей кромѣ боговъ, ни другого правительства, кромѣ тео-

кратическаго [1]; они разсуждали, какъ Каллигула [2], и разсуждали тогда правильно. Нужны продолжительныя измѣненія въ чувствахъ и идеяхъ, чтобы можно было рѣшиться принять подобное себѣ существо за господина и думать при этомъ, что такъ будетъ хорошо.

Слѣдствіемъ одного только того, что Бога ставили во главѣ каждаго политическаго общества, оказалось столько же боговъ, сколько было народовъ. Два чуждыхъ другъ другу народа, находившихся почти всегда во враждебныхъ отношеніяхъ, не могли долго признавать одного и того же повелителя: двѣ арміи, сражающіяся между собою, не могли бы повиноваться одному и тому же начальнику. Такимъ образомъ, результатомъ національныхъ подраздѣленій явился политеизмъ [3], а отсюда уже произошла теологическая и гражданская нетерпимость, что въ сущности одно и то же, какъ будетъ показано ниже.

То, что грекамъ пришла фантазія найти своихъ боговъ у варварскихъ народовъ, произошло отъ того, что они смотрѣли на себя, какъ на природныхъ владыкъ этихъ народовъ. Но въ наше время смѣшной должна показаться эрудиція, которая все время вертится на тождествѣ боговъ различныхъ націй; какъ будто Молохъ, Сатурнъ и Хроносъ могли быть однимъ и тѣмъ же божествомъ; какъ будто Ваалъ финикійцевъ, Зевсъ грековъ, Юпитеръ латинянъ могли быть однимъ и тѣмъ же; какъ будто могло остаться что нибудь общее у химерическихъ существъ, носящихъ различныя имена [4].

Если меня спросятъ, какимъ образомъ во времена язычества, когда каждое государство имѣло свой культъ и своихъ боговъ, не было религіозныхъ войнъ, то я отвѣчу, что это произошло именно потому, что каждое государство, имѣя собственный культъ так-

же какъ и собственное правительство, не отличало своихъ боговъ отъ своихъ законовъ. Политическая война была также и войной теологической. Сферы вліянія боговъ были, такъ сказать, опредѣлены границами націй; богъ одного народа не имѣлъ никакого права надъ другими народами; боги язычниковъ не были ревнивыми богами; они раздѣлили между собой владычество надъ міромъ. Даже Моисей и еврейскій народъ иногда поддавались этой идеѣ, говоря о Богѣ Израиля. Они считали, конечно, ничтожными боговъ ханаанцевъ, народовъ проклятыхъ, обреченныхъ на гибель, мѣсто которыхъ они должны были занять; но посмотрите, какъ они говорятъ о божествахъ сосѣднихъ народовъ, на которыя имъ запрещено было нападать. „Развѣ владѣніе тѣмъ, что принадлежитъ Хамосу, вашему богу“, говорилъ Іефѳай аммонитянамъ, „не есть ваше законное владѣніе? Мы владѣемъ по тому же праву тѣми землями, которыя отвоевалъ для себя наша богъ-побѣдитель“ *). Въ данномъ случаѣ, какъ мнѣ кажется, было ясно признанное равенство между правами Хамоса и правами Бога Израиля.

Но когда евреи, подчиненные царямъ вавилонскимъ, а впослѣдствіи сирійскимъ, упорно не захотѣли признавать никакого бога, кромѣ своего собственнаго, то этотъ отказъ, принятый за бунтъ противъ побѣдителя, навлекъ на нихъ преслѣдованія, о ко-

*) „Nonne ea quae possidet Chamos, deus tuus, tibi jure debentur?“ Таковъ текстъ вульгаты. Де-Карріеръ перевелъ: „Не имѣете-ли вы права владѣть тѣмъ, что принадлежитъ Хамосу, вашему Богу?“ Мнѣ неизвѣстенъ еврейскій текстъ, но я вижу что по вульгатѣ Іефѳай положительно признаетъ право бога Хамоса и что французскій переводчикъ ослабляетъ это признаніе вставкой словъ которыхъ нѣтъ въ латинскомъ текстѣ.

торыхъ можно прочитать въ исторіи и подобныхъ которымъ не было до христіанства *). Такъ какъ каждая религія неразрывно связана съ законами государства, ее предписавшаго, то единственнымъ средствомъ обратить народъ въ свою религію было поработить его, а единственными миссіонерами были завоеватели; и такъ какъ обязанность измѣнять религію была закономъ для побѣжденныхъ, то прежде чѣмъ говорить о перемѣнѣ религіи, надо было начинать съ побѣды. Не люди вовсе сражались за боговъ, а какъ у Гомера, боги сражались за людей. Каждый просилъ у своего бога побѣды и оплачивалъ эту побѣду новыми алтарями. Римляне прежде чѣмъ взять какую нибудь крѣпость, упрашивали мѣстныхъ боговъ покинуть ее, а когда они оставили тарентинцамъ ихъ разгнѣванныхъ боговъ, то это потому, что они считали этихъ боговъ подчиненными своимъ богамъ и принужденными оказывать имъ почести. Они оставляли побѣжденнымъ ихъ боговъ, какъ они оставляли имъ ихъ законы. Часто единственной данью, которую они налагали, былъ вѣнокъ Юпитеру Капитолійскому.

Наконецъ, такъ какъ римляне вмѣстѣ съ своимъ владычествомъ распространяли и свой культъ и своихъ боговъ, и такъ какъ часто они сами принимали въ свой пантеонъ боговъ побѣжденныхъ, предоставляя и тѣмъ и другимъ право гражданства, то народы этой огромной имперіи нечувствительно оказались обладателями множества боговъ и культовъ, почти вездѣ одинаковыхъ. Такимъ, именно, образомъ язычество

---

*) Совершенно очевидно, что фокейская война, названная также священной войной, не была войной религіозной. Цѣль ея была наказать кощунство, но не усмирять невѣрующихъ.

стало извѣстно въ мірѣ, какъ единая и одинаковая для всѣхъ религія [5].

При этихъ-то условіяхъ пришелъ Іисусъ для установленія на землѣ духовнаго царства; отъ этого отдѣленія системы теологической отъ системы политической произошло то, что государство перестало быть единымъ; а отсюда произошли тѣ внутреннія неурядицы, которыя постоянно волновали христіанскіе народы. А такъ какъ эта новая идея—царства другого міра—не могла вмѣститься въ головѣ язычниковъ, то они и смотрѣли на христіанъ, какъ на настоящихъ бунтовщиковъ, которые, подъ ложнымъ видомъ покорности, искали лишь удобнаго момента, для того чтобы стать независимыми и повелителями и чтобы легкимъ маневромъ узурпировать власть, дѣлая видъ, что уважаютъ ее. Такова была причина гоненій.

То, чего язычники боялись, наступило. Тогда все измѣнилось. Смиренные христіане измѣнили языкъ и скоро это царство, якобы другого міра, стало подъ руководствомъ видимаго главы самымъ жестокимъ деспотизмомъ на землѣ. Но такъ какъ въ этомъ царствѣ всегда былъ и государь и гражданскіе законы, то наличность двойной власти привела къ вѣчному конфликту въ юрисдикціи, который сдѣлалъ совершенно невозможнымъ въ христіанскихъ государствахъ всякое хорошее государственное устройство, и никогда нельзя было съ точностью узнать кому слѣдовало повиноваться: свѣтскому повелителю или священнику.

Многіе народы даже въ Европѣ и соприкасающихся съ ней странахъ пытались всетаки сохранить или возстановить старую систему [6], но безъ всякаго успѣха. Духъ христіанства проникъ повсюду. Религіозный

культъ сталъ независимымъ отъ суверена, и не былъ необходимо связанъ съ государственнымъ тѣломъ. Магометъ имѣлъ правильный взглядъ; онъ хорошо связалъ свою политическую систему, и до тѣхъ поръ, пока созданная имъ форма правительства существовала при калифахъ и ихъ преемникахъ, это правительство было дѣйствительно единымъ и въ этомъ смыслѣ хорошимъ. Но арабы, ставъ народомъ цвѣтущимъ, образованнымъ, воспитаннымъ, изнѣженнымъ и трусливымъ, были покорены варварами: тогда раздѣленіе между властями произошло вновь. Хотя оно менѣе очевидно у магометанъ, чѣмъ у христіанъ но оно существуетъ все-таки у первыхъ, въ особенности у секты Али, и есть государства, какъ, напр. Персія, гдѣ это дѣленіе постоянно даетъ себя чувствовать.

Въ Европѣ англійскіе короли стали главами церкви; точно такъ же поступили цари; но, присвоивъ себѣ этотъ титулъ главъ церкви, они стали скорѣе слугами ея, чѣмъ господами; они пріобрѣли въ гораздо меньшей степени право измѣнять ее, чѣмъ возможность ее поддерживать; они являются въ ней не законодателями, а только государями. Вездѣ, гдѣ духовенство составляетъ особую корпорацію *), оно—повелитель и законодатель въ своемъ отечествѣ.

---

*) Необходимо замѣтить, что духовенство связываютъ въ одинъ организмъ не столько формальныя собранія, какъ собранія французскаго духовенства, сколько общность церквей. Общность и отлученіе служатъ соціальнымъ договоромъ духовенства, договоромъ, посредствомъ котораго оно всегда будетъ повелителемъ народовъ и королей. Всѣ священники, которые вмѣстѣ пріобщаются — сограждане, хотя бы они и жили на противоположныхъ концахъ свѣта. Это изобрѣтеніе есть шедевръ политики; ничего подобнаго не было среди языческихъ жрецовъ, поэтому-то они никогда и не составляли корпораціи духовенства.

Итакъ и въ Англіи и въ Россіи, какъ и вездѣ, существуетъ двѣ власти, два суверена [7].

Изъ всѣхъ христіанскихъ авторовъ одинъ только философъ Гоббсъ прекрасно понималъ и зло и средство для его излеченія; онъ одинъ осмѣлился предложить соединеніе двухъ главъ орла и приведеніе всего къ политическому единству, безъ котораго никогда ни государство, ни правительство не будутъ хорошо устроены [8]. Но онъ долженъ былъ видѣть и то, что духъ господства въ христіанствѣ былъ несовмѣстимъ съ его системой, и что интересъ священника всегда будетъ сильнѣй, чѣмъ интересъ государства. Политику Гоббса сдѣлало ненавистной не столько то, что въ ней есть ужаснаго и ложнаго, сколько то, что въ ней есть справедливаго и вѣрнаго *).

Я думаю, что разсматривая съ этой точки зрѣнія историческіе факты, легко можно опровергнуть противоположныя воззрѣнія Бейля [10] и Варбуртона [11], изъ которыхъ одинъ увѣряетъ, что никакая религія не полезна для политическаго тѣла, а другой, напротивъ, увѣряетъ, что христіанство является наиболѣе прочной опорой для государства. Первому можно было бы доказать, что ни одно государство не было основано безъ того, чтобы религія не послужила для него основаніемъ, а второму, что христіанскій законъ въ сущности болѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ для прочнаго государственнаго устройства. Для того, чтобы я могъ быть понятъ надлежащимъ образомъ, мнѣ надо только

---

*) Интересно отмѣтить между прочимъ въ одномъ письмѣ къ брату отъ 11-го апрѣля 1643 г. что Гроцій одобряетъ въ книгѣ „о гражданинѣ“ и что онъ порицаетъ. Правда, склонный къ терпимости, Гроцій готовъ простить автору добро во имя зла, но не всѣ такъ терпимы [9].

придать больше точности слишкомъ неопредѣленнымъ религiознымъ идеямъ, относящимся къ моему предмету.

Религiя, разсматриваемая по ея отношенiю къ обществу, которое можетъ быть или общимъ или частнымъ [12], можетъ быть также раздѣлена на два вида а именно: религiя человѣка и религiя гражданина, Первая, не имѣющая ни храмовъ, ни алтарей, ни обрядовъ, ограниченная только чисто внутреннимъ культомъ высшаго Бога и вѣчными моральными обязанностями, есть чистая и простая религiя Евангелiя, истинный теизмъ и то, что можно назвать естественнымъ божественнымъ правомъ. Другая религiя, составляющая собственность одной только страны, даетъ послѣдней ея боговъ, ея собственныхъ патроновъ и покровителей; у этой религiи есть свои догматы, свои обряды, свой внѣшнiй культъ, предписанный законами. Внѣ той единственной нацiи, которая исповѣдуетъ эту религiю, все остальное для послѣдней представляется невѣрнымъ, чуждымъ и варварскимъ. Она простираетъ обязанности и права человѣка только на то пространство, которое занимаютъ ея алтари. Таковы были религiи всѣхъ первобытныхъ народовъ, религiи, которымъ можно дать названiе божественнаго гражданскаго или положительнаго права.

Есть еще третiй видъ религiи, болѣе странный, который, давая людямъ два законодательства, двѣ главы, два отечества, подчиняетъ ихъ противоположнымъ обязанностямъ [13] и мѣшаетъ имъ быть въ одно и то-же время и благочестивыми людьми и гражданами. Такова религiя Ламъ [14], такова религiя японцевъ и таково римское христiанство. Послѣднее можно назвать религiей священника. Отсюда проис-

текаетъ нѣчто въ родѣ смѣшаннаго и не общественнаго права, которому нѣтъ названія.

Если разсматривать эти три вида религіи съ политической точки зрѣнія [15], то всѣ они имѣютъ свои недостатки. Третій видъ настолько очевидно плохъ, что было бы потерей времени забавляться доказательствомъ этого. Все, что разрываетъ соціальное единство, ничего не стоитъ; всѣ институты, которые ставятъ человѣка въ противорѣчіе съ самимъ собой, никуда не годны.

Второй видъ религіи хорошъ въ томъ отношеніи, что онъ соединяетъ культъ божества съ любовью къ законамъ, а дѣлая изъ отечества предметъ почитанія для гражданъ, религія учитъ ихъ, что служить государству, значитъ служить богу покровителю. Это родъ теократіи, въ которой не должно быть другого верховнаго жреца, кромѣ государя и другихъ жрецовъ, кромѣ магистратовъ. Въ такомъ случаѣ умереть за свою страну, значить, идти на мученическій подвигъ; нарушить законы, значитъ оказаться нечестивцемъ, а подчинить виновнаго публичному отверженію, значитъ обречь его гнѣву боговъ: Sacer esto [16].

Но этотъ видъ религіи дуренъ въ томъ отношеніи что, будучи основанъ на ошибкѣ и лжи, онъ обманываетъ людей, дѣлаетъ ихъ довѣрчивыми, суевѣрными и растворяетъ истинный культъ божества въ пустой обрядности. Этого рода религія оказываетъ дурное вліяніе и тогда, когда, ставъ исключительно тиранической, она дѣлаетъ народъ кровожаднымъ и нетерпимымъ, такъ что онъ думаетъ только объ убійствахъ и избіеніяхъ и вѣритъ, что онъ дѣлаетъ святое дѣло, убивая всякаго, кто не принимаетъ его боговъ. Это ставитъ такой народъ въ очень вредное для его

безопасности—естественное состоянiе войны со всѣми другими народами.

Остается, значитъ религiя человѣка или христiанства, но не современное христiанство, а евангельское, совершенно отличное отъ перваго. Посредствомъ этой святой, возвышенной, истинной религiи всѣ люди—дѣти одного и того же Бога—признаютъ себя братьями, а общество, которое ихъ соединяетъ, не распадается даже послѣ смерти.

Но эта религiя, не имѣя никакой особой связи съ политическимъ тѣломъ [17], оставляетъ за законами только ту силу, которую они представляютъ сами по себѣ, не прибавляя къ этой силѣ никакой другой; а благодаря этому одна изъ крупныхъ связей отдѣльнаго общества не оказываетъ своего дѣйствiя [18]. Больше того, религiя эта не только не привязываетъ сердца гражданъ къ государству, она отвращаетъ ихъ отъ него, какъ отъ всѣхъ остальныхъ земныхъ дѣлъ. Я не знаю ничего болѣе противоположнаго соцiальному духу [19].

Намъ могутъ сказать, что народъ, состоящiй изъ истинныхъ христiанъ, образовалъ бы наиболѣе совершенное общество, какое только можно себѣ представить. Въ этомъ предположенiи я вижу только одну значительную трудность: общество, состоящее изъ истинныхъ христiанъ, не было бы уже обществомъ, состоящимъ изъ людей [20].

Я утверждаю даже, что это предполагаемое общество при всемъ своемъ совершенствѣ не было бы ни болѣе прочнымъ, ни болѣе долговѣчнымъ. Благодаря тому, что оно будетъ совершенно, въ немъ не будетъ никакой связи [21]. Порокъ, который разрушилъ бы его, заключался бы въ самомъ совершенствѣ.

Каждый выполнялъ бы свой долгъ; народъ подчи-

нялся бы законамъ; начальники были бы справедливыми и умѣренными; судьи—честными и неподкупными; солдаты презирали бы смерть; не существовало бы ни суетности, ни роскоши: все это очень хорошо но посмотримъ, что дальше.

Христіанство—религія всецѣло духовная, занятая исключительно небесными дѣлами; отечество христіанина не въ этомъ мірѣ; онъ исполняетъ, конечно, свой долгъ, но онъ исполняетъ его, относясь глубоко индифферентно къ хорошему или дурному результату своихъ заботъ. Лишь бы ему не въ чемъ было себя упрекнуть, а дальше ему совершенно безразлично, идутъ ли на землѣ дѣла хорошо или скверно. Если государство процвѣтаетъ, то онъ едва осмѣливается пользоваться общественнымъ благополучіемъ; онъ боится, что возгордится славой своей страны. Если государство погибаетъ, онъ благословляетъ десницу Бога, карающую его народъ.

Для того чтобы общество было мирнымъ и чтобы гармонія продолжала существовать, необходимо было бы, чтобы всѣ граждане безъ исключенія были одинаково добрыми христіанами; но если, къ несчастью, найдется хоть одинъ честолюбецъ, хотя бы одинъ лицемѣръ въ родѣ Катилины или Кромвеля, то послѣднему будетъ легко справиться со своими благочестивыми соотечественниками. Христіанское милосердіе не легко допускаетъ, чтобы можно было подумать худо о своемъ ближнемъ. Какъ только такой человѣкъ посредствомъ какой нибудь хитрости сумѣетъ повліять на соотечественниковъ и овладѣть частью общественной власти, онъ сразу станетъ человѣкомъ достойнымъ уваженія въ ихъ глазахъ: Богъ хочетъ, чтобы его уважали; скоро является и власть: Богъ хочетъ, чтобы ему повиновались. Если хранитель этой власти

начинаетъ злоупотреблять ею, то это бичъ, которымъ Господь Богъ наказываетъ своихъ дѣтей. Изгнать узурпатора не хватитъ духа, для этого надо было бы нарушить общественный покой, примѣнить силу, пролить кровь; все это плохо согласуется съ мягкосердечіемъ христіанина [22]; и наконецъ не все ли ему равно, будетъ ли онъ свободнымъ или рабомъ въ этой юдоли бѣдствій. Главное—это попасть въ рай, а смиреніе только средство для этого.

Если случится какая нибудь иноземная война, то граждане охотно идутъ въ сраженіе; никто изъ нихъ не думаетъ бѣжать; они выполняютъ свой долгъ, но не проникнуты горячимъ желаніемъ побѣдить; они умѣютъ скорѣе умирать, чѣмъ побѣждать. Не все ли равно, будутъ ли они побѣдителями или побѣжденными? развѣ Провидѣніе не знаетъ лучше ихъ то, что имъ нужно? Можно себѣ представить, какую выгоду можетъ извлечь изъ такого стоицизма гордый, страстный и непреклонный врагъ. Противопоставьте имъ тѣ благородные народы, которые были проникнуты горячей любовью къ славѣ и отечеству; поставьте вашу христіанскую республику противъ Спарты или Рима: благочестивые христіане будутъ разбиты, раздавлены, уничтожены, прежде чѣмъ они успѣютъ опомниться, или будутъ обязаны своимъ спасеніемъ только презрѣнію къ нимъ со стороны врага. По моему мнѣнію клятва солдатъ Фабія была прекрасной клятвой; они не клялись умереть или побѣдить, они поклялись вернуться побѣдителями и сдержали свою клятву. Никогда христіане не рѣшились бы на подобную клятву; они сочли бы это искушеніемъ Бога.

Но я ошибаюсь, говоря: христіанская республика, каждое изъ этихъ двухъ словъ исключаетъ другое: христіанство проповѣдуетъ лишь рабство и зависи-

мость; духъ его слишкомъ выгоденъ для тираніи, для того чтобы послѣдняя не пользовалась постоянно этимъ. Истинные христіане созданы для того, чтобы быть рабами [23]; они знаютъ объ этомъ, и это мало ихъ смущаетъ. Краткая земная жизнь имѣетъ слишкомъ мало цѣнности въ ихъ глазахъ

Намъ скажутъ, что христіанскія войска превосходны. Я это отрицаю. Пусть мнѣ покажутъ превосходныя христіанскія войска. Что касается меня, то я таковыхъ не знаю. Мнѣ укажутъ на крестовые походы. Не оспаривая храбрости крестосонцевъ, я замѣчу только, что они были вовсе не христіанами, а солдатами первосвященника, гражданами церкви; они сражались за свою духовную страну, которую неизвѣстно какимъ образомъ церковь превратила въ земную. Если хорошо разсмотрѣть крестовые походы, то они подойдутъ подъ понятіе язычества. Такъ какъ евангеліе не устанавливаетъ національной религіи, то никакая священная война не возможна среди христіанъ.

При языческихъ императорахъ христіанскіе солдаты были храбры; всѣ христіанскіе авторы утверждаютъ это, и я имъ вѣрю. Это было соревнованіе съ языческими войсками. Но съ тѣхъ поръ, какъ императоры стали христіанами, этотъ стимулъ пересталъ существовать; а когда крестъ изгналъ орла, исчезла вся римская доблесть.

Но, оставляя въ сторонѣ политическія размышленія, вернемся къ праву и установимъ принципы въ этомъ важномъ пунктѣ. Право, которое общественный договоръ предоставляетъ суверену по отношенію къ подданнымъ, не переходитъ, какъ я уже сказалъ, границъ общественной единицы *).

*) „Въ республикѣ, говоритъ маркизъ д'Аржансонъ, всякій свободенъ во всемъ, что не вредитъ другимъ". Вотъ неизмѣнный

Подданные должны отдавать отчетъ суверену въ своихъ убѣжденіяхъ лишь поскольку убѣжденія эти важны для общины. А государству важно, чтобы каждый гражданинъ имѣлъ религію, которая заставила бы его любить свои обязанности. Но догматы этой религіи интересуютъ государство и его отчленовъ лишь настолько, насколько эти догматы относятся къ морали и обязанностямъ, которыя исповѣдующій ихъ обязанъ выполнять по отношенію къ ближнему. Каждый можетъ имѣть сверхъ того какія ему угодно убѣжденія, причемъ суверену вовсе не нужно ихъ знать, потомучто онъ совершенно не компетентенъ въ вопросахъ неба, и не его дѣло, какая судьба постигнетъ подданныхъ въ будущей ихъ жизни, лишь бы они были хорошими гражданами въ жизни земной.

Существуетъ такимъ образомъ символъ вѣры чисто гражданскій, статьи котораго суверенъ имѣетъ право утверждать, не какъ догматы религіи, конечно, но какъ чувства общественности, при отсутствіи которыхъ нельзя быть ни хорошимъ гражданиномъ, ни вѣрноподданнымъ *) [24]. Не имѣя возможности принуждать кого нибудь вѣрить въ установленные

предѣлъ; нельзя его выразить болѣе точно. Я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи цитировать иногда эту рукопись, хотя и неизвѣстную публикѣ, для того чтобы почтить память знаменитаго и уважаемаго человѣка, который даже въ бытность свою министромъ сохранилъ сердце истиннаго гражданина и правильные и здравые взгляды на правительство своей страны.

*) Цезарь, защищая Катилину, пытался установить догматъ смертности души. Катонъ и Цицеронъ, чтобы опровергнуть его не занялись вовсе философствованіемъ; они удовлетворились доказательствомъ того, что Цезарь говорилъ, какъ дурной гражданинъ и выдвигомъ доктрину, гибельную для государства. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ что долженъ былъ обсуждать римскій сенатъ а не вопросы теологіи.

имъ догматы, государство можетъ изгнать изъ своихъ предѣловъ всякаго, кто въ нихъ не вѣритъ; оно можетъ его изгнать не какъ нечестивца, а какъ человѣка необщественнаго, какъ гражданина, неспособнаго любить откровенно законы и справедливость и неспособнаго также принести въ жертву, въ случаѣ надобности, свою жизнь—своему долгу. Если же кто нибудь, признавъ публично эти догматы, ведетъ себя, какъ невѣрующій въ нихъ, то онъ долженъ быть наказанъ смертью; онъ совершилъ величайшее преступленіе; онъ солгалъ передъ законами [25].

Догматы гражданской религіи должны быть просты, не многочисленны, выражены точно, безъ объясненій и комментаріевъ. Существованіе могучаго, разумнаго, благодѣтельнаго, предусмотрительнаго и заботливаго божества, будущая жизнь, счастье справедливыхъ, наказаніе злыхъ, святость общественнаго договора и законовъ — вотъ положительные догматы [26]. Что касается догматовъ отрицательныхъ, то я ограничиваю ихъ однимъ только догматомъ—нетерпимостью; она входитъ въ исключенные нами культы.

Тѣ, кто различаетъ нетерпимость гражданскую и нетерпимость теологическую, по моему мнѣнію ошибаются [27]. Обѣ эти нетерпимости—неотдѣлимы. Невозможно жить въ мирѣ съ людьми, которыхъ считаютъ проклятыми. Любить ихъ, значило бы ненавидѣть Бога, который ихъ наказываетъ. Представляется абсолютно необходимымъ или направить ихъ на путь истинный или мучить ихъ. Вездѣ, гдѣ допущена теологическая нетерпимость, она необходимо окажетъ извѣстное воздѣйствіе на гражданскую жизнь *).

*) Бракъ, напримѣръ, будучи гражданскимъ договоромъ, производитъ гражданскія послѣдствія, безъ которыхъ общество не

а какъ только она пріобрѣтаетъ это вліяніе, суверенъ перестаетъ быть сувереномъ даже временно [29]. Съ этого момента истинными господами становятся священники: короли суть только ихъ подчиненные.

Теперь, когда нѣтъ и не можетъ быть больше исключительно національной религіи, необходимо терпѣтъ всѣ тѣ религіи, которыя терпятъ другія, по крайней мѣрѣ въ той степени, въ какой догматы этихъ религій не заключаютъ ничего противнаго обязанностямъ гражданина. Но тотъ, кто осмѣливается сказать: „внѣ церкви нѣтъ спасенья“ [30], долженъ быть изгнанъ изъ предѣловъ государства, если только

могло бы даже существовать. Предположимъ, что духовенство добилось бы въ концѣ концовъ того, что присвоило бы себѣ одному право совершать этотъ актъ, право, которое оно по необходимости должно узурпировать во всякой нетерпимой религіи не ясно ли, что, пуская въ ходъ при случаѣ авторитетъ церкви, оно свело бы тогда къ нулю авторитетъ государя, у котораго не будетъ иныхъ подданныхъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ духовенство согласится ему дать [28]; не ясно ли, что, захвативъ право сочетать или не сочетать бракомъ людей, смотря по тому, исповѣдуютъ ли они или не исповѣдуютъ ту или иную доктрину, принимаютъ ли они или отвергаютъ тотъ или иной символъ вѣры, будутъ ли они болѣе или менѣе преданными духовенству, ведя себя благоразумно и крѣпко держась за свое положеніе, — одно только духовенство будетъ располагать наслѣдствами, податями, гражданами, самимъ даже государствомъ, которое не будетъ въ состояніи существовать, будучи составлено только изъ незаконорожденныхъ. Но, скажутъ, объ этомъ заговорятъ какъ о злоупотребленіи, пріостановятъ законъ, издадутъ соотвѣтствующій декретъ, захватятъ свѣтскую власть. Какая жалость! Духовенство, если будетъ обладать сколько нибудь, я не говорю даже мужествомъ, а здравымъ смысломъ, позволитъ дѣлать что угодно и будетъ продолжать итти своимъ путемъ; оно спокойно позволитъ жаловаться, отсрочивать, декретировать, арестовывать и кончитъ тѣмъ, что останется господиномъ. Небольшая, я думаю, жертва отказаться отъ части, когда существуетъ увѣренность во владѣніи всѣмъ.

государство не есть въ то же время и церковь, а государь не первосвященникъ. Такой догматъ хорошъ только при теократическомъ образѣ правленія; при всякомъ другомъ онъ гибеленъ. Основанія, по которымъ, какъ говорятъ, Генрихъ VI принялъ католичество, должны были бы побудить всякаго честнаго человѣка и въ особенности всякаго государя, который умѣлъ бы разсуждать, покинуть эту религію [31].

ГЛАВА IX.

Заключеніе.

Послѣ того, какъ мы установили истинные принципы политическаго права и пытались построить государство на его фундаментѣ, остается еще укрѣпить его въ его внѣшнихъ сношеніяхъ; сюда вошло бы международное право, торговля, право войны и завоеванія, право публичное, союзы, переговоры, договоры и т. д. Но все это составляетъ новый предметъ, слишкомъ обширный для моего близорукаго взора. Мнѣ необходимо было постоянно ограничивать его предметами, болѣе близкими ко мнѣ.

---

[1] Теократія есть образъ правленія, гдѣ власть принадлежитъ духовенству.

[2] Кн. I, гл. 2.

[3] Очевидно, что политеизмъ проистекаетъ изъ болѣе глубокихъ и болѣе многочисленныхъ причинъ, чѣмъ указанныя здѣсь

Руссо; но вѣрно и то, что, разъ каждая соціальная группа имѣла своихъ боговъ, то боги эти оказывались замѣшанными въ расприданныхъ группъ, и часто политическія перемѣны влекли за собой и перемѣны религіозныя.

[4] Разсужденіе Руссо въ данномъ случаѣ невѣрно и приводитъ его къ совершенно неправильнымъ выводамъ. Создавшаяся въ XIX вѣкѣ сравнительная мифологія доказала, напротивъ, что одинъ и тотъ же культъ преобразовывался силою вещей вмѣстѣ съ измѣненіемъ соціальныхъ условій народовъ и что одно и то же божество могло такимъ образомъ измѣнить какъ свой характеръ, такъ и свое имя; въ Пантеонѣ грековъ и римлянъ пытались разыскать древнія божества арійцевъ Индіи; къ этимъ божествамъ присоединилось впрочемъ и много мѣстныхъ, болѣе недавняго происхожденія, божествъ. Будучи химерическими, боги тѣмъ не менѣе имѣютъ свою исторію и пережили безчисленныя трансформаціи.

[5] Но религія безъ всякаго единства.

[6] То есть тѣсный союзъ между религіей и политическими учрежденіями.

[7] Законодательная власть составляетъ согласно Руссо дѣйствительно признакъ и существенную прерогативу суверенитета. А между тѣмъ въ области религіи власть эта принадлежитъ духовенству, а не королю или царю.

[8] Гоббесъ, De cive, Religio.

[9] Гроцій восхищается монархическими выводами Гоббеса, а не его утилитарными принципами и не его теоретическимъ оправданіемъ абсолютной власти суверена (правда, что слово это означаетъ у него правительство, а не народъ, какъ у Руссо) надъ маральными и религіозными убѣжденіями гражданъ. Мы видимъ, что Руссо, напротивъ, почти соглашается въ этомъ пунктѣ съ Гоббесомъ, но онъ находитъ „ужаснымъ и ложнымъ“ презрѣніе, съ которымъ англійскій философъ относится къ свободѣ и равенству индивидовъ. Руссо тоже стоитъ за абсолютную власть, но лишь реально вытекающую изъ воли всѣхъ и примѣняемую всѣми въ интересѣ всѣхъ.

[10] Бейль, авторъ знаменитаго „Историческаго словаря“ (1697 г.), скептицизмъ котораго подготовилъ путь для философовъ 18 вѣка.

[11] Варбуртонъ см. кн. II, гл. 7, прим. 17.

[12] То есть можно разсматривать человѣческое общество вообще и отдѣльныя общества или государства. Первой точкѣ зрѣнія соотвѣтствуетъ религія человѣка, второй религія гражданина.

[13] Это не значитъ, что эта религія сама по себѣ даетъ людямъ *двухъ* правителей, *два* законодательства и т. д., но она навязываетъ имъ религіозную организацію, у которой есть *свой* правитель, *свое* законодательство и т. д. Такимъ образомъ индивидъ оказывается подчиненнымъ одновременно двумъ различнымъ и соперничающимъ поэтому властямъ.

[14] Имя священниковъ тибетскаго буддизма.

[15] Съ точки зрѣнія правильнаго функціонированія политическаго тѣла.

[16] Латинская формула, устанавливавшая, что-то въ родѣ отлученія: индивидъ, объявленный Sacer (священнымъ), былъ какъ бы отрѣзанъ отъ общества и предоставленъ богамъ.

[17] Ибо законы, установленные ею, носятъ абсолютно всеобщій характеръ и совершенно не принимаютъ во вниманіе частныхъ отношеній отдѣльныхъ группъ гражданъ государства.

[18] Національная религія является, такимъ образомъ однимъ изъ главныхъ средствъ придать отдѣльному обществу, то есть государству, „единство", общее „я", которое Руссо считаетъ необходимымъ для жизни государства.

[19] Руссо заявляетъ, что онъ совершенно одобряетъ слѣдующее мѣсто изъ письма его друга Мульту, гдѣ эта идея комментируется слѣдующимъ образомъ (письмо отъ 21 окт. 1752 г.): „Когда вы утверждаете, что христіанство противно соціальному духу, то мнѣ кажется, что это утвержденіе сводится къ мысли, что сердечное отношеніе ослабляется по мѣрѣ его расширенія и что христіанство, побуждая насъ смотрѣть на всѣхъ людей, какъ на братьевъ, мѣшаетъ намъ установить существенное различіе между всѣми людьми и нашими согражданами. Отсюда проистекаетъ то, что христіанство болѣе пригодно для всемірнаго общества людей, чѣмъ для отдѣльныхъ обществъ; христіанинъ скорѣе космополитъ чѣмъ патріотъ". Замѣтимъ кромѣ того, что Руссо выдвигаетъ кромѣ того и слѣдующую, нѣсколько иную, идею: что христіанство отрываетъ человѣка отъ земныхъ интересовъ, а слѣдовательно отвращаетъ его отъ политической дѣятельности.

[20] Ибо члены такого общества не имѣли бы уже общихъ страстей, чувствъ и стремленій человѣчества. Между тѣмъ Руссо попытался изучить людей таковыми, какими они есть. Кн. I введ.

[21] Среди индивидовъ, которые отказались бы отъ всякихъ частныхъ интересовъ, не существовало бы, разумѣется, и интересовъ общихъ.

[22] Настоящаго христіанина, то есть христіанина евангельскаго, а не христіанина историческаго.

[23] Современный нѣмецкій философъ Ницше точно также смотритъ на христіанскую мораль, какъ на „мораль рабовъ“, сочиненную рабами для рабовъ и противопоставляетъ ей „мораль господъ“, замѣняющую терпѣніе и самоуничиженіе любовью къ жизни и волею къ дѣйствію.

[24] Отсюда видно, какъ далеко заходитъ теорія Руссо. Для государства важна вовсе не метафизическая въ нѣкоторомъ родѣ сторона религіи, а единственно только ея соціальныя и моральныя послѣдствія. Государство, такимъ образомъ, пріобрѣтаетъ право запретить или навязать ту или иную метафизическую догму не во имя истины, какъ это утверждали христіане, но во имя общественной пользы. Это родъ утилитарной нетерпимости постановленной на мѣсто нетерпимости доктринерской и потому менѣе распространенный, но можетъ быть еще болѣе опасный, такъ какъ она преслѣдуетъ тенденціи, а не доктрины только.

[25] Объ отсутствіи у отдѣльныхъ индивидовъ вѣры въ догмы можно будетъ, слѣдовательно, судить по ихъ поведенію и по ихъ антисоціальнымъ актамъ. Это невѣріе будетъ наказываться, такъ какъ оно является причиной противо-общественнаго поведенія данныхъ индивидовъ.

[26] Чтобы быть хорошимъ гражданиномъ и вѣрноподданнымъ необходимо по мнѣнію Руссо вѣрить въ провидѣніе, въ будущую жизнь и въ святость законовъ. Въ женевской рукописи Руссо слѣдующимъ образомъ развиваетъ эту мысль: „Во всякомъ государствѣ, которое можетъ потребовать отъ своихъ членовъ, чтобы они пожертвовали своей жизнью, тотъ, кто не вѣритъ въ будущую жизнь по необходимости или трусъ или сумасшедшій; но слишкомъ хорошо извѣстно, до какой степени надежда на будущую жизнь можетъ побудить фанатика къ презрѣнію земной жизни; отнимите у этого фанатика его видѣнія и дайте ему ту же надежду въ качествѣ награды за добродѣтель и вы сдѣлаете изъ него гражданина“. Это тѣмъ болѣе странно, что Руссо не далъ другого основанія для общественнаго договора (кн. I, гл. 6-я), кромѣ правильно понятаго отдѣльными индивидами ихъ собственнаго интереса и всѣ свои разсужденія онъ вывелъ тамъ изъ природы вещей, человѣка и общества.

[27] Гражданская нетерпимость заключается въ ограниченіи свободнаго пользованія своими гражданскими правами тѣхъ, чьи доктрины мы осуждаемъ: напримѣръ въ ограниченіи ихъ свободы,

въ конфискаціи ихъ ммуществъ и т. д. Теологическая нетерпимость заключается просто въ разсматриваніи заблужденій другихъ, какъ препятствія къ ихъ спасенію и причины ихъ духовной гибели. Нетерпимость второго рода, говоритъ Руссо, необходимо влечетъ за собой нетерпимость перваго рода.

[28] Извѣстно, что это предположеніе было реальнымъ фактомъ во Франціи до революціи. Это было одной изъ главныхъ причинъ невыносимаго положенія протестантовъ при старомъ режимѣ.

[29] Авторитетъ закона оказывается на практикѣ парализованнымъ этими религіозными вмѣшательствами, измѣняющими нормальныя отношенія лицъ и имуществъ.

[30] Въ женевской рукописи мы читаемъ: „Для того чтобы спастись, слѣдуетъ думать такъ, какъ думаю я. Вотъ ужасная догма, раздирающая міръ. Вы никогда не достигнете общественнаго мира, если вы не освободите общества отъ этой адской догмы. Всякій, кто не находитъ ея ужасной, не можетъ быть ни христіаниномъ, ни гражданиномъ, ни человѣкомъ: это чудовище которое слѣдуетъ нести въ жертву спокойствію человѣческаго рода". (Изд. Др. Бр. стр. 300).

[31] Перефиксъ въ „Исторіи Генриха IV" разсказываетъ, что послѣ того, какъ протестантскіе священники заявили на диспутѣ, что они считаютъ возможнымъ спасеніе честнаго католика тогда какъ католическіе теологи обрекали на вѣчное осужденіе всякаго протестанта, Генрихъ IV сказалъ протестантамъ- „Благоразуміе подсказываетъ мнѣ перейти въ ихъ религію, а не оставаться въ вашей, потому что, будучи католикомъ, я спасусь и по ихъ мнѣнію и по вашему, а оставаясь протестантомъ, я конечно, по вашему спасусь, по ихъ ученію погибну"...

Отрывокъ изъ „Исповѣди“ Руссо (1756).

Послѣ нѣсколькихъ дней, посвященныхъ наслажденію природой, я взялся за упорядоченіе своихъ бумагъ и занятій. Какъ я это дѣлалъ всегда, утро я посвящалъ перепискѣ, а послѣобѣденное время—прогулкѣ,—беря съ собой бѣлую тетрадку и карандашъ, такъ какъ я могъ хорошо писать и разсуждать только подъ открытымъ небомъ и не хотѣлъ измѣнять своей привычки. Я рѣшилъ, что лѣсъ Монморанси, который начинался почти у моей двери, будетъ теперь моимъ кабинетомъ. У меня было много начатыхъ рукописей; я разобралъ ихъ. Проектовъ у меня было много, но въ сутолокѣ города выполненіе ихъ шло до сихъ поръ плохо. Я разсчитывалъ стать прилежнѣе, когда у меня будетъ меньше развлеченій. Думаю, что выполнилъ это намѣреніе. Если принять во вниманіе, что я часто бывалъ боленъ, что я переѣзжалъ то въ Шевреттъ, то въ Эпинэ, то въ Обоннъ, то въ замокъ Монморанси, что часто мнѣ надоѣдали различные бездѣльники и что половину дня я отдавалъ перепискѣ, то, сосчитавъ все написанное мною въ эти шесть лѣтъ, проведенные въ Эрмитажѣ и Монморанси, можно убѣдиться, что если я и потерялъ время, то провелъ его не въ праздности.

Среди различныхъ работъ, къ которымъ я приступалъ тогда, работа, которую я задумывалъ уже давно,

которою занимался особенно ревностно, надъ которою работалъ всю свою жизнь и которая, по моему мнѣнію, должна была положить печать на мою репутацію, это были *Политическія учрежденія.* Первая идея ихъ представилась мнѣ тринадцать—четырнадцать лѣтъ тому назадъ, когда, будучи въ Венеціи, я имѣлъ случай замѣтить недостатки этого столь восхваляемаго правительства. Съ тѣхъ поръ мои взгляды значительно расширились подъ вліяніемъ историческаго изученія морали. Я увидѣлъ, что все было радикально связано съ политикой и что, съ какой бы стороны ни подходить къ этому вопросу, всякій народъ будетъ лишь тѣмъ, чѣмъ его сдѣлаетъ природа его правительства. Такимъ образомъ, этотъ великій вопросъ о возможно лучшемъ правительствѣ, казалось, сводился къ вопросу: каково должно быть правительство, способное создать народъ наиболѣе доблестный, наиболѣе просвященный, наиболѣе мудрый, въ концѣ концовъ наилучшій, беря это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ? Мнѣ казалось, что этотъ вопросъ былъ тѣсно связанъ со слѣдующимъ, если и отличался отъ него: каково то правительство, которое по своей природѣ наиболѣе близко подходитъ къ закону? Отсюда вопросъ, что такое законъ и цѣлая цѣпь вопросовъ столь же важныхъ. Я видѣлъ, что все это вело меня къ великимъ истинамъ, полезнымъ для счастья человѣческаго рода, въ особенности же для счастья моей родины. Въ теченіе моихъ путешествій я не наблюдалъ понятій законовъ и свободы, ни достаточно правильныхъ, ни достаточно ясныхъ, и этотъ непрямой способъ давать эти понятія, казалось мнѣ, наиболѣе способенъ щадить самолюбіе членовъ правительствъ и можетъ извинить меня, если я вижу въ этомъ вопросѣ дальше, чѣмъ они.

Хотя я и работалъ надъ этимъ трудомъ уже пять

или шесть лѣтъ, онъ все же не подвинулся впередъ. Книги подобнаго рода требуютъ размышленія, работы, спокойствія. Кромѣ того, я занимался имъ, какъ говорятъ, на удачу и не хотѣлъ сообщать своего проекта никому, даже Дидро. Я боялся, что онъ покажется слишкомъ смѣлъ для вѣка и для той страны, гдѣ я писалъ, и что испугъ моихъ друзей [1]) помѣшаетъ его выполненію. Я еще не зналъ, будетъ ли онъ оконченъ во-время и сможетъ ли появиться на свѣтъ при моей жизни. Я хотѣлъ отдать своему предмету все, что я могъ, будучи увѣренъ, что, безъ сатирическаго настроенія и не ища примѣненія, я буду всегда безукоризненъ въ смыслѣ безпристрастія. Я хотѣлъ въ полной мѣрѣ воспользоваться правомъ мыслить, которымъ я обладалъ по своему рожденію, но всегда уважая правительство, съ которымъ мнѣ нужно было жить, никогда не нарушая его законовъ. Не желая нарушать людскихъ правъ, я не хотѣлъ лишаться своихъ изъ страха.

Признаюсь даже, что, живя во Франціи въ качествѣ иностранца, я находилъ свое положеніе очень удобнымъ, чтобы смѣть говорить истину, очень хорошо зная, что, продолжая, какъ я хотѣлъ это, не печатать ничего въ этомъ государствѣ безъ разрѣшенія, я не долженъ былъ давать отчетъ въ своихъ взглядахъ и въ ихъ опубликованіи въ другомъ мѣстѣ. Я былъ бы гораздо менѣе свободенъ даже въ Женевѣ или въ

---

[1]) Этотъ страхъ внушала мнѣ въ особенности мудрая строгость Дюкло, такъ какъ въ отношеніи Дидро я не знаю самъ— какъ, но всѣ мои разговоры съ нимъ дѣлали меня всегда сатирическимъ и язвительнымъ болѣе, чѣмъ моя натура была таковой. Это въ особенности отклоняло меня отъ мысли посовѣтоваться съ нимъ о томъ предпріятіи, въ которое мнѣ хотѣлось вложить всю силу разсужденія безъ всякаго слѣда чувства и партійности. О тонѣ этого сочиненія можно судить по *Общественному договору*, который извлеченъ изъ него.

какомъ нибудь другомъ мѣстѣ, гдѣ бы мои книги печатались, магистратъ могъ бы критиковать ихъ содержаніе. Это соображеніе сильно содѣйствовало тому, что я согласился на убѣжденія госпожи Эпинэ и отказался отъ проекта основаться въ Женевѣ. Я чувствовалъ, какъ я это высказалъ въ *Эмилѣ*, что если не быть интриганомъ, то, желая посвятить свои книги истинному благу отечества, ихъ не нужно писать въ немъ.

Что заставляло меня считать мое положеніе болѣе счастливымъ, такъ это увѣренность, что правительство Франціи, не особенно одобрительно взирая на меня, все же сочтетъ необходимымъ если не протежировать меня, то по крайней мѣрѣ оставить въ покоѣ. Это было, какъ мнѣ кажется, очень простой и ловкой политикой создавать себѣ заслугу,—содѣйствовать тому, чему нельзя было помѣшать. Потому что, если бы меня изгнали изъ Франціи, единственно, что имѣли право сдѣлать, мои книги все же были бы написаны можетъ быть въ менѣе сдержанной формѣ, тогда какъ оставляя меня въ покоѣ, удерживали автора, какъ залогъ за его сочиненія, и кромѣ того уничтожали очень распространенный въ Европѣ предразсудокъ, придавая себѣ репутацію просвѣщеннаго уваженія къ правамъ людей.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Перечень главныхъ сочиненій Руссо.

1750 г. Discours sur les sciences et les arts (Разсужденіе о наукахъ и искусствѣ).

1755 г. Discours sur l'origine de l'inégalité parmi les hommes (Разсужденіе о происхожденіи неравенства среди людей)

1755 г. Economie politique (Политическая экономія. статья въ энциклопедіи).

1758 г. Lettre à d'Alambert snr l'article Genève (Письмо къ д'Аламберу о статьѣ Женева).

1761 г. Julie, ou la nouvelle Heloise, ou lettres des deux amants. (Юлія, или Элоиза, или письма двухъ возлюбленныхъ). Есть на русскомъ языкѣ, переводъ Кончаловскаго Москва. 1892.

1762 г. Emile, ou de l'éducation (Эмиль или о воспитаніи). Существуетъ по-русски въ двухъ изданіяхъ:
Ж. Ж. Руссо, Теорія воспитанія, изданіе и редакція Н. Тиблена. СПБ., 1886.
Ж. Ж. Руссо, Эмиль или о воспитаніи, переводъ съ французскаго П. Первова. Москва, 1896 изданіе Тихомирова.

1762 г. Du contrat social ou principes du droit politique (Объ общественномъ договорѣ ими принципы государственнаго права). Кромѣ настоящаго изданія существуетъ по-русски еше два изданія, одно подъ редакціей Дживилегова, другое подъ редакціей Когена

1762 г. Lettre à l'Archevêque Christophe de Beaumont (Письмо къ архіепископу Христофу де Бомонъ).

1764 г. Lettres écrites de le montagne (Письма съ горы).

1764 г. Rousseau juge de Jean Jacques (Руссо судья Жана Жака) послѣ смерти Руссо вышли:
Confessions (Исповѣдь). По-русски въ двухъ изданіяхъ
Ж. Ж. Руссо, Исповѣдь, изданіе снабжено иллюстраціями Мориса Леблуа, переводъ подъ редакціею С С. Трубачева. СПБ., 1901 г. изданіе журнала Вѣст. Иностр. Литерат.
Ж. Ж. Руссо, Исповѣдь, переводъ Ѳ. Н. Устрялова. Изд. Суворина. СПБ., 1898.

Rêveries d'un promeneur solitaire (Мечты прогуливающагося отшельника).

Кромѣ этихъ сочиненій Руссо написалъ нѣсколько театральныхъ пьесъ, сочиненія о происхожденіи языковъ, объ управленіи Польши и друг. словарь музыки, много мелкихъ сочиненій и отрывковъ и огромное количество писемъ.

Иностранная литература о Руссо.

Anticontrat social, dans lequel on réfute d'une manière claire utile et agréable les principes posés dans le Contrat social de J.-J. Rousseau, citoyen de Genève, par *P. L. Beauclair,* citoyen du Monde La Haye 1764.

M. P. Berthier (jésuite), *Réfutation du Contrat social.* Paris, 1789.

(Анонимный памфлетъ) *J.-J. Rousseau aristocrate.* Paris, 1790.

Mercier, *De J.-J. Rousseau considéré comme un des premiérs auteurs de la Rèvolution.* Paris, 1791.

Ph. Gudin, *Supplement au Contrat social, applicable particulierement aux grandes nations.* Paris, 1791.

Benjamin Constant, *Cours de politique constitutionelle,* 2 тома, 1818—1820.

Musset-Pathay, *Histoire de la vie et des oeuvres de Rousseau. 1821*

Kahle, *Rousseau's Contrat social.* Berlin, 1834.

Proudhon, *Idée generale de la Révolution* au XIX siècle. Paris, 1851.

Fr. I. Stahl, *Philosophie des Rechts,* 3-е изд., 1854.

Mohl, *Geschichte und Litteratur der Staatswissenschaft,* T. I. Erlangen, 1855.

Bersot. *Etudes sur le XVIII siécle.* T. II. Paris, 1855.

L. Stein, *Der Begriff der Gesellschaft und die sociale Geschichte der françösischen Revolution,* 2-е изд. Leipzig, 1855.

Bona Meyer, *Voltaire und Rousseau in ihrer socialen Bedeutung,* 1856.

Baudrillart. *Etudes de philosophie morale.* Paris, 1858 (т. I. статья: Rouss. et le socialisme d'aujourd'hui).

Gaberel, *Rousseau et les Génevois,* 1858.

Bluntschli, *Geschichte des allgemeinen Staatsrecht und der Politik.* München, 1864.

I. Barni, *Histoire des idées politiques et morales au XVIII siécle,* t. II. Paris, 1865.

G. Streckeisen-Moultou, *Rousseau, ses amis et ses ennemis*, 1865.

Lamartine, *Rousseau son faux contrat sociale et le vrai contrat social*. Paris, 1866.

Christensen, *Studien über Rouss*. Flensburg, 1869.

Ahrens, *Naturrecht*, T. I. Wien, 1870.

Moreau, I. I. Rouss. et le siécle philosophique, 1870.

Krömer, *Der Staatsvertrag*. Leipzig, 1872.

Iohn Morley, *Rousseau*, 2 тома. London, 1873.

Ant. Fracon. *Examen critique du Contr. soc. de Rouss. citoyen de Genève*. 1873.

Arntzenius, *De Staatsleer von Rousseau*. Leiden, 1873.

Brockerhoff, *Rouss. sein Leben und seine Werke*. Leipziz, 1873—74.

Desnoireterre, *Voltaire et Rouss.*, 1874.

E. Schmidt, *Richardson, Rouss., Göthe*, 1875.

St. Marc Girardin, *Rouss. sa vie et ses ouvrages*. Лекцiи. Paris, 1875.

F. Rocquain, L'*ésprit ré olutionuaire avant la révolution*. Paris, 1875.

Th. de Saussure. *Notes et documents recuellis par Ceresole*. *Rousseau â Venise*. 1877.

Meylan, *Rouss., sa vie et ses oeuvres*, 1878.

Ritter. *Nouvelles recherches sur les Confessions et la correspondance de Rouss*.

Ritter, *La famille de Rouss.*, 1878.

Gaberel. *Rouss. et les Génèvois*.

Gaberel. *Calvin et Rousseau*. 1878.

Dufour. *Rousseau et M-me de Warens*. 1878.

Rottenburg. *Vom Begriff des Staats*, B. I. Leipzig, 1878.

Dietrich, *Kant und Rouss.*, 1878.

O. Schmidt, *Rouss. und Byron*.

Gehrig, *Rouss.*, 1879.

Лекцiи читанныя въ Женевѣ. I. Brailard, H. F. Amiel, A. Oltramarc, I. Hornung, A. Bouvier et Marc Monnier, *Rousseau jugé par les Genevois d'aujourd'hui*. Genève, 1879.

A. Fouillée, *La science sociale contemporaine*. Paris, 1880.

Gumplowitz, *Rechtstaat und Socialismus*, 1881.

Jansen, *Zur Litteratur über Rousseau's Politik*. Въ журналѣ Preussische Jahrbücher, 1882.

Eug. Ritter. *Le conseil de Genève jugeant les ocuvres de Rouss*. 1883.

Ch. Borgeaud, *Rousseau's Religions philosophie.* Genf, 1883.

F. Nourisson, *La politique de Rousseau.* (Статья въ журналѣ Correspondant августъ—сент. 1883).

Jansen, *Rouss. als Musiker*, 1884.

Ch. Renouvier, (три статьи о Руссо въ журналѣ Critique philosophique т. XXV, 1884).

Koch, *Die Verfassung von Genf und Rousseau's Contrat social* (въ журналѣ Historische Zeitschrift), 1886.

Paul Janet, *Histoire de la science politique*, т. II, 3-е изд. Paris, 1886.

E. Champion, *L'esprit de la Revolution française.* Paris, 1887.

Levy-Bruhl, *L'influence de Rousseau en Allemagne*, въ журналѣ Annales de l'économie et des sciences politique, 1887.

Mentha, *Discours sur le systéme politique de Rousseau.* Neufchatel, 1888.

E. Champion, *Un jugement à réviser* (въ журналѣ Revue Bleue, февр. 1889).

J. Vuy, *Origines des idées politique de Rousseau.* Genève, Paris, 1889.

Mahrenholz, *Rousseau's Leben, Geistesentwickelung und Hauptwerke.* Leipzig, 1889 (съ библіографіей).

J. Grand-Carteret. *Rouss. jugé par les Français d'aujourd'hui.* Paris, 1880 (съ библіографіей).

B. Foster, *Rousseau und die deutsche Geschichtsphilosophie.* Stuttgtart, 1890.

F. Mugnier. *M-me de Warens et Russeau.*

H. Baudouin, *La vie et les oeuvres de Rouss.* Paris, 1890.

A. Bertrand. *Le texte primitif du Contrat social.* Paris, 1891.

J. Izoulet, *De J. J. Russeo, utrum misopolis fuerit an philopolis* Paris, 1894.

Stammler, *Theorie des anarchismus.* Berlin, 1894.

G. Ellinek, *Die Erklärung der Menschen- und Bürgerrechte.* Leipzig, 1895.

Maugras, *Voltaire et Rous.* 1895.

Dubois Raymond, *Friedrich der grosse und Rouss.*

Kritschewsky. *Rousseau und St.-Just.* Bern, 1895.

A. Lichtenberger, *Le socialisme au XVIII siécle.* Paris, 1895.

Max Landmann, *Der Souveränitätsbegriff bei den françösischen Theoretikern von Jean Bodin bis auf Rousseau.* Leipzig, 1896.

G. Koch, *Beiträge zur geschichte der politischen Ideen und der Regierungsppraxis*, 1896.

Henri Michel, *L'idée de l'Etat*. Paris, 1896.

Rehm, Geschichte der Staatsrechtwissenschaft. Freiburg, 1896.

A. Chuquet, *Rousseau* (изъ серіи Collection des grands écvriains). Paris, 1896.

Stammler. *Wirtschaft und Recht*. Leipzig, 1896.

M. Liebmann, *Die Staatstheorie des Contrat social*. Halle, 1896.

Schalz-Gore, *Un testament litteraire de Rousseau*, 1897.

H. Höffding, *Rousseau und seine Philosophie*, 1897.

J. Clark Murray, *Rousseau, his position in the history of philosophy* (въ журналѣ Philosophical Review), т. VIII.

Ph. Sagnac, *La législation civile de la Révolution française*. Paris, 1898.

A. Espinas, *La philosophie sociale du XVIII siécle et la révolution*. Paris, 1898.

F. Haymann, *Rousseau's Socialphilosophie*. Leipzig, 1898.

Rehm, *Allgemeine Staatslehre*. Freiburg, 1899.

G. Mayer, *Quelques observations sur le socialisme de Rousseau*. Bruxelles, 1900.

K. Diehl, статья *Rousseau* въ словарѣ Handwörterbuch der Staatswissenschaft составленнаго Conrad et Lexis, 1901.

Otto Gierke, *J. Althusius, die Entwickelung der naturrechtlichen Staatstheorien*, 2-е изд. Breslau, 1902.

E. Faguet, *La politique comparée de Montesquieu, Rousseau et Voltaire*. Paris, 1902.

F. Nourisson, *Rousseau et le Rousseauisme*. Paris, 1903.

Jules Lemaitre, *Rousseau* (лекціи, напечатанныя въ газетѣ Temps зимой 1907 г.).

Русская литература о Руссо.

Ф. К. Шлоссеръ, *Исторія XVIII столѣтія*, т.т. II и IV перев. съ нѣм., 1868.

Ставринъ, *Жизнь и дѣятельность Ж. Ж. Руссо* (статья въ Дѣлѣ 8, 10—12, 1875).

Б. Чичеринъ, *Исторія политическихъ ученій* Ч. 3-я. Москва. 1874.

Ю. Жуковскій, Исторія политической литературы XIX стол. 1871 г.

Морлей, *Руссо*, переводъ Невѣдомскаго. СПБ., 1881 (распродано).

Герье. *Понятіе народа у Руссо* (статья въ Русской Мысли, 1882).

А. С. Алексѣевъ, *Этюды о Ж. Ж. Руссо*, 2 тома. Москва, 1887. (Въ приложеніи впервые напечатанъ на франц. языкѣ первоначальный текстъ Contrat social, такъ называемая женевская рукопись).

Грей Грэхэмъ, *Ж. Ж. Руссо, его жизнь, произведенія и окружающая среда*, перев. съ англ. Москва, изд. Морозова, 1890.

А. П—ва, *Ж. Ж. Руссо*, по отзывамъ нынѣшнихъ французовъ Русская Мысль, 1890.

Э. Радловъ, *Отношеніе Вольтера къ Руссо*, (вопросъ филос. и психол., 1890).

А. Острогорскій, *Ж. Ж. Руссо его жизнь и литературная дѣятельность*, Юр. Вѣстн., 1892.

С. Н. Южаковъ, *Ж. Ж. Руссо, его жизнь и литературная дѣятельность*. СПБ , 1894.

А. Шюкэ, *Ж. Ж. Руссо*, переводъ съ франц. Шараповой. Москва, изданіе Посредника.

Б. Чичеринъ, *Политическіе мыслители древняго и новаго міра*, 1897.

Геффдингъ, *Ж. Ж. Руссо и его философія*, переводъ съ нѣм. Л. Давыдовой. СПБ., 1898.

Р. Штаммлеръ, *Хозяйство и право*, перев. съ нѣм. СПБ., 1899.

Корелинъ, *Ж. Ж Руссо*, опытъ характеристики его обществ. идей, 1899.

Н. Котляревскій, *Міровая скорбь*, 1898 (распродано).

Н. Карѣевъ, *Исторія западной Европы въ новое время*, т. III, ч. 1-я.

Рокенъ, *Движеніе общественной мысли во Франціи въ XVIII вѣкѣ*, перев. съ фр. СПБ., 1902.

А. Мишель, *Идея государства*, перев. съ франц. СПБ., 1903.

В. Герье, *Руссо* (статья въ энциклоп. словарѣ Брокг. и Эфрон.).

В. Герье, *Идея народовластія и франц. револ.* Москва, 1904.

Г. Еллинекъ, *Декларація правъ человѣка и гражданина*, пер. съ нѣм., 1905.

М. Ковалевскій, *Отъ прямого народоправства къ представ. правл.*, т. III Москва, 1906.

Р. Штаммлеръ, *Теоретическія основы анархизма*, Москва, 1906.

